

СОДЕРЖАНИЕ

РЕСПУБЛИКЕ – 90

Г. Спичак. Колодцы нашей памяти 4

В. Сумароков. Парад без победы 8

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

«Вот и вернулся к истоку...». Стихи 14

Е. Холопова. Путешествия российских пенсионерок в период неразвитого капитализма 24

Е. Козлов. Морт олём. Кывбуръяс 42

Ай лов ю. Ичётик висьтьяс 52

УЧТЬ-ВЫМЬ

Е. Козлова. Медся дона, медся муса ин 60

П. Лимеров. Пермские епископы и тема христианизации коми в вычегодско-вымских литературных памятниках 62

К. Жаков. Эжол. Сказочник Митя. Солдат Арсений. Рассказы .. 76

З. Прошева. Эжов 83

М. Удоратина. Жизнь и сцена 94

Н. Дьяконов. Свадьба. Пьеса 107

С. Попов. «Пармаса войтырлён шуда поэт...». Кывбуръяс.. 142

В. Канова. Воспоминания об отце 147

АРТ-ФАКТ

С. Беляева. Изобразительное искусство Республики Коми в 1920–2000-е годы 154

В. Морозова. «Сыктывкарса тульс»: вчера, сегодня, завтра 177

ОБЗОРЫ. НОВОСТИ

Рецензии. Новости

Приложение к журналу книга В. И. Лыткина «Пипильсты сёкёл»

**Республиканский литературно-публицистический,
историко-культурологический, художественный журнал**

**Республиканской литературно-публицистической,
историко-культурологической, художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках.

Публикация материалов по освещению реализации социально значимых проектов осуществляется при государственной поддержке в форме субсидии Агентством Республики Коми по печати и массовым коммуникациям.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г. зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми войтыр»

Главный редактор — Галина Бутырева

Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д.229, каб. 136, тел./факс: (8212) 201-499. E-mail: artkomi@mail.ru <http://www.artlad.ru>

© «Арт», 1998 г.

Подписано к печати 08.06.11. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 4379. Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография» с дискет заказчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

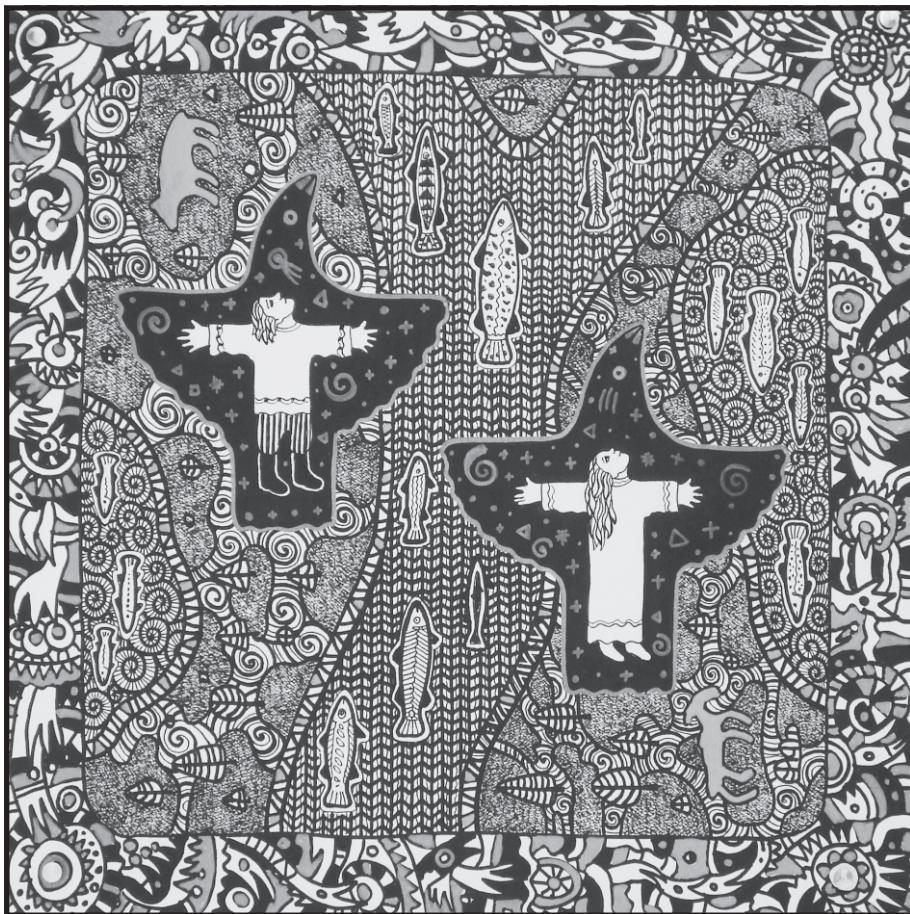
В оформлении обложки использована картина С. Торлопова «В истоках Ниедзью». 1967. Х., м. 88×125.

В оформлении заставок использованы работы Ю. Лисовского.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам. Публикуя материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йöзöдтöм гижöдъяс редакция оз рецензiruit и авторъяслы найöс оз мöдöд. Редакция оз век во öти кывöй авторъяскöд.

Республике – 90

Григорий Спичак

Спичак Григорий Иванович родился в посёлке Железнодорожный Княжпогостского района в 1960 году. Окончил Сыктывкарский государственный университет. Автор нескольких книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Живёт в Сыктывкаре.

Колодцы нашей памяти

У современного популярного писателя Михаила Веллера есть рассказ «Время, назад!», в котором он в свойственной ему игровой манере рассмотрел историю Москвы, как бы запустив плёнку времени задом наперёд. Читается забавно, но не более того...

Интересно, а если мы свою историю – не всю, а хотя бы последние 80–100 лет – запустим «счётом назад», будет ли нам «просто любопытно» или мы поразимся стремительной и яркой вспышке эпохи?

Вы помните пейджеры? Они уже десять лет, как вышли из моды вообще. Боже, о чём я говорю – они в моду и не успели войти. Знакомый двенадцать лет назад уехал в Германию. Приехал в гости. Стеснялся достать сотовый телефон, наивно полагая, что будет выглядеть «буржуем». Уже в сыктывкарском аэропорту был в шоке – среди встречающих стояли две девчушки и трещали по телефону с теми, кто выходил: «О! Я тебя уже вижу!..» И княжпогостские таксисты, которые везли его на родину, явно не считали минутки сотовой связи, обсуждая с жёнами меню ужина и планы на вечернюю баню с друзьями. «Да у них аппараты даже у сопливых пацанов!..» – успокоился эмигрант.

Шестнадцать лет назад, помнится, писатель Лев Смоленцев привёз в Сыктывкар «новость» об Интернете и пытался раскрутить её через республиканские газеты. Больше половины работников правительственные зданий на Стефановской площади вежливо и искренне считали, что компьютер – это что-то типа более продвинутого калькулятора с преферансом и другими играми для заполнения трудных пауз в работе. Сегодня они, как и поколение next, не вылезают из социальных сетей и даже с юбилеем республики будут поздравлять друг друга ВКонтакте или на Facebook.

А тогда, в середине 90-х, задержки по зарплате составляли от 2 до 8 месяцев и среди учителей считалось неприличным хвастаться «а нам выдали зарплату за март...» (в июне).

Семнадцать лет назад в Сыктывкаре стреляли из автоматов в окна и взрывали машины, а «смотрящих» могли хоронить, как Заслуженных работников и Героев невидимого фронта. Вы видели колонну венков от братков? Профсоюзы тогда – в 1994-м – на стоимость двух таких венков собирали республиканские конференции.

По бартеру пропадали вагоны угля и мазута, шахтёры пытались покорить Правительство, а их самих покоряли «авторитеты» приватизации. Тогда видеосистемы в доме рассматривались, как «особые новые возможности». А понятие «новые русские» так и не смогли внятно перевести ни в «Коми му», ни в «The Financial Times». «МММ» косило кошельки северян так же, как «Хопер-инвест», «Гермес-Союз» и другие «новые возможности».

Двадцать-двецаать пять лет назад микрорайон «Орбита» в Сыктывкаре и Пионер-гора в Ухте застраивались буквально на глазах. Воркутинские шахты из года в год отмечали выполнение годовых планов задолго до нового года, ордена сыпались с надёжностью лотерей ДОСААФ, и Воркута была, пожалуй, единственным городом в Коми, где талоны были только на некоторые продукты питания. Во всей остальной республике они были на всё – от сахара и круп до водки и масла.

Но как в это время строились дороги! Асфальт доползал до каждой деревушки – сотни и сотни километров асфальта сделали тогда республику мобильной. Автобусные маршруты открывались иногда еженедельно. В Сыктывкаре вынуждены были строить отдельный «Автопавильон» на южное и восточное направления. На трассе Сыктывкар – Ухта ещё целый десяток вёрст у Чиньяворыка абсолютно не проходим легковыми автомобилями, здесь только КАМАЗы и сумасшедшие «уазики» пытаются победить пространство с помощью веры в себя и просто удачи.

В Сыктывкаре хор баптистов и первую бесплатную раздачу Библии в ДК «Металлист» обсуждали от правительственные коридоров до школьных. Тогда Рождество праздновали ещё «как показывают по телевизору» – а там показывали католическое – 25 декабря, но мало кто понимал разницу... За шестьдесят лет страна забыла свои старые праздники и традиции.

Зато сорок и пятьдесят лет назад республика пережила «золотые десятилетия», когда она превращалась в индустриальную с появлением заводов древесноволокнистых плит в Княжпогосте, фанерного комбината в Жешарте, а ещё раньше – 47 лет назад Сыктывкарского лесопромышленного комплекса в Сыктывкаре. В 70-х годах появляется новый город Усинск и новые железнодорожные ветки – на запад от Микуни (в Удорском районе пилият лес болгары), на восток – к Троицко-Печорску и на север – от Сыни к Усинску.

Это было время, когда в лесные посёлки ездили... за дефицитом. Там были одни из самых высоких заработков и финские спортивные костюмы, там после бани можно было попить бутылочное пиво и даже венгерский ром, а снегоходы «Буран» были диковинкой, как сейчас джипы с телевизорами и встроенными барами. Стране СССР нужен был лес – она рождала города, в которых стройматериалы были хроническим дефицитом. И этим тогда объяснялось всё... В Сыктывкаре появляется университет, а в Ухте – индустриальный институт. Республика гремит на весь мир именами первых олимпийских чемпионов. Появляется Сыктывкарская студия телевидения.

Ещё будущий Октябрьский проспект в Сыктывкаре называется (до 1967 года) «ул. Гагарина», и строятся жёлтые пятиэтажки, а пространство до железнодорожного вокзала и вокруг него – это серое поле с ивняком и разнолесьем.

Пятьдесят пять лет назад происходило рождение десятков новых леспромхоз-

зов, в которые ехали на работу по комсомольским путёвкам, а так же вербованные из разорённых и голодных краёв от Буга до Терека. Освобождённые из лагерей по амнистиям и сокращённым срокам после ХХ-го съезда партии сделали быт республики не только динамичным и обогащённым «декадансом» ленинградских и московских интеллигентских кругов, но и въедливой уголовной этикой и эстетикой, от которой не только республика, но и вся страна не в состоянии избавиться до сих пор.

В это время мальчишки играют в войну с реальными планшетами фронтовиков, ходят в школу в телогреечках и делают ножи из напильников и рваных канистр с выпуклыми буквами «*wermacht*».

В это время уже работают Микуньское и Сосногорское депо. Уже собираются первые выезды к морю первых пионерских лагерей из школьников Коми АССР.

Шестьдесят лет назад появляются ремонтно-механические заводы – Сыктывкарский (СМЗ), Княжпогостский и Ухтинский. А ещё раньше отменяют карточки на хлеб. В деревнях, недосчитавшихся более 200 тысяч мужиков, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны, мечтают уехать на воркутинские шахты, о заработках в которых ходят легенды. Открыт кооперативный техникум в Сыктывкаре, в училищах на трактористов учат с 14 лет... Самая шикарная офицерская столовая (в Сыктывкаре) находится на том месте, где сегодня Торговый центр «Звёздный». Из Выльгорта на работу в Сыктывкар ходят пешком. Из Гарьи и Максаковки тоже... Строится ДК «Строитель» и барабанный (плюс 2 двухэтажки) микрорайон строителей вокруг него. Начинает вставать на ноги строительная отрасль города и республики.

В 1941-м открывается новое здание драмтеатра – такое, каким его восстановили недавно по старым чертежам.

Семьдесят четыре года назад (в сентябре 1937-го) прошли первые поезда на перегонах Микунь – Княжпогост – Ракпас. Осеню того же года под Ракпасом расстреляны 200 заключённых, и дорога пошла дальше на Печору. Через четыре года пойдут первые поезда с углём для осаждённого Ленинграда, на Усе будут работать 40 водолазников-смертников, пытающихся вести дноуглубительные работы (за десять лет после работ поумирали все).

Республика ещё только-только справилась с громадной волной раскулаченных переселенцев из разных регионов страны (похоронив каждого третьего), в общем-то она и республикой стала только-только (в 1936-м). Волна заключённых и строительство лагерей создают специфическую инфраструктуру республики на 30–40 лет вперёд. Жестяные фонари, вышки и лай совсем не охотничьих собак зажигают огни большого ГУЛАГа... В Сыктывкаре появляется первенец коми индустрии Лесозавод. В 1934 пущен первый городской автобусный маршрут.

Под Ухтой рванули первые столбы нефти. И мир, и Кремль, одетые уже во френчи в предчувствии Большой войны, догадываются, что наступила другая – нефтяная эпоха... Но об этом не могут знать и не догадываются тысячи заключённых. Их жизнями оплачено вхождение страны в этот Новый корпораторный мир и в большую Победу.

Девяносто лет назад Коми автономная область пытается освоить молодцовский алфавит и создаёт свою литературу, журналистику, театр и, как думается тогда некоторым, коми идею возрождения нации.

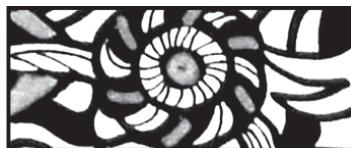
Товарищества по совместной обработке земли мало были похожи на нэпмановские бизнес-структуры, но эти товарищества стали предтечами тех колхозов, которые совсем скоро – через пяток лет – появятся в каждой деревне.

Девяносто пять лет назад в сёлах появляются озверевшие и вшивые солдаты с фронтов I-й мировой войны, собирающие для «толкования» мужиков. Уже театрально рвутся царские портреты и закапываются штыки в землю (чтоб потом откопать и для хозяйства приспособить). В Усть-Куломе собрали «общество». В Княжпогосте кронштадский матрос Люсев подбил братьев Мановых и вместе, набив морду уряднику из Айкино, они торжественно выкинули ростовой портрет Императора из пристройки к местной школе, где раньше земское начальство отчитывалось по налогам и собирало их тоже...

Зимой впервые караван торговцев на Вятку уйдёт в очень у половиненном составе (крестьяне приберегали для себя ячмень, впрок коптили дичь). А потом здесь загуляет банда Орлова и Лыткина... А потом придёт «кровавый комиссар» Мориц... И под пулемётом того кронштадского матроса Люсева падёт под селом Лена капитан Орлов... На Чове (неслыханное дело!) расстреляют за контрреволюционную агитацию бабку Кузьбожеву, заговорит народ о трагедии и подвиге молодой девушки Домны Каликовой...

СТО лет назад на Троицкой улице Усть-Сысольска (ныне ул. Орджоникидзе) появляется первая типография в Коми крае. В 1900–1903 годах в крестьянских домах вычегжан, ижемцев, вымичей появляются первые новогодние ёлки. До векового юбилея (1900) такой традиции – наряжать ёлку – на Коми земле не было. Только в редких купеческих домах и далеко не на каждый новый год ставились ёлочки... По осени пацаны из Кокулькара и Кируля ходят на рябчика с луками и с пращами-закидками...

Мы можем только думать, что знаем историю. Мы её пред-став-ляем...

Владимир Сумароков

Сумароков Владимир Рудольфович – журналист, литератор.

Родился в Воркуте (пос. Промышленный). После школы работал на воркутинской шахте «Центральная». В 1986 году закончил исторический факультет Сыктывкарского государственного университета. Затем в течение нескольких лет занимался преподавательской деятельностью. В журналистике с 1991 года. С 2001 года главный редактор газеты «Трибуна».

Автор двух книг – «Единственная тюрьма» (1991 г.) и «Агарь» (2000 г.). Стихи и проза Владимира Сумарокова в разные годы публиковались в литературных сборниках и журналах.

Живёт в Сыктывкаре.

Парад без победы

*Даже в «Смутное время» Кomi не запятнала
свою историю этническими конфликтами*

Обычно парадам предшествует удачная военная кампания. Чего не скажешь о «параде суверенитетов».

«Берите, сколько хотите», – весело сказал Борис Николаевич. Регионы вздрогнули от неожиданности. Но начали брать. Власть, собственность, полномочия. Башкирии и Татарии достались налоги. Калмыкии – «Степное уложение», из него сделали Конституцию. Она звучала как эпос. Но больше всех взяла Чечня – военные склады, танки и один цельнометаллический самолёт. Самолёт – особенно важно. Ведь Дудаев – военный лётчик. Его потому и выбрали президентом, что это был единственный в Ичкерии мужчина, умевший летать. Остальные – просто стреляли. Сперва – в воздух. Просто так, от радости, что – свобода. Далее – везде.

Центробежные силы

В России всё наоборот. Сначала – парад. Потом – война. Первая чеченская, вторая... Воители Кавказа, Ермолов с Паскевичем, переворачивались в гробах – за что боролись? Имам Шамиль, почётный пленник русского царя, вдруг показался историкам милым старичком в сравнении с другим Шамилем – кровавым Басаевым...

Загадка физики: центробежные силы почему-то всегда мощнее центростремительных. Ведь в первом случае разваливается сам агрегат – будь то стиральная машинка или целое государство.

Запуская этот механизм, Ельцин думал вовсе не о принципах демократического федерализма, на которых держится весь цивилизованный мир. Возможно,

бывший начальник стройтреста даже и не слыхал о таких принципах. У него была другая цель – разрушить партийно-советскую вертикаль, дабы на её обломках создать собственную, ельцинскую.

Не надо быть психоаналитиком, чтобы понять: Борис Николаевич страдал «комплексом самозванца» – царя-популиста, имя которого прокричала на площади капризная чернь, подстрекаемая юродивой «демшизой». А вот «боярская дума» (партийно-хозяйственная верхушка, старая элита) не желала видеть Бориса на троне. И началась в стране великая Смута – бунты и мятежи. С поправкой, естественно, на XX век: янки заменили в Москве поляков, БМП – кавалерию, а главным орудием политического шантажа стала угроза перекрытия железных дорог. Дошло до того, что и сам царь время от времени порывался лечь на рельсы. Его с трудом удержали, о чём впоследствии многим пришлось сильно жалеть.

Лишь тогда усмирилась мятежная Дума, когда с нею поступили по-царски – расстреляли в упор из пушек. В октябре 1993 года, как только у Белого дома появились танки, уже никто не осмелился вслух сказать: «А царь-то ненастоящий!»

Нет, настоящий. Пряник убрал, кнут достал. Только так, по мнению толпы, и правят Россией.

В общем, признали Ельцина. Но опять-таки – лишь в пределах Садового кольца. В лучшем случае – в границах исторической Московии. Потому что регионы к тому времени уже разбежались.

Из Кремля начали было обзванивать губернии. Выяснилось, что в Новгороде опять повесили вечевой колокол. На Урале – Уральская республика. Дальний Восток просто тупо молчал – далеко, связь плохая. А уж про национальные республики и говорить нечего – там хоть и брали трубку, но отвечали исключительно на татарском или калмыцком языках. И отказывались общаться без переводчика, ссылаясь на какие-то статьи своих местных Конституций.

Спасайся, кто может!

Конечно, были и объективные причины. Суверенизация – ответ на запоздалые, а значит, болезненные социально-экономические реформы. Если бы они начались лет на 10-15 раньше, то не случилось бы ни распада СССР, ни «шоковой терапии», ни дефолта.

Реформы 90-х разрушили твердыню социализма – единый народно-хозяйственный комплекс. Может, само по себе это и неплохо, но неизбежным следствием стала угроза целостности страны. Плюс тотальное падение производства.

Экономика потеряла управляемость, заводы, шахты и нефтепромыслы – производственные связи. Причём возник небывалый парадокс: предприятия охватил сбытовой кризис, характерный для развитого капитализма, хотя никаким капитализмом в России ещё не пахло.

Плановую экономику сменили хаотичные бартерные отношения. Формула «деньги – товар – деньги» сократилась ровно в три раза. Единая финансовая система уступила место средневековому натуральному обмену.

Общее экономическое пространство распалось. Осталось только само пространство – огромное, унылое российское бездорожье, где тонули в грязи бензовозы и среди бела дня исчезали эшелоны с гуманитарной помощью. Лишь редкие самолёты ещё кружили над русской равниной, пока и у них не кончалось горючее. Простая же поездка в плацкартном вагоне, скажем, из Благовещенска в Ярославль превратилась в дорогое и опасное приключение.

До царя, как всегда, было высоко, а до Москвы стало вдруг неожиданно далеко. Но голодный, озлобленный народ никуда не делся – он тут, рядом, под боком у губернских властей. И с ним надо было что-то решать, не дожидаясь циркуляров из Белокаменной.

Из Кремля же в ту пору поступала на места только одна инструкция: «Углубляйте реформы!» Какие именно и чем углублять – при этом не уточнялось.

Абстрактные приказы тем и хороши, что не требуют выполнения. Можно ответить так же: «Всё в порядке, углубляем!» В том смысле, что идём ко дну вместе со своим народонаселением.

В начале 90-х правительства регионах превратились по сути в кризисные штабы. Заседали до ночи, как во время войны, спорили: два месяца продержимся или три? К утру находили компромисс – два с половиной. На большее не хватит: склады пусты, лимиты кончаются, ГСМ не подвезли, на зарплату нет денег.

«Насчёт денег не беспокойтесь – ещё напечатаем», – ободряла по телефону Москва, но тут же в трубке слышались подозрительные шумы – лязг гусениц, крики толпы и одиночные выстрелы. «Извините, мы вам перезвоним. Когда? После путча...»

Москвичи делили власть – занятие увлекательное, но хлопотное. Им было не до регионов. Губернаторов наставляли: «Выкручивайтесь сами. Постарайтесь стабилизировать. Сгладить, выровнять. Но при этом – углубляя».

И тогда главы субъектов поняли: надо спасаться по одиночке. Взять в руки земли, заводы, фабрики. Объявить себя суверенными. Обзавестись гербами, флагами, конституциями. В Москву отправить послов – «полномочных представителей». Заключить с Центром «союзный» договор о «разграничении предметов ведения». Ну а самим главам превратиться в удельных князей, президентов, ханов.

И вот буквально за пару лет веками собиравшаяся Россия-матушка, с её многочисленными республиками, округами и автономиями, превратилась в лоскутное одеяло. Причём каждый местный владыка тащил это одеяло на себя. Федерация дрогнула, затрещала по швам...

И – понеслось! Как горько шутил Михаил Задорнов, страна стала «размножаться со скоростью многоклеточного организма».

А потом началась резня, и тут уже стало не до смеха. Сотни тысяч русских в панике бежали с Кавказа. В ответ – операции «по наведению конституционного порядка». И – новая месть, и – новая кровь...

В «лихие» 90-е Коми оказалась одной из немногих национальных окраин, избежавших этнических конфликтов. Рискуя быть обвинённым в местечковом патриотизме, я всё же объясню сей удивительный факт природной мудростью северян – жителей нашей многонациональной республики, а также их умеренным темпераментом и нежеланием тратить столь драгоценную на суровом Севере пассионарную энергию на разные некрасивые глупости.

Правда, мудрость эта не свалилась с неба – за неё заплачено дорогой ценой. И отчасти надо «благодарить» товарища Сталина, в свое время сделавшего из Коми АССР «тюрьму народов». Именно гулаговские лагеря и посёлки со спецпереселенцами натолкнули северян на парадоксальный вывод: «враги народа» – не какая-то конкретная враждебная нация или даже социальная группа, а, собственно, это и есть сам народ. Потому что сидели все – академики и слесари, кулаки и рабочие, балерины и агрономы, украинцы и русские, евреи и коми, татары и немцы.

Сталинская мясорубка была фабрикой смерти, но при этом, как ни парадоксально, великой школой интернационализма. Те, кому удалось выжить, а потом осесть на благословенных просторах Коми, включая бывших членов ВКП(б) и банальных атеистов, стихийно прониклись великой христианской идеологией: все люди – братья. За исключением, конечно, лагерных охранников. Хотя даже вертухаев нельзя идентифицировать по национальному признаку. Охраняли, как и сидели, тоже все – представители разных народов.

Момент истины

Ударные стройки 60–80-х годов стали для Коми ещё одной исторической «прививкой» от национализма. В республике тогда появлялись не только новые шахты, нефтяные вышки и промкомбинаты, но и строились целые города – Усинск и Вуктыл.

Комсомольцы-добровольцы ехали в Коми «за туманом». Завербованные – за длинным рублём. У тех и других родина была – Советский Союз. На «пятую графу» в паспорте не обращали внимания – Северу требовались рабочие руки, одинаково мозолистые, грубые, волосатые. Идиотское слово «гастарбайтер» появится лишь десятилетия спустя...

В шахте или в строительном вагончике, как и в лагерном бараке, было тесно даже для бытовых «разборок», не говоря уж о национальных. В этих вагончиках, балках и бараках формировалась новая общность людей – северяне. Их объединяли общие враги – вечная мерзлота, пурга, бездорожье.

Реформы 90-х больнее всего ударили именно по Северу. Яйцеголовые, хорошо проплаченные «аналитики» вдруг объявили, что строили не там и не то. Они посчитали – и у них не сошлось. Шахты убыточны, промыслы нерентабельны, заводы не нужны. Усинск – это ошибка, Инту следует закрыть, Воркуту – переселить.

А эти странные совхозы в зоне рискованного земледелия? А эти мифические, с точки зрения экспертов Международного валютного фонда, коровы, впадающие в меланхолию при свете северного сияния? Ясно, что такое сельское хозяйство надо оптимизировать. А именно: коров зарезать, колхозников разогнать. Чтоб не мучились.

В Коми, как и во всей стране, началась великкая депрессия. Производство замерло, стройки «заморозились». Сбытом продукции занялись бывшие лаборанты бывших институтов, а также отпетые уголовники. Достаточно вспомнить, что торговлю «чёрным золотом» воркутинских шахт в начале 90-х взял в свои руки

человек, известный по кличкам Джек и Лысый. Кстати, до того, как его пристрелили «коллеги», Джек-Лысый успел-таки стать депутатом республиканского парламента...

После «шоковой терапии» многим захотелось обратно – туда, где очереди и талоны на масло. Потому что деньги в ту пору имелись лишь у торговцев, которые тут же отдавали их рэкетирам. Эта короткая «пищевая цепочка» не облагалась налогами – в результате казна опустела. По весне бюджетники получали «аванс» за осень предыдущего года. Летом они паслись на огородах, зимой впадали в голодный транс. Рабочие в городах быстро спивались, превращаясь в пауперов. В дальних лесных посёлках они спились ещё раньше, не дожидаясь начала реформ.

Таким образом, возникли все социальные предпосылки для роста националистических настроений. Коммунисты спихивали вину на демократов, и наоборот. В принципе, хотелось дать в морду и тем, и другим. Но ответ требовался более глобальный: кто по крупному историческому счёту виноват во всех наших бедах?

Однако даже в то отчаянное, безумное время в Республике Коми не появилось ни одного сколько-нибудь влиятельного общественно-политического движения под ультра-националистическими знамёнами.

Правда, съезды коми народа в начале 90-х были весьма бурными, эмоциональными, что, в общем, соответствовало атмосфере той пафосной эпохи. Но речь на этих съездах шла в основном о проблемах сохранения коми языка и культуры, экологии и традиционной «среды обитания» (что, увы, актуально и сегодня). При этом никем всерьёз не рассматривался такой «тавтологический» лозунг, как «Коми – для коми!» Хотя в других республиках подобное было в порядке вещей.

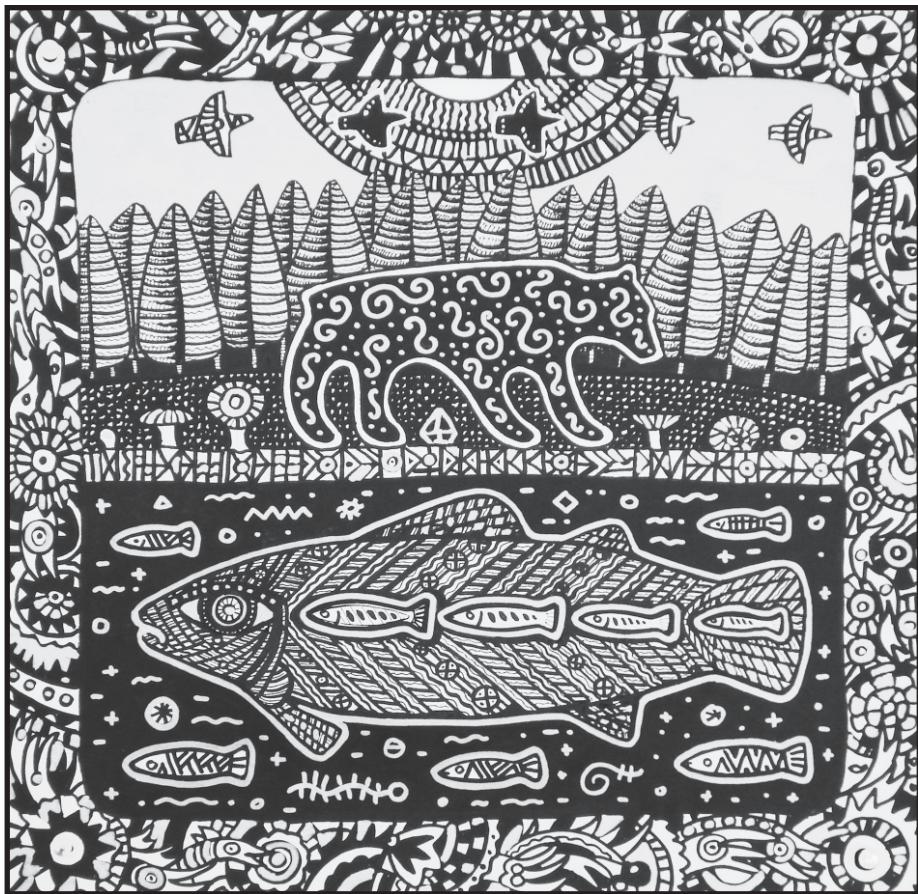
В эпоху «парада суверенитетов», когда все отделились от всех, северяне проявили удивительную выдержку. Да и сама «титульная нация» подтвердила свои лучшие качества – миролюбие, терпение, чувство собственного достоинства. Ибо коми – народ вполне самодостаточный, не имеющий истерической потребности доказывать, будто он лучше всех.

Коми люди не страдают комплексом национальной неполноценности, характерной для тех «маленьких, но гордых» этносов (точнее – их лидеров), которые ради самоутверждения готовы переписать историю, выдумать себе мифических героев и откликнуться на провокационные призывы к этническим чисткам.

В общем, с народом нам повезло. Но повезло и самому народу. На стыке эпох регион возглавил Юрий Спиридовонов – председатель Верховного Совета Коми АССР, а затем и первый Глава республики. Личность весьма колоритная, неоднозначная, но при всех своих противоречиях – государственного масштаба. Это был суровый, опытный капитан, который старался с наименьшими потерями провести корабль под названием «Коми» через опасные рифы ельцинских реформ, не допустив межнациональных эксцессов.

«Парад суверенитетов» – один из самых драматичных периодов в 90-летней «биографии» нашей республики. «Смутное время» мы сумели пережить без национальных конфликтов – и за эту страницу истории нам, жителям Коми, никогда не будет стыдно перед своими потомками.

Проза. Поэзия

Каждому поэту, уже ушедшему в мир иной и ныне здравствующему – земной поклон за их трепетную любовь к родной земле!

Виктору Кушманову – кто «с поднебесья» увидел и понял, что «нету лучше места / никому на свете неизвестной / коми деревеньки Вичкодор...».

Анатолию Илларионову – кому «каждая в поле травинка / словно кровинка...».

Альберту Ванееву – за венок сонетов, где о своём родном коми языке он написал: «не будь его, и сердце бы остыло», – и ему веришь...

Геннадию Юшкову – патриарху, классику коми литературы за его творчество, куда сегодня мы заходим, словно «в храм, оставленный нам и грядущим поколениям...».

Дмитрию Фролову – за то, что ему было дано слышать неслышимое, – как над разорёнными церквушками «безголосый колокол назывивал...». Колокол надежды.

Никого из тех, о ком я говорила, увы, уже нет с нами. Тем пронзительнее звучат сегодня их слова о родине, об истоках...

На столь же искренней и высокой ноте подхватывают эту поэтическую перекличку поэты республики сегодняшнего времени: «А Земля, а дом, где обитаем, / где в мечтаниях искренних витаем, / только пруттик Божьего куста, / только перекладина креста...» Это у А. Суворова. А это у А. Иевлева: «Земля, в себя принявшая отца, / по праву называется Отчизна. / Она – его рождение и тризна. / И я с ней от начала до конца».

Читайте поэтов! Как сказано у Надежды Мирошниченко: «...обращение к корням, к вечным истинам даёт силы встать в полный рост и обрести внутренний покой и согласие – с миром и с самим собой». Читайте поэтов!

*Галина Бутырева,
гл. редактор журнала «Арт»*

«Вот и вернулся к истоку...»

Виктор Кушманов

* * *

У меня нелёгкие дороги
Вдоль великих и зелёных рек.
Я совсем безвредный журавлёнок,
Ты меня не трогай, человек.
Я глядел на землю с поднебесья
И, увидев сказочный простор,
Убедился: нету лучше места
Никому на свете неизвестной
Коми деревеньки Вичкодор.
В тишине осенней крыши мокнут,
Белый снег летит в болотный мрак –

Там в низине, золотой осоке,
Я рождён под добрый лай собак.
Разнотравье и глаза коровьи,
Тихое жужжание шмеля,
Да ещё со мною, журавлёнком,
Важных два высоких журавля.
Ничего не слышал кроме грома,
Выстрела не слышал из ружья.
Потому, что я родился в Коми,
Это – журавлиная земля.

Анатолий Илларионов

* * *

Родина. Север. Глубинка.
Жив я, о жизни моля.
Каждая в поле травинка,
Словно кровинка моя.

Снова – знакомой дорогой,
Передохнув в шалаше.
Нет, моя жизнь не убога,
Если я с Богом в душе!

Речка за ельником влажным
Сладкой слезинкой блеснёт.
Горсть голубики от жажды,
Словно от смерти, спасёт.

Альберт Ванеев

* * *¹

Земля моя – как грудь, что нас вскормила,
Родной язык – он явь души моей.
Не будь его – и сердце бы остыло,
Не будь его – я стал бы скал мертвей.

¹ Деревенька моя (*Венок сонетов*), 5-е стихотворение.

В родных словах я слышу выюги вой,
И щебет птиц над рощею зелёной,
И плеск волны, в низинный плёс влюблённый,
И сосен шум из рощи вековой.

Родной язык – лишь в нём мое спасенье,
Когда, вконец измученный виной,
К тебе приду я со своей бедой.

Родной язык – лишь он мне исцеленье,
Моя мечта, мое отдохновенье,
Моя деревня, корень добрый мой.

Перевод с коми А. Смольникова

Геннадий Юшков

* * *

Своды леса в предзакатном пламени,
пенье птиц. Торжественная грусть.
В лес вхожу я, словно в храм оставленный,
молча, даже кашлянуть боюсь.

Как привычно здесь душа свыкается
с первозданным миром типшины.
Даже веки слышно как смыкаются,
токи крови слабые слышны.

Да еще от дуновенья беглого
 дух сосновый – жаркая смола...
И узнаешь: нет в тебе и не было
даже самой малой капли зла...

Перевод с коми П. Серебрякова

Дмитрий Фролов

* * *

«Всё леса, селения, а надо бы...»
Погоди, читатель, не спеши:
Коми край – моя Йоконопатофа,
северная вотчина души.

Здесь мальчишкой бегал по деревне я,
весело топтал пути окольные,
здесь церквушка каменная, древняя
безголосой пела колокольнею.

Плакали оборванные внутренности
маленькой церквушки без названия,
но с какой уверенною мудростью
безголосый колокол называл!

На забытой Богом территории,
что под самым нёбушком, над кручею,
хорошо рассказывать истории,
иль забыться песеню тягучею.

А внизу, под кручею, по случаю
ракушек ловили в ранцы школьные...
...До сих пор звучит во мне беззвучная
ветровая песня колокольная.

Надежда Мирошниченко

В Усть-Цильме

Как непосредственна душа
Оттаявшего луга!
Как в сарафанах хороша
Вечерняя округа!
Как русская прекрасна речь
В старинном обрамленье
Своих неторопливых рек,
В их плавном повторенье.

Когда наступит трудный час,
А он наступит скоро,
Вернусь в село открытых глаз.
(Зачем мне лживый город?)
Здесь правды свет, здесь слов волшба,
Здесь все друг другу рады.
Здесь вместо здания – изба
За крепкою оградой.

Любимый край любимых лиц,
Надёжных снов, любимых,
Весёлых, оголтелых птиц
И рыб больших, глубинных.

Как русская светла печаль,
Возвышенная нами,
Как будто небо на плечах,
Когда на сердце – камень.
Как русская сильна любовь,
Не знающая страха,
В венке из луговых цветов
Идущая на плаху.

Галина Бутырева

* * *

И на сдержанно-приветливом
рыбном базаре в Хельсинки,
и на бирюзово-фешенебельной
Адриатике,
и перед затопленной колокольней
под Клязьмой,
и перед Питером Брейгелем
в Венском Национальном музее,
и в бывшей келье
Соловецкого монастыря,
и на океанском лайнере
Находка–Токио,
и у В. А. Моцарта
в старинном Зальцбурге,
и у А. С. Пушкина
на Мойке, в Ленинграде,—
всегда и повсюду,
в каждой разлуке с тобою,
каждый раз так неожиданно
настигают меня
воспоминания о тебе,—
моя единственная,
моя суровая и нежная,
моя маленькая родина,—
КОМИ,—
мой дом, моя судьба, моя надежда!

Александр Суворов

* * *

Все мы перед Вечностью равны.
Что же мы неравенством больны?
Не сверби, бессмысленное тело,—
Не в твоей слепой болезни дело!
Дело в том, что каждый во Вселенной,
Вслушиваясь в мир душой нетленной,
Никого не слышит среди звёзд —
Оттого и болен, наг, безгнёзд.
А Земля, а дом, где обитаем,
Где в мечтаньях искренних витаем, —
Только прутик Божьего куста,
Только перекладина креста...

Олег Чупров

Речка

Только приехал — на речку бегу!
Крыльями
вёсла
на плечи!
Лодка печалится на берегу,
Вся — в ожидании встречи....
Юностью пахнет живая вода,
Радужно блещет волною,
Плещет, как будто она никогда
Не расставалась со мною...
Северным греет меня холодком
Наше неяркое лето.
Сядем рядом,
Потолкуем ладком,
Речка моя, до рассвета!
Сколько я раз про тебя забывал,
Жил-мельтешил понемногу...
Место под солнцем себе добывал,
Да не сумел, слава богу.
Пусть не вернёшь ни себя, ни судьбу —
Лыко завяжется в строку!
Против течения к дому гребу,
Вот и вернулся к истоку.

Что мне
 те тридевять
 дальних морей?
Сердце, как солнце, восходит.
Светлое небо над жизнью моей!
...Только печаль не проходит.
На середине устану грести,
Снова обступят заботы.
Реченька-речка, грехи отпусти!
Тихо ответит: «Да что ты...»

Татьяна Канова

* * *

О, Родина моя!
 Вдохну тебя, хмелея,
Свой вешний перелёт
 к истоку соверша.
И осознаю вновь,
 что краше и милее
Нет уголка земли,
 и здесь моя душа.

Душа моя в лугах,
 где тёплым летним утром
Испить нектар
 к цветку торопится пчела
И где журчит ручей,
 где скромным перламутром
Заря в цветущий лог,
 как благодать, сошла.

И пусть меня судьба
 надолго уводила
От этого ручья –
 в разладе я с судьбой –
Мятежная душа,
 как в юности, парила
Над стареньkim крыльцом,
 над отчею избой.

Алексей Иевлев

* * *

Как Родина вещественна,
Когда
Земля – не только чернозём и глина.
А жизнь – не вечна и преодолима,
И так же беспощадна, как беда.

Как Родина до горьких слёз мила,
До плача в голос,
До опустошенья...
Она не подарила утешенья,
Но стать успокоением смогла.

Земля, в себя принявшая отца,
По праву называется – Отчизна.
Она – его рождение и тризна.
И я с ней от начала до конца.

Евгений Козлов

* * *

Когда-то могучие,
раскидистые ветви векового дерева
истлели, почернели,
вот-вот станут прахом...
Но дыхание прошлых времён
ещё ощутимо в его силуэте...
Докопаюсь до корней,
свяжу из них шкатулки.
В одно сложу всё нажитое
за свою жизнь –
ячменное зёрнышко,
соль
и биву¹.
Любой может открыть её,
когда понадобится.
Ещё сложу в неё наши коми песни.
Берегите их,
как наши предки

¹ Бива – кожаный поясной мешочек с огнivом, кремнем и трутом для добывания огня.

берегли Золотую Бабу.
И никогда не открывайте шкатулку,
полную слёз,
самую большую,
самую тяжёлую.

Перевод с коми Г. Бутыревой

Андрей Попов

На Вычегде

С тобой душа моя легка!
Ей хватит непогод...
Течёт весенняя река,
И птичий хор поёт.

Ещё в низинах вижу снег,
Ещё не стёрлась грусть,
Но – невесёлый человек –
С тобою я смеюсь.

Ты говори мне о цветке
И солнце – я пойму,
Что нужен птицам и реке,
И сердцу твоему.

Нина Обрезкова

* * *

Тайком я проберусь в свои стихи,
Дыханье затаив, задену струны...
...Как на Мезени вечера тихи,
И звёзды, как и встарь, беспечно юны...

Какая благодать... Такая тиши...
Созвездье чувств – не просто вечер.
И только-только что родившийся малыш
Своим «агу-агу» разбудит ветер.

Алёна Ельцова

Будь счастлива, родная сторона

Мост раскинул два своих крыла,
Обнял берега реки родимой.
Жизнь меня в дорогу позвала
От земли, которая любима.

Манит вдаль чужая сторона,
Нашептал о ней осенний дождик.
Не молчи, река, как мудрость мне нужна,
Ты поймёшь потом, попозже.

Не впервой бросаю отчий дом,
Твой птенец окреп и в небо взвился.
Край родной, так жалобно по ком
Белой ты черёмухой склонился?

Словно машет тихо вслед река
Волнами, а мост дрожит и плачет.
Счастья вам, родные берега,
Знаю – мне желаете удачи.

Перевод с коми Нелли Бибяевой

Елена Холопова

Холопова Елена Степановна родилась в Сыктывкаре. Долгое время работала в Национальной детской библиотеке им. С. Маршака.

Сейчас живёт в с. Коквицы Усть-Вымского района.

Её произведения неоднократно публиковались в журналах «Арт» и «Войвыв кодзув».

Путешествия российских пенсионерок в период неразвитого капитализма

На Выми

1. Заметки на холмах, берегах и в перелесках

*«Дальше и дальше плывём,
вольные пилигримы»*

*K. Жаков
«Сквозьстрой жизни»*

Иностранные бабульки усаживаются в комфортабельные автобусы и колесят по великолепным дорогам Европы, глазея в окна. Ночуют в гостиницах, обедают в ресторанах. А что может позволить себе обычная российская провинциальная пенсионерка, если она надумает попутешествовать? Кошелёк тощ до безобразия, любовь к деньгам остаётся абсолютно без взаимности. Я – бывшая бюджетница, нынешняя пенсионерка. В экстремальной обыденной жизни времён Ельцина запасов на чёрный или белый день сделать не смогла. Задача была иной – просто выжить. Когда наступил пенсионный возраст, а по северным меркам это в 50 лет, имея 33 года трудового стажа, я тут же без стыда и сожаления бросила работу, рассудив: какая разница, на что нищенствовать, на зарплату или на пенсию? Взрослые дети, слава Богу, к этому времени отпочковались. Так я получила долгожданную свободу. И решила ею воспользоваться. Переехала жить в свой старый деревенский дом на высоком берегу Вычегды, посадила овощи на своём огор-

де, и жила себе припеваючи, воду носила, печку топила да кашу варила. Но любовь к путешествиям осталась.

Как выкрутиться в такой ситуации, ничего не просить у незнакомцев, а таки прокатиться куда-нибудь?

Во-первых, куда? Во-вторых – на чём?

Я бы, конечно, не отказалась постоять у Ниагарского водопада и посмотреть, как целая река низвергается вниз со скал. Или поглядеть, как Венеция бараккою плывёт. Или заглянуть в глаза Сикстинской мадонне. Или побродить по Иерусалиму... Да мало ли что я хочу. Вопрос упирается в то, что я, пенсионерка, могу. Пенсияальная, российских размеров, маленькая в противовес бескрайним просторам. Кстати, у очень многих работающих россиян зарплата меньше моей пенсии, это я точно знаю. Опять же, это не значит, что пенсия у меня большая, это зарплаты, размер которых высочайше позволен государством, позорно ничтожны. Много крохотного и малоценного в нашей большой, огромной, необъятной стране: пенсий, зарплат, квартир. Совсем маленьким стало население в наших безбрежных просторах, да ещё если учесть, что значительная часть его, несколько миллионов, теснится, кучкуется, давится в столице, представляете, как просторно и пустынно в остальных землях за границей анклава под названием Москва? Тьма мест, где сегодня не ступает нога человека. Россию пора открывать заново.

Итак, что можно сделать в заданных жизнью условиях? А вовсе и немало! Главное, у меня была единомышленница и спутница для поездок. Это Вера, имеющая точно такой же социальный статус, бывшая бюджетница, а ныне пенсионерка. Немножко авантюристка. И надёжный в трудных ситуациях человек.

Четыре стороны света, куда отправиться? В Швецию и Германию – далековато, в Москве и в Питере – бывали, на Кавказе и в Крыму – тоже. В Закарпатье по горам лазали. Но всё это в далёкие советские времена, когда билет на самолёт стоил, смешно сказать, всего лишь четверть зарплаты. А сейчас мы взяли в руки карту Усть-Вымского района республики Коми. Вот она, моя деревня Коквицы, где я живу после «выхода на свободу». Здесь мой деревенский дом, а на берегу лежит моя лодка. У нас такие лодки называют стружками. Деревня будет отправной точкой. И если больше не на чём, почему не на лодке? По крайней мере, груз наш лодка потащит, а не мы сами. А куда? А вот, в Серёгово, соляной курорт. Почему бы нет? Сначала спустимся по Вычегде до Выми, потом поднимемся по Выми до Серёгова, а там обратно: спустимся до Вычегды, поднимемся до Коквиц. Для первого раза не особенно далеко. Туда-сюда примерно семьдесят-семьдесят пять километров. Будем гребти по очереди, правда, есть одно но: Вера в такой лодочке с одним двухлопастным веслом плавала пока только как пассажирка, а тут надо будет гребти против течения, да ещё с грузом.

С советских времён у меня есть старая тяжёлая брезентовая палатка и два спальных мешка. Спасательные жилеты сшили сами, использовав при этом кусочки пенопластина, которым изнутри обкладывают коробки с бытовой техникой. Жилеты получились очень лёгкими. Но плюс к этому нам понадобятся топорик, котелок, посуда, запас еды, лекарства, одежда, от купальников до тёплых курток, документы, деньги, фотоаппарат, карта, компас. Стараемся ужаться, запланировать груза поменьше, но всё равно набирается немало, и я беспокоюсь: на

моих глазах точно такая лодочка без всяких предварительных предупреждений молча и быстро пошла ко дну, оставив барабататься среди пустых корзинок в холодной осенней воде трёх женщин. Слава Богу, выбрались, не успела река утащить их на дно.

* * *

Я закончила очищивать картошку. Приехала Вера. Свою картошку она тоже уже очищила. Свободны! Мы решили сделать пробный однодневный поход. Взяли палатку, немного еды, весло и спустились к реке. Сели в лодку, оттолкнулись от берега, и тут же в щели хлынула вода! Вот так раз! А месяц назад лодка была целёхонька! Рассохлась от многодневной жары... Всё? Кончилась поездка? Да ни за что! Я поднялась наверх, в деревню, к своему соседу Ивану с просьбой попользоваться его лодкой. Он разрешил. Спустилась снова к реке, и мы отплыли уже на Ивановой плоскодонке. Я села на непривычное для меня место пассажира, а Вера принялась орудовать веслом. Лодка никак не хочет идти прямо, не слушается ни рук Веры, ни моих советов, с норовом, как её хозяин. А мы-то замахнулись плыть до Серёгова, а тут километра одолеть не можем, одно мучение.

Я решила сойти на берег, оставила Веру одну, и лодка сразу стала управляемой, её центр тяжести стал на место. Я пошла по песчаной отмели, а Вера поплыла вдоль неё. Если учесть, что против течения, то совсем неплохо. Не очень быстро, но в поездке научится. Через пару часов мы сделали остановку и поставили палатку. Я купила её давно, ещё в семидесятые годы, а после того, как обзавелась домом в деревне, о палатке и думать забыла. Как уж там её раскладывать и ставить? С грехом пополам, но поставили. Даже внутри посидели, спасаясь от нещадного солнца. Потом выкупались в спасательных жилетах, тоже для пробы. Сомневались: будут держать на плаву? Держат! Выкупались, свернули палатку, отправились обратно. Теперь уж я гребла, Вера – пассажиркой.

Вечером подвели итоги: нам нужны две лодки, а не одна. И я пошла к Ивану с нахальной просьбой, зная, что ему, рыбаку, лодка каждый день нужна.

– Дай лодку на поездку!

– Бери.

– А ещё: помоги починить мою. Ужас как протекает.

Тем же вечером мы с ним спустились к реке, разожгли костёр, нагрели в чайнике гудрон, залили им щели и прошлись по всем пазам лодки раскалёнными в огне железными прутьями, плавно загнутыми на концах. Бултыхнули посудину в воду для проверки – порядок! Можно плыть. Заодно Иван и свою лодку малость подштопал. Теперь я знаю, как в случае чего заделать щель или дырку в днище, а раньше только просила сыновей, чтоб починили.

* * *

День ушёл на подготовку поездки по заранее составленным Верой спискам, чтобы не забыть какой-нибудь необходимой мелочи. Если уж у нас будет две лодки, можно позволить себе немного больше вещей, такую роскошь, например,

как две небольшие поролоновые подушки. Днём — на сиденья, вечером — под голову. И сидеть удобно будет, и спать будем как люди. Возьмём и два складных стульчика, сидеть у костра с удобством. Возьмём и кусок полиэтиленовой плёнки на крышу палатки на случай сильного дождя. И топорик не забыть — дрова на стоянках заготавливать. Зачем-то взяли рыбакские причиндалы: леску, крючки, поплавки, даже червей накопали в огороде. Вот глупость! Всё готово у нас было только к полуночи. Последняя ночь под крышей, в постели, без комаров.

* * *

Утром нарвали в огороде перьяв зелёного лука, листьев салата, укропа, петрушек. В бутыли налили колодезной воды. Река уже давно несудоходна, вода в ней стала чище, но пить её не хочется, мы знаем, что выше Коквиц хоть и далеко, но стоит громадный лесоперерабатывающий комбинат, а от него в Вычегду впадает не ручеёк, а целый канал с нечистотами. Решили: водой будем запасаться на стоянках в деревнях.

Навьючились, спустились, кряхтя, к лодкам. А если б мы пешком решились путешествовать? Не дай Бог такую тяжесть таскать, терпеть этого не могу. Иван в это самое время приплыл с того берега после утреннего лова. Стружок у него уже был другой. Припасливый мужик! Он сделал наш первый снимок перед отплытием. Надели мы спасательные жилеты, на сиденья положили подушки, уселись, оттолкнулись от Коквицкой горы, и понесла нас Вычегда вниз по течению. Поплыла по левому берегу деревня, проплыла — и сплыла. Потянулся глинистый берег, заросший поверху ивняком. На правом — длинный-длинный песчаный пляж. Туда бы сейчас, купаться да загорать, но река тащит нас дальше. Оглянулась я, а уж деревни и не видно, скрылась за поворотом реки. Жарко, безветренно. Плыём, лениво помахивая вёслами. Курорт! Но река есть река, всякое может случиться. Ещё дома мы с Верой договорились соблюдать три правила: не снимать на воде спасательных жилетов, держаться вблизи берега и плыть рядом друг с другом.

Пытаюсь ориентироваться по карте, она у меня под рукой. Можно, конечно, и без неё, на реке не заблудишься, но с картой интереснее. Давно, в советские времена, я писала диплом о вотчине вологодско-permской епископии в Коми крае с центром в Усть-Выми, как раз здешние места. Мне тогда хотелось для наглядности составить карту вотчины. Я искала в книжных магазинах мелкомасштабную, где были бы отмечены все деревни, но такой в продаже не было, и я обратилась за помощью к одному знакомому, лесному пожарнику, у них-то наверняка такие карты есть. Он поразился моей наивной наглости:

— Это же гостайна! Ты что, хочешь попасть под наблюдение за своё любопытство?

Диплом я защитила без карты. А любопытство осталось, но сейчас карту Усть-Вымского района, довольно подробную, в одном сантиметре — два километра, можно свободно купить в книжном магазине и даже не прослыть шпионкой. А деревни вотчинные — вот они на карте: Усть-Вымь, Ыб, Коквицы, Оквад, Конец-Озерье, Лыаты, Эжолты. И моя деревня Коквицы тоже входила в состав... Скоро на правом берегу должен появиться Студенец. Плыём, да что-то его не видно.

Может, спрятался за лесом? Река делает второй поворот налево. Вот он и на карте отмечен, поворот почти на девяносто градусов. Да, это значит, что Студенец мы уже прошли, и с реки он почти не виден, не считая пары крыш, выглядывающих из листвы.

А здесь, на этом повороте – сильное течение. Мы не стали ему противиться, оно понесло нас дальше. По высокому крутому правому берегу потянулся сосновый лес. И вдруг вынырнул один дом, другой, третий. Вогваздино? Пожалуй. Переправились без труда на правый берег, к деревне. На берегу обязательная принадлежность реки – рыбак с удочкой. Стоят по колено в воде в одних трусах краснорожие дядьки с облупленными на солнце носами и сумрачно глядят на двух вредных баб, проплывающих мимо рядом с их поплавками и мешающих рыбачить. Мы нашли место, свободное от рыбаков, причалили. Вера ушла искать магазин, а я залезла в воду. Благодать. И пока всё идёт хорошо. Но уже пятый час вечера и пора задуматься о месте для ночлега. На берегу появились две любознательные дамы в купальниках. Как оказалось – дачницы. Я с ними побеседовала, удовлетворила их любопытство. Они поохали, поохали, поглядели на наши лодки с завистью, решили: выйдут на пенсию, тоже отправятся кататься. Дачницы посоветовали заночевать на противоположном берегу. Там длинный песчаный пустынный остров, где никто нам не помешает. Замечательно, это нам и нужно! Пришла Вера с бутылками лимонада, с карамельками для чая – так, побаловать себя, в общем-то у нас пока всё есть. Мы переправились на остров.

Нашли на песке хорошее место для палатки, с трёх сторон, и с реки тоже, укрытое зарослями ивняка. Выгрузили вещи из лодок и пошли искать дрова. Такие низкие места, как этот остров, весной обычно затопляются большой водой, а заросли ивняка играют роль многослойной гребёнки. Много чего в ней застrevает. Натащили дров, хватит и на вечер и на ночь, если не уснём из-за комаров. Бог знает, как она пройдёт, первая ночь в палатке? Завтра впереди – устье Выми, и это тоже беспокоит: а ну как протащит нас Вычегда дальше, мимо, а там уже сила двух рек подхватит нас и понесёт? Но пока рано думать об этом. Разожгли костёр. Первая неприятность: один из котелков протекает, а дома этого не заметили. Досадно. Собрали на берегу щавель, сварили из него супчик, сразу же его съели и поставили на огонь воду для чая. Настроение праздничное. Всё идёт хорошо, мы сидим на раскладных стульчиках, глядим на реку, на другой, высокий берег, на вышку ретрансляционную, разглядываем карту. Судя по ней, мы совсем рядом с устьем Выми и с Усть-Вымом. Прогуляемся по селу завтра. Ни я, ни Вера там раньше не бывали.

Поставили палатку, разложили в ней постели. Лодки связали вместе. Это главная моя головная боль. Боюсь: вдруг кто-то ночью сташит, – в России живём. Я бы не так боялась, но одна из лодок – Ивана, не моя. Да ещё недавно я прочитала книжку Каллистрата Жакова «Сквозь строй жизни». Он эти места проплывал в конце девятнадцатого века, добирался из Усть-Сысольска, то есть ныне Сыктывкара, в Тотьму на Сухоне и уже тогда, на пустынной реке, опасался воров, ночевал с товарищем по очереди и сторожил лодку. Спать по очереди нам лень, да и устали мы с непривычки, хотя плыли по течению в хороший, тёплый день. Но встали очень рано, таскали вещи к лодке, из лодки, короче, вымотались за день, надышались свежим воздухом.

Ещё один предполагаемый ночной кошмар – комары. На реке на ветру их почти нет, плыли мы в удовольствие. Комары не доставали нас и во время ужина, был хороший тёплый ветерок, не для крыльев комариных. Боялись мы зря. Ночью, когда над ухом начинал звенеть какой-нибудь одиночный злодей, я зажигала антикомариновую пластинку, и мы могли спокойно спать дальше. Не тут-то было! Опасаясь воров, спали вполуха, реагируя на каждый шум, а вот шуму-то на этом необитаемом острове оказалось больше, наверно, чем на площади трёх вокзалов в Москве. Совсем рядом – два моста через Вымь, пока ещё невидимых глазу, железнодорожный и автомобильный. А в небе – постоянные росчерки от реактивных самолётов. Шум от движения на мостах нёсся по воде и достигал нашего острова. Казалось, что наша палатка стоит в огромном зале ожидания: кругом грохот поездов, машин, самолётов. И всё же мы спали и даже высапались. Комары нас не заели, лодки наши не спёрли.

* * *

Утро было замечательным. Мы всё-таки отдохнули, погода – прекрасная. Выкупались, сварили кофе, позавтракали, собрали шмотки, упаковались и отчалили. Переправились снова на правый берег и держались вплотную к нему. Мы вовремя вошли в устье Выми, и нас не снесло течением в Вычегду. А посему – ура! Поднялись вверх по течению до тех самых мостов, которые не давали нам ночью спать и здесь остановились. Я опасалась в самом устье реки перебираться на стружках на тот берег. Вымь здесь широкая, и неизвестно ещё, какой силы течение. У Веры было мало опыта, а тут всё-таки не по течению плыть, как это было на Вычегде, а против него. На другом берегу – Усть-Вымь, виднеются маковки церквей. На этом берегу неподалёку Богвоздино. Решили: первой на экскурсию в Усть-Вымь пойдёт Вера, потом я. Она переоделась, взяла фотоаппарат, сказала мне на прощанье:

– Если что, вот здесь – газовый баллончик. Какая-никакая, а защита.

Она поднялась по насыпи на мост. Ушла. Я расположилась позагорать. На противоположном берегу небольшой пляж полон людей. Я выкупалась, потом взялась за ремонт, залатала дырку на воротнике куртки, починила сиденье одного из стульчиков, ещё раз выкупалась. Прошёл час, другой, третий. Нет Веры. В очередной раз, подняв голову взглянуть на мост, не идёт ли Вера, я увидела, что с насыпи ко мне бегут два лохматых и бородатых мужика, а лица у них – как у бандюков в сериалах. За баллончик с газом я хвататься не стала, да этого и не понадобилось. Не добежав до меня пяти метров, мужики дружно остановились, бросили на песок бутылку с лимонадом, быстренько скинули одежду и бросились в воду. Поплавали, пофыркивая, изредка на меня поглядывая, а я в это время успела заметить их оставленную неподалёку машину, фургон. Мне стало интересно: может, они из Сыктывкара и работают в грузовом автохозяйстве, там же, где диспетчером моя сестрица Наташка? Передам ей экзотический привет из-под усть-вымского моста. Мужики вылезли из воды, оделись. Я подошла, спросила. Нет, они – послушники усть-вымского мужского монастыря, вот оно, подворье, с голубой церковью. Я подумала: может, Вера там в церкви застяла? И спросила:

- А служба сегодня есть?
- Нет, в четверг приходите.
- В четверг мы уж, наверно, будем в Серёгово.
- В Серёгово наш батюшка ездит по субботам.
- Разве там есть церковь? Я там была пару лет назад, церкви не было.
- Нет, там молитвенный дом.
- В субботу, скорее всего, мы уже будем плыть обратно, может, здесь уже окажемся.
- А вы откуда? – спросил один из послушников, не одолев любопытства.
- Из Коквиц.
- Я тоже оттуда родом, из Попкероса.
- Да, знаю, это по дороге в Семуково. А это ваша машина?
- Да. Мы на сенокос ездили, работали для монастыря.

Послушники попрощались и ушли. А Веры всё нет. Появилась она только в четвёртом часу. Оказывается, осматривала местный музей. Да, это, конечно, любопытно, деревне-то более шестисот лет, основана Стефаном Пермским и была центром церковных земель, но мне в Усть-Вымь идти уже поздно, придётся отложить на обратную дорогу. Мужики сказали мне, что здесь неподалёку в Вогваздине есть хороший колодец, и я побежала туда, набрала воды в бутылки, побеседовала с крошечной застенчивой девочкой, бродившей здесь в компании с козой – и обратно. Надо плыть дальше, искать место для ночлега, не ночевать же под мостами под грохот канонады.

Да, вверх по течению – не то, что вниз. Тяжело, и течение сильное. Можно было бы выбраться из лодок и тащить их, но берег крутой, глинистый, дно вязкое. О сильном течении и Иван предупреждал. В годы сухого закона он с собутыльниками на моторке аж до Лялей гонял. Гребли мы так без передышки больше двух часов, устали. Вдалеке на левом для нас и правом для реки высоком берегу показалась деревня Ыб. Посреди реки напротив деревни – песчаная, поросшая ивняком коса. Мы отлепились от берега, погребли к косе, а там мель, дно хорошее, песок. Вздохнули с облегчением, залезли в воду, взялись за цепи, укреплённые на носах лодок, потащили их как бурлаки. Так намного легче. Побрали вдоль косы, нашли подходящее место, не видное со стороны деревни, остановились на ночлег. Побродили в зарослях ивняка, еле-еле насобирали хвороста для костра. На том, деревенском берегу, не видно ни души. Только трактор колёсный таращел, пробираясь куда-то вдоль по берегу.

Вскипятили воду, сделали кофе, потом сварили поесть. Поставили палатку. Работали уже более слаженно, чем накануне, но и устали больше, чем вчера.

* * *

Легли спать в одиннадцать часов вечера, а в четыре часа утра Вера меня разбудила: дождь! Уже светало, а небо было сплошь затянуто тучами. Дождь небольшой пока. Но как знать, надолго ли? Достали кусок плёнки, закрепили его на крыше палатки, накрыли и запас дров на утро, и снова спать улеглись. Под стук дождя по крыше хорошо спится. И снится мне сон: дождь усилился, и к нам

в палатку полез насквозь мокрый и совершенно пьяный парень, и я знаю, что он тракторист из Йба. Он хочет улечься между нами и улыбается пьяной улыбкой:

– Девчонки, пустите погреться!

Я ему строго ответила:

– Вот пойду сейчас в деревню и всем расскажу, как ты к бабулям приставал. Пусть над тобой вся деревня смеётся!

Деревня не деревня, а Вера, пока ёщё не бабуля, над сном посмеялась и предложила место ночлега назвать Островом Тракториста. Спать легли, думая, что остановились на косе, как на карте отмечено, а оказалось – на острове.

Утром встали – снова солнечно, дождя как не бывало, песок сухой. В путь собрались после завтрака. Жарко, спасательные жилеты надели почти на голое тело.

Мы потащили лодки сколько можно по мели, прошли так весь остров, выбрались на открытое место. Впереди – широкая река. Справа – высокий берег, там наверняка сильное течение. Слева у деревни берег более пологий, надо плыть туда. А погода стремительно портится. Всё сильнее дует северный ветер, поднимает волны, да такие, что запросто перевернут наши лёгкие лодочки. Может сильно снести, и тогда вновь придётся проходить этот путь против течения. Налегли на вёсла – и вперёд! Я помалкивала, но за Веру боялась: она переправлялась самостоятельно против течения, да ёщё при таких волнах в первый раз. К делу она отнеслась со всей серьёзностью, без обычных шуток и вполне уверенно. Переправились, и я вздохнула с облегчением. Здесь под берегом ветер был тише, но дно плохое, камни, глина, галька. Босиком идти невозможно, а всё-таки лучше брести и тащить лодку, чем плыть и грести. Я в туфлях, Вера в галошах, так и зашагали по воде. Становилось всё холоднее, и воздух остывал быстрее, чем вода. Мы надели сначала рубашки, а через несколько минут и куртки. Утеплились насколько могли. На берегу кое-где лежали такие же небольшие стружки, как наши, а в одном месте мы увидели любопытный плотик, сооружённый из пары мешков, набитых пустыми бутылками. Поверх настелены две доски, на них укреплено сиденье, небольшая табуреточка. Рядом с плотом лежало и весло. Кто-то из деревенских, видимо, придумал рыбачить с плотика. Или просто мальчишки катаются.

Так пробрали мимо деревни, протащили лодки, сколько можно дальше, потом поплыли. Медленно, против течения, но двигались, держась правого берега реки (для нас он – левый). За деревней увидели на берегу рыбаков. Вообще на реке пусто, за три дня три моторки встретили, несколько плоскодонок, но рыбаки, как сорняки, есть везде. Они рыбачили у устья маленькой речки Ерыч. Я спросила мальчика, закидывающего удочку:

– До Москвы далеко, не знаешь?

Он заулыбался, принял шутку.

– А до деревни Ероздино?

– Да вот же она, вон – дома видны.

На другом берегу действительно стояла небольшая деревня, её почти не было видно с реки, скрыта за деревьями. На пустынном пляже перед деревней – пара перевёрнутых моторок. Мы миновали и Ероздино, к тому берегу переправляться не стали. Потянулись заросли камыша, и течение в них увязло, а нам и на руку.

Мы поплыли дальше. Берег стал крутым, но мы упорно плыли и плыли дальше, подыскивая подходящее место для ночлега. Очень долго добирались до линии электропередач, но вот проплыли под проводами, оставили её позади. Вдалеке показалась выступающая в середину реки заросшая ивняком песчаная коса, окружённая мелью. Мы вновь залезли в остывшую, холодную воду и потащили за собой лодки. Добрели, наконец, до косы. Подобрали уютное место для палатки, защищённое от ветра, разожгли костёр, сделали ужин и поели наконец-то. В пути мы были семь часов. Семь часов непрерывного труда. Судя по карте, прошли неплохо, девять километров против течения. Стало очень холодно, и мы сидели у костра в тёплых куртках. А ведь ещё утром Вера купалась, было тепло. Вот вам и погода на севере. Да и то сказать: слишком уж долго стояла жара. Когда-то она должна кончиться? Боялись, что ночью замёрзнем, но переночевали вполне сносно, подложили вместо матрасов свои спасательные жилеты, многофункциональными оказались наши самоделки.

* * *

Утром сидим у костра, завтракаем, а мимо моторка протарахтела, загруженная сеном. Хозяин лодки уставился на невиданное зрелище на берегу: две бабы, лодки, палатка. Для нас это тоже нечто, не успевшее надоест: четвёртый день как мы в походе, а моторок, в том числе и просто лежащих на берегу, видели меньше десятка. Ни одного, пусть завалящего, катера. Реки перестали быть судоходными.

Собрались, упаковались, отправились дальше вверх по течению. Река повернула налево, и за поворотом открылся дивный вид: деревня Ляли на другом берегу и прекрасная церковь, возвышающаяся над округой, заброшенная, но, можно сказать, со следами былой красоты. Река здесь выпрямлялась в прямую линию до самого Серёгова, и линия эта проходила с юга на север, мы двигались на север, а в лицо нам всё сильнее и сильнее задувал северный ветер и гнал на нас вымскую воду. Продвигаться вперёд стало совсем невозможно. Мы с трудом переправились на сторону Лялей и пешком протащили лодки до более-менее удобного места на пляже перед деревней. Но если я была в резиновых сапогах и шла по берегу, то Вера брела по холоднющей воде босиком... Вспомнилось мне, читала недавно, как Лев Толстой со старшим братом добирались до своей части, воевавшей с горцами. Сначала они ехали вдоль Волги в тарантасе. Но стало братьям скучно, купили они большую лодку, поставили на неё тарантас и поплыли, читая книги и любуясь природой. У нас такой барской поездки не получилось. В руках не книжка, а весло или цепь от лодки. Да я и знала, что читать некогда будет.

Пляж у Лялей сплошь зарос ивняком. Обычное дело. Но сейчас, при сильном ветре, эти заросли – хорошее укрытие от песка, летящего в глаза. Серёгово с этой стороны реки уже видно, судя по карте, до него осталось около шести километров. Но близок локоть, да не укусишь, плыть невозможно. А мы-то, собираясь в поездку, опасались трёх вещей: воров, комаров и устья Выми. И совсем не брали в расчёт главного соперника, а он вот он, мчится вперёд, не разбирая дороги, безжа-

лостно треплет прибрежный ивняк, поднимает на реке нешуточную волну и как щепку тащит вниз по течению огромное бревно.

На ноги Веры просто страшно смотреть. Они у неё, оказывается, очень сильно искусаны оводами, и укусы воспалились. Я оставила её сидеть на берегу за кустами ивняка, укрывавшими от ветра, а сама взяла фотоаппарат, бутылки для воды и пошла в Ляли. Вид у деревни плачевный, навевает ощущение заброшенности, забытости. Некоторые дома заколочены, пусты. Я подошла к церкви, сделала несколько снимков. Неподалёку – небольшой деревянный дом. Я подумала – бывший магазин, но ошиблась – бывшая школа. Раньше в деревне был и магазин, была и школа, а теперь нет ничего, нет работы людям, и дети перестали рождаться, некого и нечему учить. Около бывшей школы двое мужчин возились с чугунной печкой, сжигали в ней мусор. По облику и повадкам – не деревенские. Я подошла, спросила:

– У вас нет колодца? Мне бы воды набрать.

Ответил мужчина постарше:

– У нас скважина, но вода в ней ржавая, мы сами ходим к колодцу. Вон, видите, дом с высокой антенной? Там рядом хороший колодец, журавль. А вы откуда?

– Оттуда, с реки. Мы на лодках плывём. Церковь у вас красивая.

– Да. Сначала разрушили, теперь вот охраняем.

– Вы охраняете?

– Да нет, государство. Видите табличку?

Действительно, на стене церкви висела табличка: «Памятник архитектуры. Охраняется государством».

Я нашла колодец, набрала воды и отправилась обратно. Деревня как вымерла, нигде не видно людей, только у заброшенного, с выбитыми стёклами двухэтажного дома, в бывшей жизни, похоже, общежития, стояли и о чём-то тихо переговаривались три парня. Я снова прошла мимо церкви, а в это же время там у её дверей остановилась машина и двое любопытных (видимо, заметили церковь, когда проезжали по трассе неподалёку) вошли внутрь, но, не пробыв и минуты, вышли обратно. Я спросила их:

– Так здесь, оказывается, открыто?

– Да, заходи кто хочешь. Не охраняется.

И я тогда тоже вошла в загаженное помещение с грудами мусора и грязи по углам. Стены исписаны неграмотными каракулями типа «Здесь были клёевые девчёнки». Нет, чтоб за партами сидеть, правописание изучать. Грустно, девушки.

Пора назад, на берег. Я пошла по пляжу, и вдруг из-за кустов на меня выплыл небольшой колёсный трактор. Я шарахнулась в сторону. Парень за рулём и с ним рядом краснощёкая девица были, по-моему, вусмерть пьяны. Они с грохотом пронеслись мимо меня. А я-то думала, что деревня вымерла. А вон оно, веселье...

Вера сказала:

– Придётся здесь остановиться, переждать ветер. Всё равно не сможем двигаться.

Она была права. Развели костёр, приготовили поесть. Палатку пока не ставили, ещё не вечер, да и вдруг ветер стихнет? После еды Вера занялась ногами, растёрла их спиртом из нашей аптечки, тем самым «Трояром», который так ува-

жают алкаши (увидел бы кто из них, как мы «добро» переводим!), потом – противоспалительной мазью. Надеемся, что поможет.

Поодаль появился человек. Я узнала в нём того, с кем беседовала, спрашивала про колодец. Он держал на поводке чудовище, английского бульдога, истекающего слюнами. Рядом с ними на безопасном расстоянии крутилась деревенская дворняга и дразнила аристократа. Бульдог угрожающе рычал и рвался с поводка. Человек подошёл к костру, и мы с ним разговорились. Он живёт здесь с больным сыном, с тем, которого я видела у дома. У сына в голове опухоль. Жена их бросила. Я, услышав это, поразилась:

– Как бросила? Обычно отцы бросают семьи, в которых больные дети, не выдерживают тягот.

– Как видите, у нас получилось наоборот, – жёстко и напряжённо сказал он, – кроме того, она была сыну мачехой.

– Да, значит, вы – не правило, а исключение из правила.

Эти слова ему понравились, напряжение исчезло. Из разговора мы узнали, что ему пятьдесят два года, а на вид – на десяток лет моложе. Отставной офицер, стройный, подтянутый, что называется, военная косточка, в военного покроя брюках с кантом, в щёгольских начищенных сапогах. Вышел в отставку старшим лейтенантом. Чин невелик, и он, поясня, сказал, что в армии можно делать две вещи: или пить, или делать карьеру. Первая жена, мать его сына, тоже от него ушла, он сильно пил тогда. Стал рассказывать про сына, про то, как испортил, избаловал его в детстве: в военном городке все знали, что мальчик – сын особиста и бояться стали не только папу, но и ребёнка... Бывший особист купил здесь, в деревне, бывшую школу, сто двадцать квадратных метров. Как их, эти метры, зимой отапливать? Но ничего другого подходящего не оказалось. На лечение сына он уже потратил девяносто одну тысячу. В деревне его не признают за своего, здесь все коми, русских, по его словам, не любят. К нему в дом залезали, обворовывали. Думают, если он сюда на «Ниве» приезжает, да дом большой купил, значит, богатый.

Наверное, не успел бывший особист разглядеть, что и впрямь он куда богаче своих новых соседей, оставшихся без работы и без каких-либо средств к существованию.

Во время разговора словоохотливый особист всё время придерживал за поводок своё страшилище.

– Со всеми собаками здесь передрался.

– И кто побеждал?

– Джейф, конечно. Это же бойцовская порода, чистых кровей. Я как увидел его месячным щенком, сразу влюбился.

О, Господи! Как можно влюбиться в такое чудовище? Собака Баскервилей! Всух я своих мыслей не высказывала. Собака сидела и порыкивала в опасной близости, ревниво оглядывая пространство вокруг хозяина и ворочая красными белками глаз.

– Я как-то его в доме оставил, а мы сами в город уехали. Воры в дом залезли, так он их порвал. Пришлось потом им бутылку ставить, всё-таки мне здесь жить.

Мы разговаривали с ним, расспрашивали про сына, про их деревенскую жизнь, а про себя помалкивали, и он, наконец, не выдержал, спросил меня:

– У вас рубашка военная, вы...

– Нет, я не военнослужащая, – засмеялась я, – это от отца осталось. Я донашивала.

– Вы вдвоём путешествуете? Отважные женщины.

– Наша охрана сзади, – туманно ответила Вера.

Как оказалось, кроме собаки у особыста есть ещё орловский скакун. Вера сказала:

– Но это же такая проблема, лошадь содержать. Сколько ей корма надо!

– Да нет, сейчас он сам пасётся, а зимой – овёс запарить, вот и еда.

Удивительным человеком оказался наш случайный собеседник. Видный, ладный мужик, почему-то брошенный всеми своими жёнами (а ладными мужиками бабы у нас просто так не разбрасываются), владелец необыкновенной собаки и необыкновенного скакуна, житель вымершей деревни, отец больного сына. И, видно, очень одинокий, если так охотно разговорился с нами. Он докурил, бросил окурок в костёр, попрощался с нами и ушёл.

Ветер не утихал. Пришлось здесь заночевать. Поставили палатку, уже привычно и слаженно, укрыли на всякий случай от дождя плёнкой (оказалось – и теплее от этого), побродили в зарослях ивняка, запаслись дровами. Был на редкость красивый закат. Солнце освещало церковь, она сияла отражённым светом, а вокруг сгущались сумерки. Пейзаж итальянского Возрождения. Полюбовались. И спать завалились.

* * *

Ночью я выглянула из палатки – благодать! Лес на противоположном берегу отражается в воде как в зеркале! Тишина, нет ветра. Как здорово! И я снова заснула.

Сегодня у Веры день рождения. Подарка у меня нет, я её просто поздравила. А подарок ей сделала погода: можно плыть дальше. Мы встали, позавтракали. Неподалёку прохаживалась странная пара: красавец орловский скакун и его пеший хозяин. К нам не подошли, а мы не позвали. Мы собирались и отчалили от деревни, в которой люди забыли Бога, а Бог забыл людей. Хотела за нами увязаться дворняга, прикормленная Верой, та самая, что дразнила вчера англичанина Джефа, даже вплавь она за нами бросилась. Но нам двоим в двух лодках только собаки не хватало. Ей ведь не объяснишь, что нельзя в такой лёгкой лодочке вертеться и суетиться, живо опрокинет. Я на неё прикрикнула, и она повернула назад.

Переправились через реку к другому берегу, пошли вдоль него. Потянулась мель, мы разулись, залезли в воду и привычно потянули за собой лодки. Впереди – Серёгово. Снова солнечно, тепло. Мы побрали рядышком по колено в воде и сочиняли на ходу «Воспоминания Ванькиной лодки». Ни одной фразы сейчас не помню, а тогда помирали от смеха. Я не говорю Вере, но ведь это та самая плоскодонка, цепь от которой у неё в руке, в холодный сентябрьский день вдруг взяла и без предупреждения погрузилась в воду с тремя пассажирками на борту. С норовом посудина.

Где волоком по мели, где плыли и уже через четыре часа добрались до первых серёговских домов на высоком берегу. Лодка у Веры царапнула днищем о камень и стала заметно сильнее протекать. Надо будет отремонтировать. Ещё через полчаса добрались до места, где находится источник минеральной воды. Я была здесь зимой, сейчас всё неизвестно. Набрали в бутылки воды, поплыли дальше вверх по реке. На берегу довольно много людей, где мужик сидит и курит, где женщина загорает, где дети с удочками стоят. Серёгово большое село, и здесь людям есть работа: в санатории, на солеваренном заводе, на стройке на другом берегу реки.

У санатория вообще «толпа», десятка два отдыхающих лениво плещутся в воде. Мы причалили неподалёку, выбрались на берег, сели на своих складных стульчиках немножко передохнуть и поесть. Как оказалось, мы остановились на людном месте, у переправы. То и дело с нашего на другой, или с того берега на этот, летела моторка с пассажиром. На том берегу проходит трасса Сыктывкар–Ухта, и обычно курортники приезжают на автобусах, а потом переправляются на лодке. Я приезжала в санаторий зимой и переправлялась через Вымь пешком по льду. На высоком берегу здесь стоят несколько двухэтажных деревянных зданий: жилые корпуса и здание, в котором больные принимают соляные ванны. Лечение здесь великолепное, а вот условия проживания не очень. Соль уникальная по свойствам, а дома, где проживают курортники, уже старые, зимами продуваемые насквозь.

К нашей досаде, на берегу объявился пьянейший мужичок и чрезвычайно нами заинтересовался, заметив наши лодки с поклажей. Кто, откуда и зачем, – допытывался он. Вера пыталась отшутиться:

- Мы – голова тайной экспедиции.
- Какой – тайной? А где остальные? – сильно взъярвался пьяница.
- Ну вот, всё вам расскажи!

Я, чтобы отвязаться от назойливого дядьки, сказала:

– Да из Коквиц мы, из Коквиц! И сейчас поплывём дальше.

- Этого не может быть! – торжественно объявил мужик, – вы что мне лапшу на уши вешаете? Думаете, я не знаю, где Коквицы? Они на Вы-чег-де! А здесь что? Здесь – Вымь! Не надо вешать мне лапшу!

Пой, птичка, пой! Приятно было слышать, честно говоря. Наконец пьяница убрался восвояси, и я пошла в Серёгово. Поднялась наверх, прошлась по территории курорта. Всё стоит, где стояло, только вместо сугробов зелень травы и листвы. А вид сверху на реку всё тот же, величественный, раздольный. Большой остров немножко выше по течению виден отсюда как на ладони. Я ахнула: на том берегу за леском сверкали на солнце крыши нового санатория. Значит, стройка идёт? А несколько лет назад весь гигантский комплекс был законсервирован. Я там зимой бродила как по кладбищу среди многочисленных зданий, огромного санатория, панельных домов, предназначавшихся, видимо, для санаторной obsługi, даже типовой детсад там был. Все дома были уже под крышами, но вместо окон тёмные провалы. Совсем немного не хватило времени, чтобы закончить эту стройку века. Началась новая эра капитализма. Санаторий перестал быть нужен, люди ездят в Египет и Турцию. Всё здесь пришло в запустение, и казалось – навечно.

То, что стройка идёт, подтвердил один из её строителей, ожидавший на причале моторку, чтобы переправиться на другой берег. Хорошая новость.

После меня в Серёгово отправилась Вера. На обратном пути она купила для нас обеих мороженое. Мы его съели у лодок, обсуждая вопрос о ночёвке. Вере не хотелось ночевать на острове, слишком он на виду, слишком здесь многолюдно. Мне было жаль так быстро уезжать отсюда, хотелось сходить посмотреть стройку на том берегу, но я уступила Вериной осторожности. Мы сели в свои лодки, оттолкнулись от берега. И поплыли обратно. Было шесть часов вечера.

Ещё Серёгово не скрылось из виду – встретили рыбака. Сидит на берегу с удочкой, на нас не глядит. Вера крикнула ему шутку-индикатор:

– До Москвы далеко, не знает?

– Не знаю. Вы же плывёте, не я, – заулыбался мужчина.

– А вы не плавали?

– Нет. Не было у меня таких спутниц, как вы, – галантно ответил джентльмен с удилищем. Этот рыбак нам понравился.

Уже через час, не спеша, помахивая вёслами, мы пронеслись мимо Лялей, вымершей деревни с вымершой церковью. Был прекрасный тёплый вечер, вода спокойная, зеркальная. Течение бесшумно понесло нас дальше, за поворот, и ещё через час мы уже были на месте ночёвки на косе, где ночевали позавчера. Двухдневный путь наверх и двухчасовой путь вниз!

Остановились у своего старого кострища с заготовленными два дня назад дровами. Развели огонь, сварили поесть, поужинали. Потом я нагрела в консервной банке гудрон, залила им дырку в Ивановой лодке. Пригодилась наука. А потом – спать. День рождения Веры подошёл к концу. С ногами у неё худо. И лицо стало отекать. Это беспокоит нас обеих. Где здесь помочь найти, если что?

* * *

Встали в восемь часов. Погода хорошая, солнечно. В полдесятого отправились дальше. Планируем дойти до деревни Ыб, но поднялся сильный ветер, юго-западный. Грести стало очень трудно. И это – по течению! А мы-то ожидали курорт, думали, отдохнём до Усть-Выми. Как бы не так! Пришлось прилагать все силы, чтобы двигаться, очень медленно, вперёд. Добрались с трудом, налегая на вёсла, до зарослей камыша. Впереди плыла, подпрыгивая на волнах, какая-то деревяшка. Я зацепилась за неё взглядом как за ориентир и старалась догнать её, но напрасно. Деревяшка не приближалась, расстояние между нами не сокращалось. Она лихо, покачиваясь в такт пляшущим волнам, плыла даже быстрее наших лодок, казалось, без всякого усилия справляясь со встречным ветром, и вдруг взмыла вверх, в небо! Утка! Мы проводили её завистливыми взглядами и налегли на вёсла. Прошли под линией ЛЭП, миновали деревню Ероzdино, устье Ерыча. Мы плыли, уже зная реку. Знали, где какой берег, где и когда поворот, где можно остановиться на ночёвку.

Мы устали и сделали остановку. Берег высокий, крутой. Еле-еле примостили свои лодочки на небольшом уступе между водой и кручей. Немного поели, запивая еду серёговским ещё лимонадом. Потом, любопытства ради, поднялись наверх,

а там луг нескошенный, буйство красок, окружённое тёмной стеной елового леса. Валяться бы здесь, бездельничать! Спускаемся вниз, садимся в лодки, берём в руки вёсла. Дальше!

Ветер не утихал. На правом берегу, вдоль которого мы и плыли, показалась деревня Йб. Левее, посередине реки – Остров Тракториста, наша цель, наша предполагаемая стоянка. Более подходящего места для ночёвки поблизости не было. Но когда мы уже почти добрались до деревни, погода стала стремительно портиться. Встречный ветер погнал тучи, как будто покрывало натягивал на небо, а волны на воде стали заворачиваться в белые бурунчики. На склоне ниже деревни сутились люди, боясь дождя, спешно грузили в кузов грузовика высушенное сено. Надо поторопиться и нам. Попытались переправиться к острову, но волны были столь высоки, что я крикнула Вере:

– Назад!

Удивительное дело: второй раз и в одном и том же месте погода чинит нам препятствия. Никак не хочет, чтобы мы здесь переправлялись. Йб высоко на горе. Красивое место, ничего не скажешь, но внизу у берега земля сырья, спать на таком месте неохота. Подниматься наверх, к людям в дом проситься? А зачем тогда поездку затягивать? По людям квартировать?

Прошли ещё под берегом. Мы были в нерешительности, но тут всё небо от края до края скрылось за тучами, и ветер стих, будто приутюженный. Воспользовавшись затишьем, мы рванули к острову. Переправились, а там мель, где её ещё пару дней назад не было. Лодку Веры перетащили, кряхтя и надрываясь, а свою лодку я перевела вдоль мели, обогнула её с большим трудом против течения, но это легче, чем тащить такую тяжесть на себе. Причалили к старой стоянке, как и в прошлый раз с готовыми дровами. Вера у костра готовила ужин, я ставила палатку, когда заморосил дождь. Но мы всё успели. Сидели в палатке у входа на складных стульчиках и обедали-ужинали. А по крыше стучал дождь. Потом Вера занялась своими ногами. Они у неё очень опухли, отекли и очень её беспокоют. И меня тоже. Очень нехорошие у неё ноги. И дело не в укусах оводов, а в аллергии на антикомариновые пластинки, которые иногда приходилось жечь по ночам в палатке. Нужного лекарства у нас нет, не учли. Дождь продолжается. И снова похолодало.

* * *

Мы выспались и встали рано, а в девять часов уже отчалили. Дождя нет, низкая облачность, ветер тихий и попутный, волну не гонит. Достаточно холодно, впервые за поездку я работала веслом, одетая сразу в две куртки и спасательный жилет, и не могу сказать, что мне было жарко. До усть-вымских мостов дошли за пятьдесят минут. Вера хотела, чтобы я пошла посмотреть Усть-Вымь, но я отказалась, и отправила её искать медицинскую помощь: на ней страшно смотреть, ноги опухли как столбы, а лицо отёчное как у бомжихи. Нехороша она, а впереди ещё трудный участок пути, надо войти в Вычегду так, чтобы она не утащила нас вниз по течению, и добраться вверх по реке до Коквиц. Это ещё пару дней, не меньше, и Вера должна выдержать этот путь.

Я осталась на берегу у лодок. На сей раз мы причалили к усть-вымскому берегу. Сейчас здесь пустынно. На пляже никого нет, кроме нас. Я села высоко на насыпи у моста. Отсюда видно устье Выми, и я гадаю: где, в каком месте лучше выйти на Вычегду? Далеко-далеко, в двух-трёх километрах отсюда виднеется левый берег Вычегды, темнеет узкой полоской лес, а ещё дальше, к горизонту, скрыта за лесом самая красивая деревня на свете – Коквицы. Мы обогнём слева Коквицкую гору вместе с рекой и скоро будем дома.

Я дала Вере записку к сестре Ивана Тане. Если кто в силах нам помочь, так это она. Она работает в детском доме, и я надеюсь, что там есть медсестра.

Через час на дороге показались две женские фигуры, Вера и Таня. Они приблизились, и я заметила, что у Веры совсем другое лицо стало, отёки сошли. Это меня обрадовало. Как оказалось, Таня сводила Веру домой к медсестре, и та сделала ей пару уколов. Мы с Таней поговорили, я даже узнала от неё последние новости из Коквиц. Она ушла с работы всего на полчаса, и ей пора было возвращаться. Я проводила её, заодно зашла в магазин, купила хлеба, масла, даже помидоры, а ещё – новую фотоплёнку. Быстро, бегом, обежала церкви на горе, сделала снимок часовни над усыпальницей епископов пермских Герасима, Питирима и Ионы, снимок мужского монастыря с кельями-теремками за деревянными стенами. Где-то там замаливают свои грехи те послушники, которых я встретила под мостом. Это сюда, на эти самые холмы, более шестисот лет назад, заручившись согласием Дмитрия Донского, направился христианский проповедник Стефан Пермский и сделал Усть-Вымь центром возникшей епархии и архиерейской вотчины. В Коми крае не было крепостных крестьян кроме этих, вотчинных. А со временем Усть-Вымь перестал быть каким бы то ни было центром. Центром коми земель стал Сыктывкар, а центром Усть-Вымского района – село Айкино. Там, в Айкино, – чиновники, суд, налоговая инспекция, районная больница. Там бич-контора, то есть контора по устройству на работу, которой нет, безработных, которые есть. Что чиновники подальше, пожалуй, и неплохо, а больница могла бы быть и поближе.

Долго задерживаться и разглядывать предмет моих дипломных трудов я не могла. Надо было воспользоваться попутным ветром, мы научились его уважать и принимать в расчёт. Я спустилась с холма к реке, к ожидающей меня на берегу Vere, и мы отчалили. Переправились на левый берег Выми, пошли почти вплотную к берегу, чтобы не прозевать устья, добрались до поворота, за которым уже текла Вычегда, взяли немного вверх по течению, а потом рванули на тот берег, держа курс на Полавье. Деревня мелькнула вдалеке на холме, укрытая от взгляда прибрежным лесом. Перед ней простирался тот самый Остров Трёх Вокзалов, на котором мы ночевали под грохот поездов. Туда мы и направились. Где тащили лодки, где плыли, и через три часа после выхода из Усть-Выми оказались на своей первой стоянке. На старом кострище быстро разожгли костёр, вскипятили воду, сделали кофе. Передохнули и поплыли дальше. Миновали остров, пошли вдоль правого берега. Решили: найдём хорошее место, остановимся на ночлег. Хотелось уйти подальше от грохота. Мосты давно уже скрылись за поворотом, а вот грохот, стук вагонных колёс, шум машин нёсся за нами следом. Впереди был почти прямой угол поворота реки направо. Мы припеваючи прошли его по течению. Каково будет – против? Подходящего для остановки места всё не находи-

лось. Вот и Богваздино на том берегу скрылось из виду. Наскоро посоветовались и решили попытаться пройти угол, не переходя на другой берег. И нам это удалось.

Держась вплотную к берегу, проскользнули мимо встречного течения, а там, уже за поворотом, нас подхватил северный ветер. У Лялей он был нашим непреродолимым противником, а здесь неожиданно превратился в союзника. Нас толкал в спину ветер, совпадающий с курсом наших лодок. У моряков он называется фордевинд. Я не смогла побороть искушения и вставила-таки это пышное заморское слово дальних странствий, сорванное случайно со страниц словаря иностранных слов, в свой полевой блокнот скромных заметок. Пусть красуется! Мы плыли и плыли вперёд, непрерывно работая вёслами, мимо крутоого берега, заваленного упавшими деревьями, непролазными корягами и корнями. Подходящего места для ночёвки всё не было, зато на каждом километре стояли, как верстовые столбы, чудаки с удочками. Из чего следует сделать вывод: капитализм истребил на наших реках судоходство, но рыбаки – неистребимы! Этот народ, часть которого каждую весну уплывает куда-то и зачем-то в море-океан на льдине, для меня загадочен своим неизъяснимым упорством, достойным, хотя я, может быть, ошибаюсь, лучшего применения. Но, наверно, с таким же недоумением они смотрят на нас, двух женщин в лодках, как мы на них?

Вдалеке показалась узкая длинная полоса пляжа, а на нём стоял табун лошадей, и тут я поняла: это же Стёпкины лошади! Мы вышли на финишную прямую! Последний поворот реки, последние рыбаки, провожающие нас любопытными взглядами, и мы увидели Коквицкую гору! Она, как сказочный кит, круто уходила с головой в воду, а на спине стояла сказочная деревня. Отсюда, издалека, не видно было пустых, заброшенных домов с выбитыми стёклами, нищих и безработных её жителей, пустых коровников на краю деревни и окончательно упавшей часовенки. И больше всего на свете я хотела оказаться в своём доме высоко над рекой. Ещё два часа непрерывной работы вёслами, и мы вытащили лодки на берег!

* * *

Я была рада уехать от рутины, от суety. И я была рада вернуться домой. Хотя это было непросто, взобраться на спину кита с грузом: палаткой, спальниками, посудой, остатками съестных припасов. Нас не было семь дней, шесть ночей. Мы вернулись раньше, чем ожидали, за один день от Острова Тракториста добрались до дома. Я отдохнула от суety. И я к ней вернулась. А куда я от неё денусь?

Мы хотели узнать, сможем ли мы, две женщины, не самые сильные и не самые спортивные, одолеть водное пространство. Сумели. Мы не нарывались на приключения и были по возможности осторожны: к реке надо относиться с уважением. Даже в обмелевшей реке найдётся много опасных мест, где можно закончить всякие поездки.

Когда-то я путешествовала по Волге. Родители купили мне, девятикласснице, путёвку на поездку от Ярославля до Астрахани на большом трёхпалубном тепло-

ходе «Михаил Лермонтов». Теплоход плыл без малейших усилий с моей стороны, пыхтел, безропотно отмывая километры. Официантка подавала меню, а я, юная и глупенькая, свысока взирала на реку и мир с верхней палубы теплохода, с видом бывалого путешественника обозревала проплывающие мимо волжские берега. И как же мало я тогда увидела! Трёхпалубное высокомерие пропадает, когда ты остаёшься один на один с рекой, когда тебя не защищает корпус корабля, а вода – вот она, стоит лишь опустить ладонь за борт лодки.

День за днём мы с Верой преодолевали и преодолевали водное пространство. Наши мысли были заняты рекой, ветром, берегом, костром, палаткой, ночёвкой, дождём, проплывающими деревнями, встреченными людьми. Один раз мне приснилась плачущая внучка с синяком под глазом, но я постаралась отодвинуть от себя этот выдуманный кошмар, хотя оказалось – именно тогда она упала, ушиблась, и под тем самым глазом у неё реально несколько дней красовался фингал!

Нам повезло не нарваться на лихих людей. Что бы мы им противопоставили? Газовый баллончик? Но, в общем-то, человек не застрахован от подлости человеческой, где бы ни находился: в нью-йоркском небоскрёбе, в больнице, на улице любого города. Или на реке. Или просто сидя дома на диване у телевизора.

Путешествовать куда интереснее, чем читать о путешествии. А посему: в следующее лето мы с Верой ещё что-нибудь придумаем. Ты будешь смеяться, читатель, но я всё равно скажу банальную истину: наша родина прекрасна, она стоит того, чтобы походить, поплавать, поездить, поглязеть. Но если плыть на огромном теплоходе, или лететь высоко в самолёте, или взирать на мелькающие окрестности из окна поезда или машины, то можно не заметить о-о-о-очень многих подробностей, из которых, собственно, и состоит жизнь.

Вот и всё. На этот раз.

2003 г.

Продолжение следует...

Евгений Козлов

Козлов Евгений Валерианович (Евгений Валериан) чужис 1960 вояс май 18 лунё Емдін районса Эжов сиктын. Велдічес чужан сиктас, сэссе Туис-Керёсса шёр школаын. 1986 воян помаліс Сыктывкарса университет. Дыр кад чојж уджаліс «Войывів кодзув» журналын.

Йөзбөдч 1976 воясъянь. Кывбұръяс да висътъяс петавлісны «Войывів кодзув», «Арт», «Би кинь», «Чушканзі» журналъясын, оттувъя сборникъясын. Асшёр книгаас: «Водзкыв пыдди» (1988), «Узътём войяс» (1994), «Кык книга» (2005).

Евгений Козлов вуджёдё роч да финн-угор авторъясоң: Александр Суворовөс, Елена Габоваөс, Тамара Ломбинаөс, Игорь Шкляревскийөс, Октябрлина Вороноваөс, Василий Климоөвөс, мукёдбөс.

Оні уджало «Чушканзі» журналын.

Морт олём

Нёшта ётчыд Трипан Вась йылысь

Саша Лужиковлы

Водзкыв пыдди

Асыв.
Муртса на кыаыс ломало.
Усьё ва вылё алой вонь...
Весиг кылан, кызд ывлавыс лолало,
Сэтшом ясыд
Да сэтшом лоңь.

Ру моз рёмыдыс колыштіс войсянъ на,
Сёмын кырбокса ичотик сикт,
Коді ваяслы сулало сиб,
Мёдіс кильчояс ньёжийоник восставны.

Петіс нывбаба, сувтыштліс сутш,
Тасдоръюгыдсо пернапасаліс:
«Аттё, господьёй, күтшом асылыс!»
Кевмис радлун да кокныд удж.

Гёгёр волі мед
Лосьыд да бур:

Кыйдös верöслы – ваысь кöть, вöрысь кöть.
...Пиян вензьёны könkö вöрögköd,
Дойыс-ранаыс налён – бурд!

Тадзи мёвпалıs асъя чöв-лёняс
Авъя гöтыр да шуда мам.
Нэмсö майшасьö небыд сьёлёмыс
Ставысь...
Сэтшöм нин сылён сям.

Ва вылын

Тшöтш и ва вылын кодкö вуджрасьö...
– Кытчö мёдомыд, Трипан Вась?
– Сидз тай... Черитор ветла вуграла. –
Мортлон вочакыв важён дась.

Сийö визувлы воча сынö,
Кокни пельсыс – тёльс да тёльс.
Кони торъялö вавыскöд сынöдыс,
Муртса тöдчыштö нисьö оз.

Пипу веткиыс жунь кодь мунысъ,
Пелька веськёдлö сыйён морт.
Здук, и – кажитчö – торъялас мусысъ,
Мёдас чёлавны, быттьö борд.

Сöмын ветки пыр вундö васö.
Вылысь-выльторъяс аддзö син.
...Кытчö мёдома талун Васыс,
Мыйла эновтис оланин?

Ылöдз, матöдз-ö сылён туйыс?
Сидзи прёста öд мортыс эз мёд...
Васылён веткиас мыйся туис,
Весиг матысса мортыс оз тöд.

Васьö сынö да мёвпалö чёла.
...Оз,
Оз весь сийö ю йылас кат,
Кылё бура крестянинлён сьёлём,
Сьёлём майшасьö – воис кад!

Асътö мортыд
Кöть нурйöд, кöть тшыгйöд,

Мутё койдыстöг кольны оз позь...
 Коді мусинö нинём оз шыбит,
 Вужсö орёдас,
 Нинём оз босът.

Му и вёр-ва тан, войвылад, кёдзыдыс
 Аслас ии кудыйн тёмитö дыр.
 Шоныд кадёдзыс видзан кё койдыстö,
 Сідзкё, олёмыс оз на быр.

Мыйён веськалас шоналём муё,
 Садьмас узьёмысь ичотик лов.
 Быд тусь нюжалас, шепталас
 Идыйс ли сьюис.
 Войтыр, оламёй:
 Нянь да сов!

Могён

Васьёс сьёлёмыс кыскö, кыскö.
 Со и мёдіс тай:
 Оз-о сюр
 Шаньджык сотчомин ю йывсыс кыськö,
 Медым кёдзыштны мерка сю.

Гуся туиссö бара восътлас,
 Видзчысъёмон,
 Мед бокё эз усь,
 Му кодь сарёга кабырас босътлас
 Польдчом-зэлалём некымын тусь.

Лэдзас чунь костöд шуйга соддзас,
 Мёвпыс – нюжалём тёлыс кодь кузь,
 Кывтö казытылём синъяс водзас,
 Кыздзи чукёрмё
 Тусь дінö тусь.

...Пиян мунісны озырлы паныд,
 Кор ий помасълас йёз виан кось?
 Сьёкыд, тшыгъя
 Кёть сэнi, кёть танi,
 Сёмын кёдзтöгыд он на тай босът.

Медым шуасны: гусьён, ылётлін,
 Абу морт ног по...

Тёдан – оз позь,
Но и ачыд ёд ставкёд тшётш
Кача нянь кылодлін,
Аслыд лишнёйсö некор эн босът.

Эскин – бурджык на лунъяс воасны,
Тадз ёд олымыс помтёг оз мун,
Йöзыс коркё и гёгёрвоасны:
Муыд кёйдыстёг абу му.

Бёр түйө

Васылён уджыс тай сьёдас эштöма.
Васьё мёдöдчис гартас бёр.
Оз нин сынышт, куш пельссö вешталö,
Мудзыс öкмöма – водзö оз тёр.

...Васьё, мортаной, мый тэкёд лоёма?
Пыр на волин тай уджач да зиль.
Сылёр эбосыд,
Öдва лолалан,
Он нин вётлав со
Ном ни зi...

Тшыгсор олёмнад шом гадь моз дундöмыд,
Водин пу уло енлы лов сетны,
Сöмын вежöрад öти дум тэнад:
«Муёй-матиой, кёйдыссö ловзьёд.
Ho!»

Бёркыв пылди

Васьё, мый нöшта эштigад мёвпалин?
Тöдлис та йылысь
Сöмын дзор коз.
Нöшта шыасылise ныывъя мёдлапёв...
Весяс зильёмыд ковмылас оз?

Кодъяс тэ бöрын танi лоасны,
Медым лелькуйтны-вöдитны му?
Медым тэ мозыд, кадыс воас кор,
Чёйтны эскöмён
Зарни сю...

Аддзысылёмъяс

Висът

Отчыд арбыд вёралі,
Нюрсö-ягсö шёралі.
Коркё мунсис ылö, и,
Сё мокасьтыд, ылалі.

Сутки шойтi-келалі,
Мудэссыс вир-яй зэлавлiс.
Тöдтöм морткöд катчöсын
Чös туй помас аддзысим.

Медводз сiйö шуасис,
Коса быдтор юасис,
Тöдмасим да, Петьёлён
Дзескыд нюмыс петалiс.

Лабутнöя водзö со
Чöйтiс ассыс ташкасö¹:
– Ме öд лоа Мозынса,
Тэ нö, сiдзкö, Вашкаса!

Мöд вожысь тай эськö да,
Шуны кö нин веськыда,
Ву дорса жö лолыд,
Нуръясь мыйта колö!

* * *

Отчыд, кор на велёдчи,
Сиктыс сиктö ветлöдчи,
Важ кёлуйтö, пу-кörtсö,
Мойд да мый да чукörti.

Кузь туюд öд петны кö,
Нёшта кö нин вой улö,
Енлы кевмысь, медтыкö
Кодкö туй ёрт мойвилö.

...Кёнкö Койгорт вёлёкын
Воча лоим вёлакöд.
Повзьёдchan по – шуасис,
Сэсся мыйкö юасис.

¹ Ташка – удор. вашк. мыш поп.

Тöдмасим да, мортаныс
Узыны корис гортаныс.
Табак кöшель йöрис:
– Ак и чöскуд кöрыс!

Мöд вожыс тай эськö да,
Шуны кö нин веськыда,
Коми жö тай лолыд,
Тшынась мыйтa колö!

* * *

Öтчыд аслам могъясöн
Волi первым вокъясö.
Иньваö и Гайныö
Ковмис сэки кайлыны-й,

Мукöд сиктö кежавны,
Сидз и лэбис вежоныс.
Кудымкар-столицасыс
Автобус нин виччыси.

Луныс букуд, зэрыштö,
Лэбулö ме кежыштi,
Эг и тöдлы, кытыськö
Латшкös дядьö мыччысö.

– Што зьдесь надо? – шуасис,
Сэсся быдтор юасис.
Тöдмасим да, Пера
Штоп и закусь перийис:

– Мöд муысь тай эськö да,
Шуны кö нин веськыда,
Перымса жö лолыд,
Ю и сёй, мыйтa колö!

* * *

...Öтчыд,
Быттьö пытш пырис,
Петi мусö кытшовтны.

1988

* * *

Вёрас ув и выв со розъя,
Но ёд дзоридзнас он пёт.
Пувъя, пелься ли озъя
Лоё таво, видлы тёд?
Радлан чуймалёмён тадзи,
Аски войтёвтлас, и – пом,
Сэсся мёд воёдз он аддзыв,
Мыйён номсёдышты вом.

Но кор артмас, шонді водзад
Кутшом мича чёд и пув:
Оти роз и тёро соддзад.
Босът да чёсмась.
Сёкыс – у-у-у!..

1993

* * *

Валя чойлы

Эм арся дзоридзъясын мич.
Дерт, абу сэтшом, кыдзи гожся,
Тэ наусь весьшёрё дзик корсян,
Мый кадыс зэръясысь эз видз.

Но овлё – аддзан катшасин,
И лолыд югыд руюн тырё.
Сідз мунан, мунан...
Он тёд, дыр-ё,
Он вежёрт, кытчё ную син.

И съёлёмыд друг лэдзас лич,
Кор найёс чуймалёмён ёктан
И аслыд эскыны на тшёктан,
Мый ставыс, кыдзи колё, сідз!

1991

Коркёя

Тан, автобус остановка дінас,
Пода туйкód орчён,
Пельсь куст...
Коркёясö казьтіс сöstöм бинас.
Öзый, öзый, донаой, эн кус!

Асья зэр моз казьтылымыс суис.
Мунны кад, но сулала, ог мун.
...Вёрса тусысö вўйысь поч кодь пуыс
Козьнавліс сæk сымда шуда лун!

Ёртъясысь и велёдчомысь пышъям:
Лекция луныд вывті кузъ.
Менам киысь, бытъё ичёт пышкай,
Öктывлін тэ пужйён кынтöм туся.

Ачым видла – шома, но и шома!
Мися, тырмас, судзёдны эн кор...
А тэ быд туус сідзи босытлін вомад,
Бытъё абу таысь чоскыдтор.

Пышкайясыс волісны жё татчö...
Ыджыд котыр – микод орчён тшётш
Кокавлісны тусысö.
Тöвбыд тадзи
Гажа шыён оліс карса кёдж.

Воис тулыс, вежсис олан руным:
Сессия да мый да...
Коли кад –
Коді кытчö мунім.
Гажа кёджным вуні –
Быдён корсис ассыс олан лад.

Кымын во ме бытъё вётин олі,
Чайтлі, ыджыд олёмсыс он ум.
Он сёмын казьтивны и коли –
Шома пельсь,
Тэнсыд сöstöм нюм...

* * *

Козъя вёрёдыс, кыддза раскёдыс
Ош моз келалі кымын лун.
Понёль пуюссö тали-ратшкёдi,
Чайта, дöзмылiс весиг тун.

Код по татшомыс вёрас локтёма,
Весиг меясь по со оз пов!
Ме по верма жо вёчны лёктö, да,
Гашкё, водзбенас оз и ков?

Кыдзкё сiдз колё вёчны вёрёглы,
Медым велалас, но оз кув...
Косьмём коз кёсий тальны-пёрёдны,
Плешкё дзенётбтiс
Лэчыд ув!

1993

* * *

– Коркё шондыйс сотчас и кусё!
Отчыд школауыс воис да юортiс вок.
Ичёт вежёрös шымыртiс тёдлытём шаг,
Сэтшом гажтёмён аддзылi мусё.

Мый нё аскисё мёда ме вёчны?
Васька-Пашиккёд Бужёдö ворсны оз лэдзны...
Но а вуграсыныс кыдзи ми мёдам?
Чери дёбодё медсясё сэк, ми нин тёдам,
Кодыр шондыйс петё.
И рытнас, дерт, шедё.

...Збыль кё шондыйс кусё да некор оз петав?

Кёнкё Пöть улын мёдасны няргыны ыжъяс.
Мёсным гидсё оз аддзы да Нюмлöдö пышъяс
(Мони Анналён мегёыс эз тай и шедлы,
Кёнкё, онi на Таркама гёгёрын ветлö).
...Мёсным вошас кё, ичёт вок йёвтöг и кольё?
Мыйкё регыидджык думыштны колё!

Войбыд гусьённик майшаси, узьны эг лысът.
Сомын вугырта, иирö моз сунгыся – бызь-зы!

Ставнам чурмунла...
Пемыд на, кызыс весиг оз чусав.
Кёні шондіыс?
Збыль ёмой кусі?

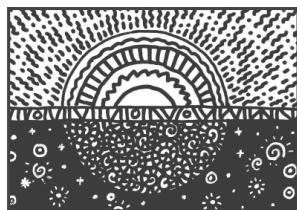
...Коркө садьми, а ывлалыс дзирадалё-ворсö.
Паш да Вась дорö котöрта, кодöс ог паныдав, горза:
– Шонді петöма!
Петöма шондi!..

Бабö кылöма:
– Мый нö сэн урсавны пондiн?
Быд лун петалö, шондiбан, сы вылö сiйö и шондi!

Мöдiс синваёй доршасьны.
Тiльыштi синъясöс гусьён...
Верстöй войтырыс некод мой оз гёгёрво:
Друг кö шондiыс збыль вылö кусö,
Татшöм асылыс некор оз ло!

Сiйö лунсяныс кольёма сы мыйта во.
...Вода узыны,
И асылодз бергала,
Унмовсны пола:
– Мыикö думыштны колö.
Мыикö думыштны колö...

2006

АЙ ЛОВ Ю

Ичётик висътъяс

Вёрса тыяс

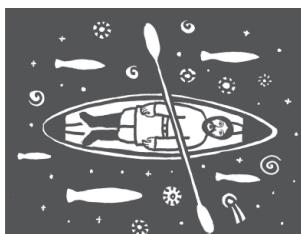
Парма съёлёмын тыяс!
Наён юкталён мую!
...Ти ёд пармалён тыяс,
Ти ёд пармалён мусъяс. –

Шёпкёдёны вомдоръяс быттьё кутшомкё тёйтём молитва, а синъяс му да ва вылас чуймёмён видзёдіг чайтёны век кежло сюркнявны ставсö, мый аддзёны... Быд здук. Быд ичётиktor. А кияс – нисьё вётын, нисьё кутшомкё вунёдчомын – куталёны матысса паяслысь росъяссö, шонді водзын югыдён сылысь посныыдик коръяссö, тадзи быттьё зільёны йитчыны накöд, мед тшötш кывны асынысö росъясон.

Кутшома коркё радейтлі воштысыны сиктгёгёрса вёръясö, медым аслым тёдлыштöг веськавны вёр пытшкын ичётик потас моз воссысь татшом ты вылас. Видзёдлан наё и аддзан сийёс, мый он казяв восьса тыяс вылын. Вёрса тыяс видзёны ас пытшканыс кадсö и вёрса олёмсö ставнас: быд ичётик пу либо куст, берегдорса лёз ордым, мёдлапёлас коркё артмылём ичётик бужёдъяс, и енэжсö – сы вылысь быд кокныдик кымортор. Ставсö тёрёдёмны, топёдёмны, сюркнялёмны асланыс вежёрö. Аддзан тайёс ставсö, быттьё видзёдан медматыс ёртлы синмас, и гёгёрвоан ставсö кыв шуттöг, тёдан, мый йылысь сийё мёвпалö. Мый сылон съёлёмас.

Ме радейта гёгёрвотом радейтёмён вёрса тыяссö, эска налы. Мед эськё и найё меным эскисны...

Парма съёлёмын тыяс...
Мед оз овны тан сиръяс.
Парма съёлёмын тыяс,
Ти ёд пармалён синъяс!
Тіян сідзи ме эска,
Кора отсöг быд пörйö,
Кыдзи ёртлысь, код эськё
Менё некор эз пёръяв.

Ичёт ключьяс

Позьё-ё шуны найёс ключьясон?.. Кодлы кыдзи, а меным зэв донаёсъ найё. Гашкё, сы понда, мый казтылённы ичётдырся кадёс, кор тшёкыда вуграсылім ты дорын. Аддзам да радлам, быттьё мыйкё ыджыздтор восытім!

— Ключьясыс, видзёдлой, ключьясыс! — горёдчас кодкё зонъяс пиысъ, а ми чөвталам вугыр шатинъяс да матыстчам, видзёдам да быд пёрй шензям: кыдзи вермё татшом ичётыс овны?

Гожёмбындад унаысъ на аддзalam сэтшомсö: ичётикёсъ, югъялыштöны эзысъён, быттьё шонді водзын черань везъяс, а шöрасмоз — муртса казявмён вöрыштö кутшомкё ловъя лов... Но петкёдö и петкёдö кыськё му увсысъ югыд лыасо.

Рытланыыс найё чусалыштöны, пемыднас быттьё вошлöны кытчöкё. Асывнас видзёдан да — бара нин мырсёны... И тадзи лун бёрся лун.

Позьё-ё найёс шуны ключьясон?.. Дерт, он откодяв ыджыд ключьяскöд, кодъяс гораа сяльгёны, эжёра вутшъяс да вуджёра пуюс костёд чукъёдлёмён визувтöны юяслань. Найёстö унаён аддзёны и тёдёны. А ичёт ключьяссö он на и казяв бурджыка видзёдлыштöг... Но найё коми морт моз мырсёны-уджалёны лун и вой парма сьёлёмын, ю да ты берег доръясын. Ропкытöг да кыв шутöг вöчёны ассыныс удж. Тёдёны — натöг кодлыкё сьёкыд лоё...

Байдкоръяс

Ог тёд, кыдзи найёс нимтöны мукöд вожын, а миян прёстö — байдкоръяс. Код тёдас, мыйла... Но найё и збылышь бадь коръяс кодьёсъ. Сэтшом жё чукёрайс да визулёсъ, кыдзи Эжва берегдорса сьёд бадъяслён кузьмёс да вöсныыдик, шонді водзас небыда югъялысъ коръясыс. А воас рыт, и сидж жё лёнясны, уялёны чукёрён лыя öзынъяс дортi, сёян корсёны. Ворсёдчёны неуна руалём, шыллялом вавыслён пёшти веркёсын.

Ичётдырии ми, зонпосниыс, быд рыт вугыр шатинъясон лэччылім совхозной пыж вывсянъ байдкор вугравны. Юкватö эсъкё ньёти оз содты байдкор ёксыд, но вöлі зэв любё, мый найё ньёти оз повны миянысъ. Лэччам, чукёрён пуксялам пыж бёжас, а найё сэтёноисъ нин: виччысъёны, кор лёддзёс либо няньтор шыбитам. Чёвтан, и пыр жё мёдасны ёрта-ёртыслы вежмён чеплявны сёянсö. Чепольтасны, и бёрвыв, кокыштасны — и бёрвыв...

Тёвруыс ылыштас няньторсö, выльёс чёвтан — и бара нин танёсъ. Чайтсё миянлы: тадзи кё велёдны — кисыд сёйны мёдасны. Каньпиянлы да кычикиянлы моз ставыс наалы интересенё. Черияс пиысъ байдкоръяс морт дорё медся сибыдёсъ.

Кёнкё кылас кёрт пыж томанён зялькнитöм либо кодкё бёт сюорснас пыж набояс торкнитас, сюв-сяв вошлöны. Но регыд бёр чукёртчёны.

Асывъяснас, видз вылё вуджигён, сёмын на лэччан ва дорад, найё бара нин сэтёноисъ: чукёрясан-чукёрясан...

Тадзи вöлі ичётдырии. А он зэв нин шоча аддзылан найёс, ичётик черияссö. Шулёны тай, став чериыс по бирны мёдис... Гашкё, байдкоръяс сы понда и

вошины, мый мортлы эскисны – медводз кылісны бурлунсо, сибодчинсны, медводз и мортлон лёклун уло веcъкалісны...

Ай лов ю

Пöть ув нырд веcъкылладор кобётас завидтана видзор вёвлі коркё. Унасы киись кио вуджліс. Неважён на од берег доръястö донёдз ытшкавлісны... А тані – бур воё мато додь турун шедö. Зöриз сора! Но местаыс, дерт, васод, кытъяскö пидзöсöдз вутшка. Киён ытшкан, сэсся кулём турунсо петкöдлан шонді водзö косытыны. Некымын лун ноксьюм.

Сиктсалы вёляджык олём воссис – ытшкы кытысь көстьян. Ставён вуджисны мёдлапöлö, волён да тракторён нин ытшкёны. Берег доръяс эндыны мёдісны, ляк бадьён да ловпүён тырины.

Оти шойчан лунö ләччи вуграсыштыны, а видзода да – батьё видзтö сийös ректö, кералö тшöк петом пуюссö. Коркё сэсся матыстчи жö, босытчи керасыны. Сийö рытнас пöшти эштöдим ректысян уджъяссö. Позьё шуны, кык удж керим – ас берегын неыджыд видз лои, ытшкы кор вевъялан, и кераломсö ваё вöйтим – колясъяс вöчалим.

Некымын во на вöдитим видзнымös, а сэсся эновтчим жö: вок уджаліс бригадын, да колана мында турунсо найо öтвыллыс керлісны.

Оні бать абу нин, и вокой водз муніс. Ләчча Пöть ув нырд дорö, да сийö шуда кадыс казтывсö. Колясъясным на вердыштöны и... Горш веcъкодны кежавла видз помас петысь ёль дорö. Сыв дас кык и эм сийö, тшöк бадьяныс кö артавны. Но вайс чöсқыд, ыркыд весиг лун шöра лунö. Юышта, пуксыла кос веретя вылас да бара на мыйяскö казтыла.

И воис неважён мёвп нимтыны ёльсö... Ай лов ю! Айольыс ловсö видзысь ю, сидзкё.

А мед кöть и абу ю, паметтö видзны тырмымён.

Дед

Ичётдырии на унатор кывлі тайö пожöм йывсыс, коді сулалö сикт горуланным, катылладор берегас. Мед воöдчыны сы дорö, колö вуджны неыджыд яг, сэсся козъя неыджыд егыр. Тыладорсяныс кö, зиялас тшöк петома ловпу да няр кызд пу. Дай вужъясыльма коркё пожöмыс зэв крут местаб.

Вадорулыс дзик орчён, но Тонь öзынын ми некор эг купайтчылой, гашкё, та понда ёнасö эг и волывлой татчаньö.

Помнита, Пантиль дед коркё висъставліс: оти гожся лунö по кысъкё друг воис Кузиван. А луныс од вёлі лöнь-лöнь. Тöдлýтöг стракнитис-чегис пожöмыслыс зэв ыджыд вож, нуис ты шöрас да чöвтис сэтчö. Вайс по быттöю восссыліс, и пулён вожыс тупкысис артмом валнас... Ичётось на вёлім по, ёна повзим. А берег дорас пыж сиралыс старик шуис миянлы: «Челядьё, оз позь талун купайтчынытö. Васаыс да вёрсаыс вермасьёны!»

Ми полыштім жо. Пожомыс и збыльсь волі зэв ыджыд... Потласьом руд кырся, тошкассьюма – быттьо кузъ олём вуджом пёрысь морт. Зера лунъяс сумыш, мышкыртчыштому быттьо весиг, а шондіа луню лёсталю-югъяло ставнас, мичаа шувгю-мойдö сы гёгёр сулалысь том петаслы аслас олём йылысь.

Дыркодь эг нин вөв аслам сиктын. Кольом во гожомнас каникул вылө вои. Стöч Важкуаын турун пуктыны веськалі. Кадыс отув уджтö бергöдигён öдйö и ләбö. Бöръя лунас шуим эштöдны нин сабрисö зэрöм-карöмыс, дай мед сэсся мёдис не манитчыны юр-мöд вöснаыд. И сёрыштим, дерт.

Гортлань мёдім рёмдигён нин. Важжеква весьтын кыз пластон кузяла ёшаліс еджыд кисель кодь ру – ді и берег сайёдома. Мунны мотора пыжён татшом рүод сёкыд, унаясь ковмыліс надзмёдны öдсö, другысь кежёдны кысько пемыдсыыс петём топлякъясысь.

- Эсчö видзöд, эсчö! – мотор шысö веномён индаліс бать. – Дедыс кёнкё сэн!
- Кутшом дед? – эг гёгёрво первосö да дёзмыштöмён юалі ме.
- ыджыд пожомыс! Рыбакъяслöн пас... Сы вылө и мун!

Мёді кыйёдны «дедсö». И регыд тыдовтчис öд, ру вылысладорас муртса-муртса мыччасис туганнас. Сэсся гёгёр нином некён эз тыдав, быттьо гю вöйома ставыс.

Регыд и воим ас берегö. Сибöдчим, ректысим да пыртлім кумö кёлуйнымöс.

Мыйлакö окота лои матыстчывны «дед» дорас. Оні жо... Аддзыны сiйös весиг рöмыдас эз вөв сёкыд. Матыстчи, пасъкоді сывиёс – кык мортлы не судзны.

Да-а-а, кымын нэм нин сiйö танi сулалö! Кымын мортос мездыліс ва туй вылын вoшом-ылаломыс.

2011 во. Йи вывсянь вуграсигён казялі, мый ыджыд пожомлон öти йыв бара чегома. Коркё неважён на... Бара али мый вöрсаныс да васыс вермасисны? Эз-ö сiйö кадас, кор вöйи Лёня Бызов карса ёртъясыскöд? Зэв шуштöм, руа луныс волі. А мёд асылыс сэтшом югыд да шоныд лои, шондисыыс юр дикмыліс, пока корсим зонъясоc. Сентябр 29 лун асылö аддзим найёс...

Вой сён

Вой сён. Вой сён. Вой... сён... Кывзыслой тайё нимас – кутшомкё аслысполёс шы артмё. И думыштchan – а мыйла эсько тадзи нимтылomайс ичотик сён кулигасö?

Мёдлаполын миян зэв уна сён: Ольга сён, Коляй сён, Зимин сён, Пархач, Ганов и Як сёнъяс, нöшта на кутшомъяскö лоасны. А тайос абу морт ним серти нимтöмайс. Гашкё, шуам, сы понда, мый сiйö ыджыдджык видзлон войладор вожён лоö? Но тадзи чайтöмис быттьо выйтi прöстöй.

Од кутшом мича сёныс! Чечкан мёдлапöв берегö, Шör тайёд вуджан некымын сён да веретя, и петан ыджыд пызан кодь Коляй сён веретя вылö. Сетчыштан шуйгавыv, вутшка-баддя нёков боктi пыран гырысь пипуа раскё, кытi писькёдома трактора туй, и неыджыд чукыль сайын воссяс кузьмёс сёнтор. Со тэнайд и Вой сён!

Вой сён, Вой сён... Эз, эз прёстасы тадзи нимты сійёс нэмъяс сайын овлём дядьё.

...Ректысян уджъяссö вöчигён суаліс мича, лöссыд тувсов кад. Кор нин помъялісны ставсö – вöлі вой. Югыд, лöнь гёгёр. Со эстöні, вывтасінас, шайч-чисны кöзяевыс. А эстысь, баддясыс, кöні вутшка да улис, а коръя туруныс сэтшом кöра, и вутшъяс костас сöдзöдчö кöдзыд, сöстом ва – сэтысь налён томи-ник нывъясыс öта-мöдыслы вежмён чумпельысь юёны енмён сётом васö: «Айö, матушка, тіянлы вайны жö?» – юалö медся ичötныс. «Оз ков сэсся, мудзнас ми пöтöсь. А тi юй на здоровье. Тіянлы колö на быдмыны!» – радлö мамныс.

А сёnbокса гöптыс кокныыдика руалö. И ставыс гёгёр сэтшом лöссыд. Мойд дай сöмын!

«Айö, а кыдзи тайö сёңсö нимтам?» – бара на медся ичöтыс юалö. «Ог и тöд, эг на думыштлы да». «Вай, сідзкö, Вой сёён и нимтам. Со кутшом лöссыдвойыс! А лöмийыс кутшома дзордзалö!»

Гашкö, эськö и вунöдісны тайö сёргисö, но гожёмнас медся ичöt нывканыс вöйи купайтчигён. Дыр сэсся сiйö лунсö казытылісны... Нимыс сёnlöн сы ног лои.

...Ми танi коркö гöп дорösсяссö ытшкавлiм, кытi совхоз эновталiс нин.

Öти лунö петiм нин дорösö, а кватитчи да – пуртöй вунöма. Бöр котöртi, пыри медся пытшкös сёнас. Сідзи и эм – кыдз пу улö вунöдсöма. А орчöн нöшта некымын вöсныыдик кыдз, быттьö öти кокыс петöмайс. Водзджыксö найöс мыйлакö быттьö эг и казявлы. Та бöрын сэсся унаусь волывлi на дiно. Весиг мыйкö сыланкыv сяма чужис вежöрын:

Кодыр сьöкыд мен овлывлö,
Кодкö сёрни ёрт ковлывлö,
Тайö кыдз дiнас и волывла,
Кыдзи чой дiнö вок.
Сыкёд видзöдча тыясö,
Кывза вöр-валысь шыяссö,
Ставыс лов вылын шылясö,
Вунö абутöм шог.

...Неважён бара на волiм Вой сёñö, вутшкаинсö ытшкышталiм. А зэв и бур сэнi туруныс – посни, коръя турун. Вот и öвтыштiм. Мудзим сэсся. Вутшъяс костысь сöстом васö юим да петiм веретя вылас.

Но тайö пöрйö Вой сёныд нöшта на чуймöдiс миянöс!

Луныс жар сэтшом – гымавны кöсийсöб, пöжёмён пöжö. Мöдöдчим сёñ кузяты пöлённыс, и друг – видзöда и синлы ог эски. Ты пасьталавыс черияс уялöны. Ваыс югыд, öдва тöдчыштысь лöзоват руа, и ставыс ылöдз тыдалö. А чериыс пöшти веркösас, бордъясыс сынöдтiыс мунöны. Сэтшом дышиника уйёны, бöжнас öдва легöдчöны. И оз повны нöйти, велалöмайс лöнь вöр-ва пытшкас тадзи овны. Сы мында чери! Быттьöкö кутшомкö вöтын...

Мыйыс тай, вöлём, оз овлы. Сöмын колö кужны виччысыны, велöдчыны кывзыны да казявны. Ветлöдлыны лöня: не торкавны, не повзьöдны. И унатор чуймöданаыс воссяс на тэ син водзын.

Алойгөрд дивö

Төвся югыд лун. Лёня пукалам ичотик классын, кывзам урок. Друг кодкё ыкюстіс... Ми, быттьё пышкай чукёр, ставён уськодчим кыка ёшинылань. И аддзим дивö!

Коль дедлон верстё пияныс ветлёмайс мёдлаполё турунла, и сточ пыртодісны турун доддя вёвсö ёшинь водз заворёдис. А кыз потшён зэлётём веж турун вылас... Жар-птицаоc ли мый кыськё кыйомаёс? Содзтыръя розъя пельсис, ыджысы-ыджыд вож, ставнас вайомаёс!

Зонъяс сувтодісны дивёсö ёшинь уланыс. Мичыс!

Кыськё пыр жё воисны жонъяс, быттьё вёрсянныс и вётчомаёс.

Перемена дырии ми став дас вит морта школаён гузьбётім ывлао да ётамёдёс панъяломён уськодчим розъя пельсис улас. А чоскыдыс! Шомаоват юмов. М-м-м!

...Мыыта кад коли сэкисянь, а онодз на ставыс син водзын. Төвся югыд лун... И – еджыд лым вылын алойгөрд дивö! Быттьё бабблён вышивайтём ки чышкодыс...

Лысва войт

Водз асыв. Тэрмасьёмён восълала Педёг ді веретя ывтві Важкуа вислань. Сынпийс асывнад сәні бура босьтö.

Веретя мышсö ытшкомаёс нин, турунсö топодомаёс сабриё, но ётава абу на чепёсйома, да зэв и кокни восълавны мольыд видз ывтвыс.

Друг мыйкё сэтшом дзирыд югнитліс, быттьё мусыс водзам воссыліс здук кежлö. Ме джёмді, сувті. Нином абу! Гёгёрвои ѡд – ётка лысва войт кольома асъя ру пыркалом бёрас, а ог аддзы сийёс. И бёрвыв косалі, и мышкыртчыл мү бердланыс. Абу некёні.

Тадж жё овлö – югнитлас күтшомкё мёвп... Быд ногыс сэсся песан вежортö, мёвпсö вылысис корсян... А сийё абу дай ставыс!

А овлö – видз пасъталыс дзирадалö лысва...

Гулюяс

(«Некымын серпас» циклыс)

Керка вевт дорышыс медводдза войтва виялігён дед-бабблён кильчö помын волі артмё ичотик гёп – тасыт ыджда кымын. Ёшинь пырыс кё видзодны – лун сёмөс шондыс сэтчö быттьё пуксылö.

Ваис шоналыштас, и вичко дорыссы кыпёдчасны гулюяс да гёп дорас воасны – тыр! И век ёти кадö. Йёткассыёны, дурёны челядь моз, кургёны. Кодкё на пысыс со нин и гёптас келома да кынём увсö кёттöдö, борднас шпорёдчö. Петас гёпсыс да ва кокнас пос вылас пасъяс колялö. А сы местай мёд нин келома.

Ми видзодам ёшинь пыр да сералам. Дед миян гаж выло петас пыді жырсыыс да тшёктас: «Ноко, кодкё калой иирк выло, шыдёссо падъянсыыс лэччёдой».

Кайлам гулюяс кодь чукёрён, гумовтам бекар тыр – и кильчö вылö... Но миянысь, шума зонпосниясь, гулюяс полісны: ми öд вёлі ог күжöй лёня сёрнитны ни ньёжмыда ветлыны. Пур-р-р! – лэбзыласны, кыпöдчыласны сынöдас. Но вылö оз лёбны, тёдёны, мый регыд петас морт.

Дед кёть и сьёкыда нин ветлöдліс, но татчö сїй петавліс öдйö да ачыс вёлі вердчö: «Гульё, гульё! Гу-у-ульё-гульё!» И лэбачьяс бёр пуксьёны. Вёрасыс и гёлосыс олёма мортылён наалы ладмö.

Локтасны да мёдасны кокавны шыдёссö бекарысь, öта-мёдныслы вежмён. Гёпторсыыс дэбалём васö юыштасны да бара. <...>

Зарни кытшъяс

– Ветлам Прёсътколасö вуграсыны, – вёзийис öти лунö Васька, – вавыс эськё ойдыштöма Важэжваас, но түвийёсина¹ вермас и шедны.

Кадыс вёлі лун шёр бёр, та понда тэрмасим. Солім мотоциклъяс вылö да мёс вётлан пурсысьöд бус лэптöмён тёвзим Вытевейлань. Тайё видз улас, шёрасмоз кымын, и эм тысысь петан вискыс – Прёсътколас.

Воим, чёйтім вугыръяс. Вёлі лёнь, чери сёйис бура. Кадысь кадё матыстывлім нидзув доз дорö да юасылім öта-мёдларь, кыздзи шедö?

– А, ёкышиян да сынпиян, – вочавидліс Васька.

Ме лэпталі жё.

Водзё вуграсим, сёмын местаяссö вежлавлім.

И друг... шонді пуксяндорыс видзöдлі ты вылö да чуйми: лёнь-лёнь. Ю веркёсис павкнитчома юғыдлöz рүён. Сындыс онялö ставнас. Чери гыбаломсыыс ты пасьталавыс быттьö ловзялёны кёнкё ва веркёсас чужысь зарни кытшъяс. Со öти кытш воссис, паськаліс-паськаліс и воши. А орчён мёд нин, коймёд. Унауна лои сэсся... И сэтшом кокныдöс. И кажитчö, быттьö ачыд качöдchan на вылын, лэбан кокныдика. Сэтшом лёссыд! И кажитчö, тадзсо коркё вёлі нин... Да öд тайё ичötдирсе вёт! Сэки тадзи жё лэбан, лэбан. И...

Шондіыс дзебсис кыр йыв вörтас сайö. Здук-мёд на эг вермы нинöм шуны ни вörзьöдчыны места выллысь. А сэсся быттьö садьми да юалі ёртлысь:

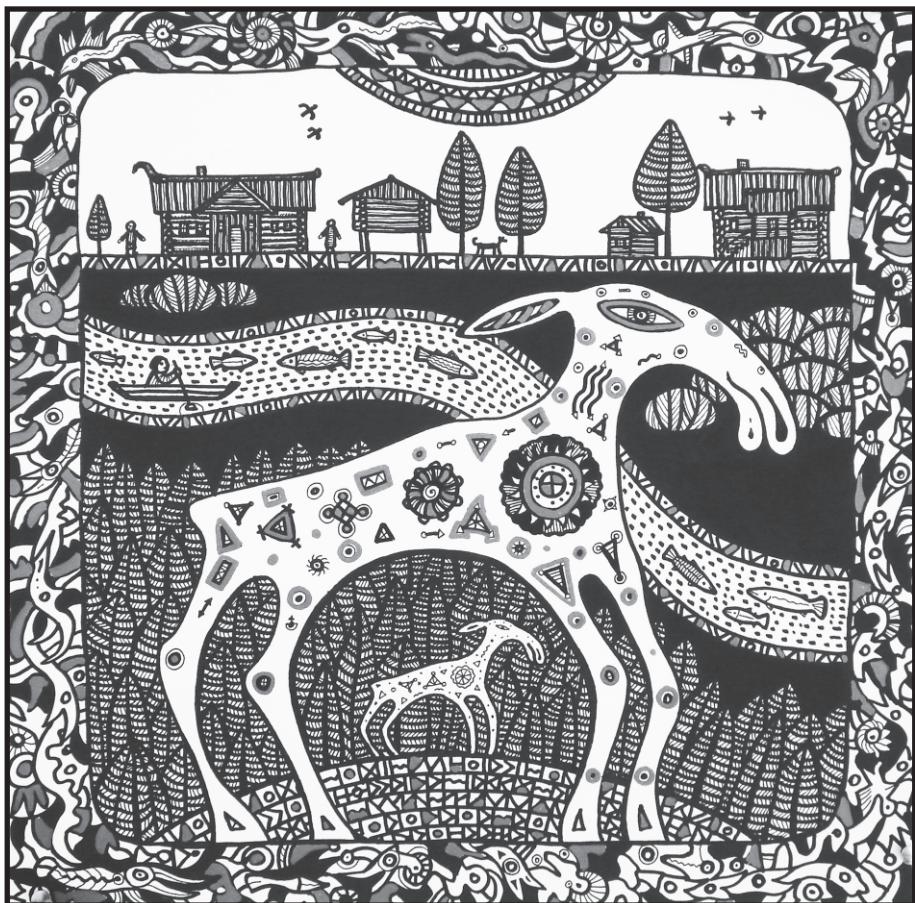
– Аддзылін?!

– Да-а-а, – нюжöдіс Васька, – бёт кё вётавлыны, чериаліс эськё...

¹ Түвийёсин – майёгён потшомин, чери кыйём вылö.

Усть-Вымь

Елена Козлова

Козлова Елена Васильевна чужис 1954-öд восья февраль 14-öд лунöд Емдïн районса Лыаты сиктын. Помаліс Коми пединститутысы филология факультет. Уджавлïс школаын, детсадыны, СССР-са Наукаяс академиялïн Коми филиалын, а 1982-öд восьянь — гижысъяслïн Котырын.

Медводдза гиждëяс йöздöдис 1978-öд воян. Сэтсиань петис уна небöг: «Лöз клянича» комиён да рочён, «Ме да Ивук вокöй», «Лым морт», «Гёгыля-вугыля» да с.в. Висьтъяссö Елена Козловалысь вуджöдлïсны роч, удмурт, мары, мордва, башкир кывъяс вылô.

Гижё медсясö посни челядьлы.

Уна во Елена Васильевна веськöдлö Коми гижысъ котырён.

Медся дона, медся муса ин

Неважён миян республикаын мунис челядьлы сиём Коми да Уралса гижысъяслïн фестиваль. Волисны Екатеринбург карысъ став Россия пасьта нималана гижысъяс: Ольга Колпакова, Светлана Лаврова, Олег Раин да поэт Вадим Осипов. Найё да миян республикаса гижысъяс аддзысълïм челядькöд карын, Эжваын, а сïдзжö петалïм кык районё. Тшётш и Емдïнö.

Емдïн сикт – коми мүйин нималана сикт. Сы йылысь быд морт кывлывлïс. Танi вежа Степан коркё лэптис медводдза вичко, тасянь коми му пасьта разалис-паськалïс Кристослы эскöм. Танi жё вöлi лöсöдöма медводдза анбур да вичко бердын восьтöма медводдза школа, кöнi том йöз велöдисны коми шыпасъяс, а сëссе гижалисны вичко небöгъяс. Дыр кад чöж Емдïн вöлi коми мүйин юркарён. Екатеринбургса гижысъяслы ставыс танi вöлi зэв интереснö: и музей, и ачыс сиктыс, но медсясö – коми керка, миян олланног. Ёна юасисны быдтор йывсъис, да тайё и гёгöрвоана, öд Ольга Колпакова да Светлана Лаврова гижёны челядьлы сэтшöм небöгъяс, кöнi сетöны содтöд тöдöмлунъяс. И сïйö, мый миянлы, торйон нин сиктын быдмöмаяслы, унатор тöдса, налы лои выльторйон. Районса культураын уджалысъяс став съёлёмсö пунктисны, мед бура петкöдлыны важ сиктлëсъ историясö. Меным ставсыс таысъ вöлi торъя нимкодь, öд ме, позьö шуны, волi горто, ас районё. Танi меным век кыпыйд: и ловлы, и съёлёмлы. Но торъя нин, кор бокысъ воём войтыр тшётш тэköдьыд нимкодясъёны чужан мулён мичлуннас...

Сïдзжö Урал из сайё нуисны гösctyяс Владимир Тиминлëс «Эжва Перымса зонка» небöгсö. Öд сэнi сёрниыс тшётш мунё Емдïн йылысь, воддза юкёнас автöрыс петкöдлö, кызды олисны емдïнса витсёись унджык во сайын. Эмёсъ и мукöд литературной гиждëяс, кöнi петкöдчö сïйö исторической кадколастыс, кор Емдïнин

мунісны гырысь вежсьёмъяс. Кёнкё мырдён, венён-тышён, а кёнкё и лада сёрниён Степан вермис пыртны комиясöс Кристос вераö. Вежсис енлы эскöмыс, а сидзкё и, коми мортлён мирсо гёгёрвоöмыс, донъялöмыс. Казьтыштам Геннадий Юшковлых «Бива» романсö. Бияр локтö коми муё да медводз сатшкё пыж нырсо Емва берегö, петö Пама дорö, мед сёрнитны-висьтасьны, мыйся туй выв морт воис, кутшом могён, мёвпöн. Овмöдчö сïйö Эжва катыдö, но став олöмыс гарчтö Емдïн гёгёр. Романыс сы йылысь, кутшом сьёкыда мунісны морт вежöрын татшом джуджыд вежсьёмъясыс.

Ме чайтöм серти, тайё нималана сиктыс уна творческой мортöс на ас дорас кыскылас, и быдöнлы сюрас мыйкё выльтор, мый позяс восьтны мукöдлы.

1980-öд воян ме волi татчö, Емдïнас, фольклорной экспедициякёд, сёрнитi олёмаджык йёзкёд, юаси налён талунъя олём-вылём йылысь, юаси важ олём йылысь, Степан Пермский йылысь. Йïджыд предание гижны меным ээ удайтчы, но мыйсюрö тёдмалi. Кыдзи Степан Пермский кералёма комияслысь вежа кыдзсö, а сы местаö лэптöма вичко, и кор вичкоыс сотчöма, йёзыс корсялöмайс да новлöмайс гортаныс вичкоувса сисьмём нин мыйрыслысь торпыригъяссö, кыдзи Степан локтöм бёрын Емва вожысь воласны нелямын гёгёр айуловыс, мед вётлыны коми мусыс Степанöс, но Емдïнö вотöдзныс найё синтöммасны, кыдзи ковмас кевмысъны Степанлы, мед бёр мёдасны аддзыны. Тайёс, да уна мукöдтор, мый меным висьтавлисны йёзыс, гижалi, онi сïйö ставыс Коми наука шöринлён архивын.

Екатеринбургса гижысъяскёд тшöти миянöс нүöдлісны «Шуда лэбач» памятник дорö. Тайё аслыссяма пассо вöральсъяслён календар серти вöчёма скульптор Владимир Рохин, сувтöдомаёс сïйöс сиктыслы 600 во тыригкежлас. Тайё аслыссиcas «лэбач» дорас и збыльысь асътö кылан кыпьыда, лов вылад лоё кокни да лёссыд.

Татшом жё кыпьылун ме кыла, кор волывла Айкинаö (важ ногён кё, Айкатаылаö) да петала джуджыд кыркötш йылас. Сьёлёмой ыркмуналö син водзын воссёбм мичлунсыс: уна ваа да ота Эжва юным, мёдлапöвса паськыд ойдлана видзъясыс, енэжтасöдз лёзалысь парманым... Кёni да мый вермас лоны таыс мичаджыкыс?

Ёна мича инъясö пуксылöмайс миян поль-пöчъясным. Кужлöмайс, майбыр, бöрийнысö, лолыдлы нимкодь.

Емдïн гёра, Айкина гёра, От гёра – тайё и эм менам чужанiнöй. А стöчджыка кё, От гёра вылын, сïдз жё джуджыд кыркötшын, мичаинын, Эжва ю дорын Лыаты сикт.

Мый сïйö быд мортлы чужанiныс? Мыйла сïйö век медся дона да муса ин?

Дерт, сы вöсна, мый коркё ичötдырииыд аслад мам-батькёд тэ сэнi вölин медся шуда. И кымын дырджык олан му вылас да унджык аддзылан, сымын тэнисд пыр донаджык и донаджык аслад чужан сиктыд, ас сиктса войтырыд, аймам керкаыд да гортдорса кыдз пуыд.

Павел Лимеров

Павел Фёдорович Лимеров, ведущий научный сотрудник сектора фольклора ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Автор более 120 научных работ, в том числе учебного пособия «Коми несказочная проза» (1998); монографий «Мифология загробного мира» (1998), «Образ св. Стефана Пермского в письменной традиции и в фольклоре народа коми» (2008), сборника фольклорных текстов «Му пуксьём – Сотворение мира» (2005).

Пермские епископы и тема христианизации коми в вычегодско-вымских литературных памятниках

Основными источниками исторических сведений о христианизации коми, а также о деятельности Стефана Пермского и других устьвымских епископов являются литературные памятники разных эпох: прежде всего, это его *Житие*,¹ написанное в конце XIV века иноком Троице-Сергиева монастыря Епифанием Премудрым, *«Повесть о Стефане Пермском»*,² *«Сказание о пермских епископах и Чудеса великих чудотворцев епископов пермских Герасима, Питирима, Ионы, иже мощи их лежат на Усть-Выми в своей епископье»*,³ а также *«Вычегодско-Вымская летопись»*, составленная в XVI – нач. XVII вв. устьвымскими монахами Мисаилом и Евтихием.⁴ Обращаясь к этим произведениям, важно помнить, что события христианизации коми изложены в них с точки зрения критериев того жанра, к которому эти произведения принадлежат. Так, *Житие Стефана, Повесть*

¹ Епифаний Премудрый. Преподобного в священноиноках отца нашего Епифания Слово о житии и учении святого отца нашего Стефана, бывшего в Перми епископом // Святитель Стефан Пермский / Ред. Г. М. Прохоров. СПб., 1995. – С. 180. В дальнейшем *Житие*.

² Повесть о Стефане Пермском // История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы / Отв. ред. А. Н. Власов. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского государственного университета. 1996. С. 61–70. (В дальнейшем Повесть цитируется по этому изданию).

³ Сказание о пермских епископах и Чудеса великих чудотворцев епископов пермских Герасима, Питирима, Ионы, иже мощи их лежат на Усть-Выми в своей епископье // История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы / Отв. ред. А. Н. Власов. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского государственного университета. 1996. – С. 70–91. (В дальнейшем Сказание цитируется по этому изданию).

⁴ Документы по истории Коми (Публ. П. Г. Доронина) // Историко-филологический сборник. – Сыктывкар, 1958. Вып. 4. – С. 261. (Далее в тексте – *Летопись*).

и Сказание принадлежат к жанру жития, соответственно, христианизация рассматривается в них сквозь призму религиозного подвига Стефана Пермского. При этом, в Житии и в Повести описаны две абсолютно разные версии крещения Вычегодской Перми. Если в сочинении Епифания Премудрого даётся обоснование концепции равноапостольного подвига Стефана Пермского, то автор Повести раскрывает деятельность Стефана, как подвиг чудотворения. Это не равнозначные концепции: Епифаний намеренно избегает упоминания о каких бы то ни было чудесах, главное чудо в том, что Бог не забыл пермян и послал к ним апостола – Стефана, ради их спасения; в Повести акценты ставятся именно на чудесах – Стефан ослепляет напавших язычников, кормит тысячу человек тремя хлебами, рубит чудовищную берёзу. Летопись рассматривает события христианизации в историческом аспекте, однако, летописная стилистика не позволяет включить в содержание статей многие фактические подробности, присутствующие в житийных произведениях. Таким образом, сведения, о которых идёт речь в этих произведениях, достаточно противоречивы, и если составить по ним единую, общую картину христианизации Вычегодской Перми, следует примириться с тем, что эта картина будет содержать не только историческую фактографию, но и фантастические – с точки зрения современного читателя – эпизоды. Сознательно отказываясь от исторических или житийных предпочтений, в рамках статьи мы не будем рассматривать тему христианизации в традиционном хронологическом порядке, предпочитая литературоведческий подход, когда исследуемая тема раскрывается по мере выявления общей концепции самого произведения.

Со дня своего учреждения Стефаном Пермским Пермская епархия с епископией в Усть-Выми просуществовала без малого 185 лет, пока в 1564 году кафедра епископа не была окончательно переведена в Вологду. XV век был знаменателен в русской истории как эпоха борьбы за окончательное освобождение от татарского ига и эпоха феодальных войн, в ходе которых Москва утверждается как центр нового объединённого русского государства, преемника древнего Киева. Войны не обошли стороной и Пермь, и вычегодские ратники воюют на стороне Москвы в составе ополчений устюжан против двинян и новгородцев, а вятчане, поддерживающие Дмитрия Шемяку, грабят сысольские, вымские и вычегодские погосты и храмы, кроме того, над Пермью висит постоянная угроза нападения со стороны язычников-вогуличей. В этих условиях пермские епископы продолжали вести начатое Стефаном Пермским дело по обращению язычников в христианскую веру. В 1444 году епископ Питирим крестил население Удоры (бассейн р.Вашки), построив здесь первые храмы и поставив священников, а в 1455 году, после неудачной попытки крещения Великой Перми (Чердынь), был убит язычниками-вогулами.¹ Миссию Питирима продолжил следующий епископ – Иона, крестивший Великую Пермь в 1462 году. Известны некоторые политические акции пермских владык, так, епископ Питирим, вместе с другими церковными иерархами, составляет увещевательное послание Дмитрию Шемяке, причём, есть основания считать автором этого послания самого Питирима.² Из Вычегодско-Вымской летописи также известно, что Дмитрий Шемяка пытал взятого в плен Питирима, понуждая его

¹ Документы по истории Коми (Публ. П. Г. Доронина) // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. – С. 261. (Далее в тексте – Летопись).

² Буланин Д. М. Питирим // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая пол. XIV – XVI вв. Часть 2. Л.: Наука. 1989. – С. 193.

отказаться от церковного проклятия, «а владыка не убоился тово Шемяки, проклятое слово не взял».¹ Владыка Филофей, в свою очередь, принимал активное участие в мирных переговорах с вогульскими князьями.

Однако в целом о пермских епископах сохранилось довольно мало сведений. Вычегодско-Вымская летопись скромно сообщает даты поставления и смерти очередного епископа, несколько больше освещены разве что жизнь и деятельность Питирима и Филофея. Между тем, тот же епископ Питирим был известен как образованный человек, владевший греческим языком. До своего поставления на Усть-Вымскую епископскую кафедру, будучи архимандритом Чудова монастыря он составил Житие св. Алексия, Митрополита Московского, которое легло в основу более позднего Жития митрополита Алексия, составленного Пафомием Логофетом. Питирим является автором службы на обретение мощей митрополита Алексея, которая читается в минаеях под 20 мая, а также службы на память митрополита Алексея (12 февраля). Епископу Питириму приписывается и одна из поздних редакций «Повести о Петре и Февронии».²

По мнению современных исследователей Б. Н. Морозова и А. Н. Власова наибольшее развитие книжная культура Усть-Выми получила при епископе Филофеи Пермском.³ При его дворе был создан летописный свод, материалы которого легли в основу второй и третьей редакции Вологодско-Пермской летописи.⁴ В последнее время выявлены два исторических сборника XV–XVI вв., своим происхождением связанные с двором епископа Филофея. Как отмечает А. Н. Власов, в состав этих сборников входят такие важные для всей древнерусской книжной культуры тексты, как древнейший вариант «Жития Стефана Пермского», списки сочинений против новгородских еретиков, фрагмент Хождения Афанасия Никитина, летописные материалы, часть «Сказания о человекех незнаемых» и др. Надо добавить, что книжная деятельность дьяка Гавриила, известного как перепесчика сочинений Григория Синайта, а также его сына, Васюка (Кылдашева), «сына Гаврилова» – перепесчика Номоканона (1510 г.) – также приходится на период правления епархией владыки Филофея. С именем Филофея связано, по-видимому, начало местного, Усть-Вымского, почитания Стефана Пермского.⁵ Как известно, мощи Стефана в то время лежали под спудом в великонижегородской усыпальнице в Москве, и есть основания полагать, что в XV веке Стефан почитался как местный «московский» святой.⁶ Однако Пермь была территорией, на которой совершались религиозные подвиги Стефана, а молодой Пермской епархии было важно иметь «своего» предстоятеля, имя которого признавалось бы и «на Моск-

¹ Документы... 1958. – С. 261.

² Буланин Д. М. Указ. соч. – С. 194.

³ Власов А. Н. Миссия Русской православной Церкви в Пермском крае // История Пермской епархии в памятниках письменности и устной прозы / Отв. ред. А. Н. Власов. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского государственного университета. 1996. – С. 11.

⁴ Лурье Я. С. Летопись Вологодско-Пермская // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая пол. XIV – XVI вв. Часть 2. – Л.: Наука. 1989. – С. 38.

⁵ Власов А. Н. Указ. соч. 1996. – С. 11.

⁶ Епифаний в Житии первым называет Стефана «святым отцом», есть также сведения о том, он пишет и первый образ Стефана. В целом именование Стефана Пермского *святым* встречается и в месяцесловах XV века, а высокие церковные иерархи того времени не сомневаются в его статусе святого. Так, преемник Киприана на митрополичьей кафедре Фотий (1409–1431 гг.) в «Слове об исхождении Святого Духа» называет его «человеком Божиим и великим Святителем», а митрополит Симон (1496–1511 гг.) в послании в Великую Пермь князю Матвею Михайловичу упоминает Стефана в числе наиболее выдающихся предстоятелей Русской церкви:

ве». Поэтому в 1473 году владыка Филофей заказывает службу Стефану Пермскому известному книжнику Пахомию Сербу (Логофету). Помимо Службы и краткого Жития Пахомий составляет и два канона Стефану Пермскому.¹ Свидетельством интереса Филофея к личности Стефана Пермского является и епископский посох, на котором по заказу владыки были вырезаны сцены деяний святого. Как признаёт А. В. Чернецов, большая часть сюжетов этих сцен не находит соответствий в Житии Стефана Пермского Епифания.² Это значит, что в Пермской епархии во время Филофея уже собирались (или были собраны) сведения о жизни святителя, которые, в основном, не сохранились до сегодняшнего дня, но возможно, частично вошли в состав поздней Повести о Стефане Пермском и Вычегодско-Вымской летописи.

Полное название Повести – «Месяца апрелия в 26 день иже во святых отца нашего Стефана епископа пермского чудотворца и о приходе его из Руси в Пермскую страну на Устьвым и о устроении места и о низложении идолопоклонной веры и о сокрушении кумирницы».³ Повесть составлена на основе раннего текста житийной биографии Стефана. На это указывают параллели между эпизодом об ослеплении напавших на Стефана язычников и строительством церкви Благовещения Богородицы Повести и рассказом из летописной статьи Вычегодско-Вымской летописи (XVI в.) за 1380 (7888) год,⁴ причём летописный текст имеет следы вторичности по отношению к данному эпизоду Повести.⁵ Исследователь Летописи Б. Н. Флоря отмечает, что в начале XV века сюжет летописного рассказа не был известен, во всяком случае, Епифаний не знал этого текста, исследователь считает, что этот сюжет представлял собой местную пермскую легенду.⁶ Это значит, что Повесть была составлена в период между серединой XV века и серединой XVI века и, скорее всего, в период управления епархией владыки Филофея. В качестве сюжетной основы Повести были выбраны два наиболее ярких эпизода деятельности Стефана – обустройство места для владычного городка с мотивом ослепления язычников и разрушение главной кумирницы язычников с мотивом рубки священной берёзы, имевшие хождение в устной традиции.

Сюжет Повести композиционно делится на две части: в первой части рассказывается о ранних годах биографии святителя, о его учении и решении идти в Пермскую страну «люди научити и привести в богоразумие и во святое крещение» (Повесть, 1996. С. 62). Эта часть представляет собой краткое изложение соответствующего сюжетного отрывка из Жития Епифания. Она служит введением к основной, второй части Повести. Вторая часть является самостоятельным

¹ «Петра и Алексия (Московских), и Леонтия (Ростовского), и Стефана епископа Пермского, и Сергия (Радонежского), и Кирилла (Белозерского), и Варлаама (Хутынского) молитва да будет с вами» (Лыткин Г. С. Указ. соч. 1889. – С. 13).

² Прохоров Г. М. Пахомий Серб // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая пол. XIV–XVI вв. Часть 2. – Л.: Наука. 1989. – С. 168.

³ См. об этом: Чернецов А. В. Порох Стефана Пермского // Труды отдела древнерусской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. – Л., 1988. Т. 41. – С. 38–39.

⁴ Повесть... 1996. – С. 61–70.

⁵ Документы... 1958. – С. 258–259.

⁶ Власов А. Н. Указ. соч. 1996. – С. 23.

⁶ Флоря Б. Н. Коми – Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. – М.: «Наука», 1967. – С. 226. С ним солидарен А. Н. Власов, по мнению которого «источниками основных сюжетных мотивов (Повести) стали устные рассказы о святом, которые и составляют так называемое «местное церковное предание». Власов А. Н. Указ. соч. 1996. – С. 23–24.

повествованием о двух подвигах святого. Первый подвиг совершается святым спустя короткое время после его прибытия в Усть-Вымь. Стефан строит келью неподалёку от кумирницы, куда приходили пермяне для своих языческих треб. Первые попытки отвратить приходящих к кумирнице пермян от «прелести идолъской» не приносят успеха, но со временем ему удаётся окрестить «яко и до десяти мужей». Это вызывает всеобщее негодование, и усть-вымские пермяне извещают о Стефане своих соплеменников на Вишере и в Княжпогoste, где жил старейшина пермян Пансотник. Последний собрал до тысячи воинов, и они на ладьях прибывают к Усть-Выми. Далее следует нападение пермян, вооружённых луками и копьями на келью Стефана, чтобы «келию разбитии и святого отгонити или смерти придати». Но, после молитвы святого, «вси во един час ослепоша и неможаху видети един другого, кто и где бе». Тогда ослепшие «пермяне идолопоклонницы» во главе с Пансотником молят святого о возвращении им зрения. Святой возвращает им зрение, но взамен требует расчистить от леса гору, на которой находится его келья. Прозревшие пермяне с радостью расчищают гору, но по прошествии трёх дней начинают требовать со Стефана плату за работу, угрожая, в противном случае, его жизни. И снова после молитвы святого они слепнут. Чудо ослепления нападающих язычников происходит четырежды, трижды прозревшие пермяне выполняют различные виды работ по устройству места вокруг кельи святого, после третьего же ослепления, прозрев, они насыпают гору напротив своей главной кумирницы, а Стефан чудесным образом кормит тысячу людей тремя рыбами и тремя хлебами. После четвёртого ослепления пермяне, наконец, прозревают не «токмо очима, но и сердечною мыслию» и принимают крещение. На той же горе, которую воздвигли язычники, Стефан строит церковь Благовещения Богородицы.

В плане повествования главным, сюжетообразующим мотивом первого эпизода является чудо о наказании слепотой нападающих язычников, усиленное четырёхкратным повторением, причём вслед за мотивом наказания пермян слепотой с необходимостью следует мотив их духовного прозрения и воздвижения ими церкви Благовещения. Поскольку сам Стефан является проводником Божьей воли, то композиционно чуду ослепления предшествует мотив обращения Стефана за помощью к Богу. В ряду чудес святого надо считать и усмирение напавших на него язычников. Слепота как бы способствует усмирению толпы, и она чудесным образом выполняет в короткий срок труднейшие работы. Причём сама толпа не видит чудес, совершаемых Стефаном, пока не прозревает духовно. Язычники рубят лес, копают рвы и, между прочим, воздвигают гору под будущий храм Благовещения Богородицы. Необходимость воздвижения горы вызвана тем, что главная кумирница язычников находится на возвышении напротив места, где проходит проповедь Стефана, так что новая церковь Благовещения Богородицы не может стоять ниже по уровню, чем языческий жертвенник.

Поэтому следующим шагом Стефана становится разрушение кумирницы, оказавшейся теперь прямо напротив выстроенной церкви Благовещения. Эта кумирница с гигантской («яко трем человекам едва обнять») «прокудливой» берёзой, увешанной звериными шкурами, очевидно была священным местом не только для местного усть-вымского клана, но и для всех пермян, приезжавших сюда совершать общезначимые для всего народа моления. Величина берёзы, равно как и многочисленность жертвенных ритуалов, происходивших возле неё, являются

свидетельством могущества и вековой незыблемости пермского язычества. В этом смысле, разрушение кумирницы в очередной раз показало бы и крещёным и некрещёным пермянам силу христианского Бога. Заручившись божественной помощью, Стефан рубит берёзу, при этом, слыша вопли различных голосов духов, видимо, обитавших в берёзе, само дерево истекает кровью синего и зелёного цвета. Рубка продолжается три дня, и каждый раз, Стефан утром обнаруживает заросший за ночь ствол. Таким образом, рубка берёзы становится как бы единоборством высших сил, стоящих как за Стефаном, так и за берёзой, и в этом единоборстве сила христианского Бога оказывается выше. Падение берёзы «с воплем и многим кричанием и вихром, яко и земли потрястися и водам близу места того всколебатися» показывает космические масштабы происшедшего и символизирует низвержение всей языческой веры. Сам Пансотник, вместе с другими, не принявшими веру пермянами уходит из этих мест, однако угроза нападения язычников, видимо, остаётся. Не случайно на месте берёзы Стефан воздвигает церковь во имя архистратигов Михаила и Гавриила и прочих Небесных сил, как бы призываая эти силы на стражу молодого христианства в этом kraе.

«Сказание о пермских епископах» невелико по объёму и состоит из трёх частей. Первая часть называется «Изъявление о начале Пермской епископии, еже быша на Усть-Выми епископии» и содержит краткие сведения о первых четырёх пермских епископах: Стефане, Исакие, Герасиме и Питириме. Сведения о Стефане взяты из его Жития, в статьях о епископах отсутствуют даты и поставлений и смерти, о Исакие нет никаких сведений вообще, о Герасиме сообщается, что он был удушен своими слугами на лугу вблизи Усть-Вымского городка 24 января и погребён в епископии. О Питириме сообщается только, что он был «умучен» вогуличами-вятчанами в месте, называемом Мыс, и что его тело в течение 40 дней лежало нетленным, а после было погребено по левую сторону от мощей Герасима. Вторая часть текста выделена в отдельное повествование и называется «О кончине святаго Питирима епископа Усть-Вымского чудотворца». Повествовательный сюжет представляет собой рассказ о мученической смерти четвёртого епископа и состоит из трёх основных моментов: подготовка «поганых» вогулич-вятчан к убийству, мученическая смерть Питирима, конечный апофеоз святости. Вогулы-язычники, пришедшие с Вятки, обманом выведывают о планах епископа выйти из стен городка со своими служителями на место, называемое Мыс. Под прикрытием нарубленных еловых лесин, они подплывают к этому месту. Окружение епископа не понимает, почему плывут по реке деревья, в то время как Питирим видит в этом предзнаменование своей смерти во имя Господа. Он отсылает своих людей под защиту стен городка, а сам остается на берегу и предаёт себя «безбожным вогуличам» на добровольные муки. Агиограф отмечает день мученической смерти св. Питирима – 19 августа. Тело епископа лежит на месте убийства 40 дней и остается нетленным, пока весть об убийстве не достигает Москвы. После погребения по левую сторону от мощей Герасима, мощи Питирима продолжают творить «различные чудеса». В литературном отношении рассказ о смерти Питирима является наиболее художественно выдержаным текстом в рамках «Сказания». Построение предложений, фраз, умелое использование метафор, эпитетов, сочетаний именных форм (ср.: «злое злых вогулич вятчан злохитство») указывают на определённый уровень повествовательной техники. Сосредоточенность сюжета на эпизоде мученической кончины епископа позволяет исследователям

отнести текст к жанру макиатий,¹ что касается исторической достоверности самого текста, то она вызывает сомнения, поскольку имеются существенные расхождения с летописной версией кончины Питирима. В статье за 1455 год (лето 6963) Вычегодско-Вымской летописи говорится, что епископ Питирим возвращался из миссионерской поездки на Великую Пермь и был убит вогулами, «всевавшими» в Чердынь «в месте, зовомый Кафедраил на реке Помосе».² События, описанные в «Сказании», происходят «в пяти поприщах» от владычного городка Усть-Выми, в месте, под названием Мыс, куда владыка выходит «со своими служителями и домочадцами» после совершения литургии. Географически Кафедраил на р. Помос (как и с. Мыс – совр. с. Мыелдино) находится в верховьях реки Вычегда на волоковом пути из Великой Перми (Чердыни) в Вычегодскую Пермь (Усть-Вымь) на расстоянии 170 километров от Усть-Выми, а не «в пяти поприщах» (5000 шагов). Очевидно, агиографу не были известны летописные источники, и он использовал некие устные сведения, входящие в круг церковных преданий. То, что агиограф плохо ориентируется в топографии окрестностей Усть-Выми, указывает на не местное и позднее происхождение этого текста.

Третья часть «Сказания» содержит сведения о епископе Ионе, точнее, о дне его кончины: «Преставися Иона епископ Усть-Вымский чудотворец в лето 6979 году июня в 6 день», а также о месте его погребения: «близ мощей святых в церкви по левую страну Герасима и Питирима епископов Усть-Вымских чудотворцев». Здесь же излагаются сведения о днях празднования Усть-Вымских чудотворцев, даётся перечень последующих за Ионой епископов Усть-Вымских вплоть до Иоасафа, при котором епископия была переведена из Усть-Выми в Вологду. Заканчивается «Сказание» сообщением о том, что «лета 7115» (1607 г.) по велению архиепископа Вологодского и Великопермского Иоасафа был написан образ чудотворцев Герасима, Питирима и Ионы и положен на их гробнице. Эта дата соответствует дате всецерковной канонизации Усть-Вымских чудотворцев (1607 г.). Датировка «Сказания» затруднена. Есть основания полагать существование ранних житийных списков XVII века, на основании которых и была возможна их канонизация. Однако в начале XVIII века об этих списках уже не было известно. Об этом свидетельствует датированная 1717 годом челобитная усть-вымского священника Евтихия арихиерейскому дьяку Спиридону Степановичу в Вологду об изыскании сведений об усть-вымских епископах и чудотворцах, поскольку в Усть-Выми о них нет никаких письменных свидетельств.³ Было бы логично предположить, что «Сказание» было составлено в ответ на эту челобитную, в Вологде, при этом автор использовал некие устные церковные предания, не опираясь на сведения летописей. В 1745 году комиссия, проводившая освидетельствование мощей пермских епископов, не обнаружила письменных свидетельств об их деятельности и чудесах. На этом основании А. Н. Власов датирует создание «Повести» и «Сказания о пермских епископах» временем, не ранее 1745 года,⁴ хотя и не исключает существования более ранних списков. Можно признать вполне допустимой датировку Сказания, относительно Повести следует отметить, что текстовые совпадения фрагментов Повести и Летописи художествен-

¹ Власов А. Н. Указ. соч. 1996. – С. 26.

² Документы... 1958. – С. 258–259.

³ Власов А. Н. Указ. соч. 1996. – С. 21.

⁴ Власов А. Н. Указ. соч. 1996. – С. 28.

но обусловлены, и это как раз свидетельствуют о знакомстве автора Летописи с неким ранним списком Повести, известным в XVI веке.

Вычегодско-Вымская летопись (далее – Летопись) была опубликована в «Историко-филологическом сборнике» Коми филиала АН СССР в 1958 году П. Г. Дорониным.¹ Как указывает публикатор, Летопись была переписана им в 1927 году из рукописной книги, называвшейся «Старинная летопись устьвымской Архангельской и Благовещенской церкви и царские грамоты», и хранившейся в Усть-Вымской Благовещенской церкви. В конце рукописи была сделана приписка переписчика, вологодского семинариста, А. Шергина о том, что он снял копии с «подлинных» по просьбе священника Оквадской Введенской церкви Андроника Туисова, а подлинники отоспал по указу епископа Евгения Вологодского в арихиерейский дом в Вологду.² Дальнейшая судьба оригинальной рукописи неизвестна, что касается списка XIX века, то он, видимо, был уничтожен в 1930-е гг., когда Благовещенская церковь была передана в ведение управления лагерей.

Вычегодско-Вымская Летопись представляет собой уникальный исторический документ, в состав которого входят сведения, малоизвестные другим источникам или неизвестные вовсе, особенно, когда это касается освещения местной истории. Вместе с тем, это памятник литературы Вычегодской Перми, эпическое повествование, тема которого определяется самим летописцем Мисаилом, как «о деяниях на Перме происшедшие от времян созвижения града Устюга Великова да от времян пришествия с Руси святою Стефана от поганства идолопоклонная ко святым вере пермские люди приведоша». Началом пермской истории летописец полагает две даты: основание города Устюга на пограничных с Вычегодской Пермью землях и крещение пермян святым Стефаном Пермским. В исторической перспективе обе даты разведены во времени более чем на двести лет: самая первая запись Летописи касается основания Великим князем Всеволодом в 1178 (6636) году «града Гледени» в устье Юга, во второй записи за 1212 год говорится об основании ростовским князем Константином Всеволодовичем собственно города Устюга «за четыре стадии от Гледены»; в то же время крещение первых пермян Стефаном датируется 1379 (7887) годом. Однако между датами, по мысли летописца, существует причинно-следственная связь, обусловленная образом Стефана, который «из града тово Устюга Великия... пермские людие просветил святым крещением». Следуя ретроспективной логике инока Мисаила, жившего в XVI веке, основание в конце XII в. г. Устюга на пермском пограничье, а возможно, и непосредственно на земле Перми, явилось рождением нового политического пространства, вовлекавшее в орбиту русской истории и другие территории «полунощной страны». Показательно, что Мисайл, используя другие летописи, не стал повторять вслед за ними всеобщие сведения о мировой и русской истории, включившие бы пермские события во всемирный исторический процесс, для него важно было обозначить начальной точкой отсчёта истории Перми именно основание Гледена (Устюга), как бы указывая, во-первых, на то, что с этого времени история Перми является частью общерусской истории, а, во-вторых, этим давая обоснование территориальной закреплённости Перми за ростово-устюжскими, а затем и московскими великими князьями, дезавуируя территориальные притязания Новгорода. Как верно замечает Б. Н. Флоря, к концу XVI века соперничество Москвы

¹ Документы... 1958. – С. 241–271. (Далее Летопись цитируется по этому изданию).

² Документы... 1958. – С. 271.

и Новгорода действительно уже отошло в прошлое (Флоря, 1967. С. 233),¹ но для летописца, который пишет рассказ о «действиях на Перме», крайне важно обозначить историческую справедливость деятельности Устюга и Москвы на пермских землях. Поэтому погодные записи за 1178 (6636), 1212, 1333 (6841), 1364 (6872), 1367 (6875) – фактически выполняют эту задачу. В них говорится о том, как в 1333 году великий князь Иван Данилович отобрал пермские дани у устюгцев и новгородцев, в 1364 году великий князь Дмитрий Иванович «взял» Ростов и Устюг у князя Константина, а также и «пермские мести устюгские», в 1367 году Дмитрий Иванович «заратился на Ноугород, а ноугордцы смирилися», вслед за этим по мирному соглашению князь Дмитрий забрал Печору, Мезень, Кегролу, а «люди пермские за князя Дмитрия крест целовали, а ноугордцам не норовили». Таким образом, эта группа записей имеет косвенное отношение к пермской истории, и служит к ней вводной частью, как бы объясняющей, почему и последующая, духовная миссия православной церкви пришла на Пермь через Москву и Устюг, а не через Новгород.

Собственно движение истории Перми начинается с записи за 1379 (6887) год, в которой сообщается о приходе на Пермскую землю иеромонаха Стефана «по прозванию Храп, благословением епископа Герасима». Погодные статьи с 1379 (6887) по 1396 (6904) представляют собой летописное повествование о событиях крещения Пермской земли. В основе его сюжета лежит рассказ о жизни и деятельности Стефана Пермского, составленный летописцем по данным их различных источников. Б. Н. Флоря обнаружил в этом тексте ряд дословных совпадений с Житием св. Стефана Пермского Епифания Премудрого,² однако главное место в нём занимает рассказ о строительстве владычного городка, имеющий, по мнению исследователя, «местное происхождение».³ Выше отмечалось, что по содержанию данный рассказ совпадает с сюжетом одного из основных эпизодов Повести,⁴ кроме того, в тексте использованы оригинальные исторические сведения, отсутствующие в других летописных сводах.

Сюжет летописного рассказа о Стефане начинается с сообщения о его приходе в Пермскую землю в 1379 году и крещении им нижневычегодских пермян «на Пыросе и на Виляде». В 1380 (6888) году Стефан приходит в Усть-Вымь и строит здесь келью и молитвенный дом вблизи языческой кумирницы. Далее в повествовании следует данный сокращениями фрагмент Повести о нападении на Стефана тысячи вооружённых пермян-язычников во главе с Пан-сотником и наказании их слепотой. Пермяне прозревают и по указанию Стефана обустраивают место для будущего владычного городка. Эпизод с ослеплением повторяется дважды, а не четырежды, как в Повести, после чего большая часть язычников принимает крещение, а Пан-сотник с оставшимися верными ему язычниками «вшедше восвояси». В 1383 (6891) году Стефан идёт к митрополиту в Москву «для новокрещенных пермяки епископу просити». Митрополит Пимен с великим князем Дмитрием «сразсудив» поставили епископом на Пермскую землю самого Стефана. Текст этой статьи совпадает по содержанию с аналогичным

¹ Флоря Б.Н. Коми – Вымская летопись // Новое о прошлом нашей страны. – М.: «Наука», 1967. – С. 233.

² Там же. – С. 225–226.

³ Там же. – С. 226.

⁴ Власов А. Н. Указ. соч. 1996. – С. 19–21.

эпизодом из Жития, вплоть до включения дословной цитаты «князю великому наипаче зело поставление его, ибо знамо зело Стефана и любяще его издавна», тогда как в Летописи указана точная дата поставления Стефана, а в Житии о ней говорится «по Тохтамышевой рати».

В 1384 (6892) году Стефан возвращается из Москвы в Пермь и с благословения митрополита начинает строить здесь церкви и монастыри. Летописец сообщает, что за короткое время были построены два храма в Усть-Выми: большой соборный храм Благовещения Пресвятой Богородицы и монастырская церковь во имя архистратига Михаила, а также открыты монастыри в Вотче и в Яренском городке. Во вновь открытых церквях и монастырях Стефан «поставил игумены, и попы и дьяконы», видимо, рукоположенных уже им самим. После этого идёт сообщение «владыко-ж Стефан пермский азбука счинил, грамоту и книги с русских на пермский язык переложи», предполагающее, что в новых храмах служба велась по переведённым на пермский язык книгам. Судя по Летописи, именно после поставления Стефана епископом и получения им благословения и санкций от митрополита и великого князя начинается период наиболее активных действий по искоренению язычества в Перми. Далее говорится о разрушении Стефаном языческих кумирниц, на что был «зело разгневан... старый Пан-сотник», организовавший сопротивление Стефану. Однако сопротивление не приносит успеха, Пан-сотник «посрамлен бысть и изгнан из Пермские земли из роду из племени». Дополнительно сообщается, что те, кто не принял христианской веры, отошли на Удору и Пинегу «с жоны и детьми свои». По содержанию эта статья совпадает с некоторыми главами Жития, есть и прямые цитаты из него,¹ однако, не менее важна здесь переданная летописцем последовательность событий: возвращение из Москвы, открытие новых церквей и монастырей, рукоположение священнослужителей, службы на пермском языке, разрушение кумирниц и исход из Пермской земли Пан-сотника и некрещёных язычников. У Епифания говорится только о постройке церкви Благовещения, причём это событие, наряду с рукоположениями священнослужителей из числа пермян разрушением кумирниц, преинем с волхвом Памом – происходят до поставления Стефана в епископы. На довольно спорное место в Житии, где Стефан в сане пресвитера рукополагает в попы и дьяконы, обращали внимание уже первые его исследователи. Так, П. Д. Шестаков данный эпизод объясняет ошибкой переписчика, считая, что вместо слова «поставляше» было некое другое слово, но не приводит какое именно.² Возможно, что с точки зрения Епифания, это нарушение канонического права оправдывалось стремлением Стефана к скорейшему укреплению позиций новокрещёного пермского христианства во главе с национальной иерархией. По-видимому, летописец счёл нужным исправить «неточности» и скорректировать ряд событий «правильно» с его точки зрения, дополнив их местной конкретной информацией.

Статьи за 1385 (6893) и 1386 (6894) годы содержат важную информацию о взаимоотношениях Стефана с Новгородом. В 1385 году владыка новгородский в гневе на то, что митрополит Пимен благословил открытие епархии в Перми, посыпал дружинников её «воевать». Однако вызванное Стефаном устюжское войско разбивает новгородцев под Солдором (современный Сольвычегодск). В

¹ См. об этом: Флоря Б. Н. Указ. соч. 1967. – С. 225.

² См.: Шестаков П. Д. Св. Стефан, первосвятитель Пермский. – Казань, 1968. – С. 4.

следующем 1386 году Стефан едет в Новгород урегулировать конфликт, «поклонился владыке и боярам новгородским» и был отпущен «от Новгорода с милостию и дарами». Надо полагать, во время этой поездки Стефан написал для новгородского архиепископа «Поучение против стригольников». В 1389 (6897) году на Еренский городок было совершено нападение язычников-пермян с Удоры и Пинеги. «Идолопоклонницы» сожгли основанный Стефаном монастырь Пречистой Богородицы, который после этого уже не был восстановлен. В 1392 (6900) году на Усть-Вымь напали vogуличи, которых привёл Пан-сотник. Городок сумел выстоять, но vogулы разорили окрестные погосты. Узнав же, что идёт устюжский полк, vogулы «утекли вверх Вычегдою рекою». Это последнее письменно зафиксированное сообщение о Пане-сотнике, предводителе языческого сопротивления в Пермском крае. Что касается Стефана, то следующая запись за 1396 (6904) сообщает о его представлении в Москве. Таким образом, сведения из Жития, Повести, а также из летописных источников объединены в единую, композиционно выдержанную нарративную структуру, сюжет которой строится как жизнеописание Стефана Пермского, его деятельности по христианизации Пермской земли. Сюжет динамичен, его динамика обусловлена тем, что герой находится в постоянном движении. Из девяти статей о Стефане, шесть статей повествуют о его хождениях: сначала в Пермь, затем из Перми в Москву и обратно в Пермь, затем в Новгород, и даже смерть застаёт Стефана в пути, в Москве. Сюжетная завершённость жизнеописания Стефана позволяет говорить о предпринятой летописцем осознанной идеально-художественной организации исторического и агиографического материала, придающей летописному рассказу о Стефане Пермском характер эпического повествования.

Рассказ о Стефане и о крещении пермян (1379–1396) относится к первому, почти легендарному периоду истории Пермской земли. Его итогом является образование Пермской епархии с епархиальным центром в Усть-Выми. Историческое значение этого события заключается в том, что, начиная с этого периода, и почти на полтора столетия Пермская земля оказывается под культурно-религиозным влиянием и, в значительной части – административным управлением Усть-Вымской епископской кафедры. Второй период пермской истории охватывает период времени с записи о поставления на Усть-Вымскую епископскую кафедру Исакия в 1398 году до записи о 1564 году о переводе владыки Иоасафа Пермского «с Усть-Выми на Вологду». В центре внимания Летописи находятся сведения о пермских епископах. По мнению А. Н. Власова, композиционным центром летописного повествования следует считать записи о поставлении и представлении пермских епископов. Эти записи являются в Летописи «сквозными», «стержневыми», на них «нанизываются все остальные сообщения, представляя собой относительно самостоятельные исторические экскурсы».¹ Дело не только в том, что эти записи «проходят» сквозь весь текст повествования, здесь мы имеем дело с особой организацией летописного материала, когда исторические сведения соизмеряются датами жизни отдельных лиц, в данном случае – пермских епископов. Летописец отграничивает поток истории датами поставления и смерти того или иного епископа и создаёт, таким образом, периодизацию исторических сведений. К примеру, в записи за 1418 (6926) год говорится о поставлении епископом Пермской епархии Герасима. В этой же статье летописец пишет о военном похо-

¹ Власов А. Н. Указ. соч. 1996. – С. 36–37.

де устюжан, вычегжан и вятchan на Двинскую землю «за князя великого воевати». Ответным ударом новгородцы и двинские бояре «сугнали их до Устюга, а город пограбили». Следующая запись о епископе Герасиме датирована 1443 (6951) годом. В ней говорится о его насильственной смерти от руки «земского подъяки» в «роспре угодейной». Между датами поставления и смерти есть три записи о событиях, имеющих важное историческое значение с точки зрения летописца. Запись за 1425 (6933) год говорит о походе устюжан и вычегжан на Двинскую землю. В записи за 1432 год сообщается о начале «распри» между «детьми великих князей Василия Дмитриевича и Юрия Дмитриевича, меж Василием Васильевичем и Василием Юрьевичем». В записи за 1438 год (6946) сообщается о набеге вятчан на волости по Лузе и Нижней Вычегде и взятии ими Устюга.

Биографические сведения о епископе включаются в текст только в том случае, если сам епископ принимает непосредственное участие в значительных, по мнению летописца, событиях. В этом случае, повествование выделяется из общей летописной структуры, обретает сюжетную линию, основанием которой становятся биографические сведения о епископе, а также форму летописного рассказа. Так, с владыкой Питиримом, поставленным на Пермскую епархию смерти Герасима, связано семь погодных статей. В первой из них, датированной 1444 (6952) годом, говорится о поставлении Питирима, архимандрита Чудова монастыря, «в епискупы Пермские епархии». В той же статье сообщается о том, что владыка Питирим крестил «пермяков удоренов на Вашке реке, игуменов и попов им дал, святей храмы там воздвиг». Далее следует запись 1447 (6955) года, в которой сообщается о том, что владыка Питирим совместно с другими русскими иерархами «писал грамоту на Дмитрия Шемяку с проклятием от церкви святей». Запись за 1450 (6958) год продолжает сюжетную линию Шемяки, и напрямую не соотносится с биографией Питирима. Здесь говорится о том, как Дмитрий Шемяка призвал вятчан и вогул на Устюг и Пермские земли. Устюжане призвали на оборону Устюга вычегжан и вымичей, но «сами щита супротив Шемяки не держали», в результате Шемяка казнил пермских сотников Емельку Лузькова и Ефимия Эжвина вместе с их десятниками. Вятчане пришли на Пермь, жгли погосты и разоряли церкви, приступали к Усть-Выми, но взять не смогли и «повернули вспять на Вятку». В 1451 (6959) году на Пермь были присланы в качестве наместников князья Ермолай с сыновьями Василем и Михаилом «от рода верейских князей» – об этом сообщается в записи за этот год. Ермолай и Василий остались править землёй Вычегодской, а Михаил Ермолич был «отпущен» на Великую Пермь, в Чердынь. В записи за 1452 (5960) год сообщается, что Шемяка поймал отправившегося в Москву владыку Питирима, «в темницу метнув, и мучал его там, а владыка не убоялся тово Шемяки, проклятое слово не взял». В следующем, 1453 (6961) году, великий князь Василий Васильевич взял Кокшеньгу и Устюг, и, видимо, освободил Питирима, хотя специально в записи за этот год об этом не сообщается. Шемяка «утекл на Двину и к Ноугороду, и там бысть отравлен зелием». Питирим погибает через два года, в 1455 (6963) году. Он совершаает миссионерскую поездку в Великую Пермь, крестить Чердынь, однако в это же время Великую Пермь «воюют» вогулы. Питирим решает вернуться в Усть-Вымь, но вогулы догоняют его на Верхней Вычегде, «в месте зовомый Кафедраил, на реке на Помосе» и там убивают. Как уже указывалось, летописное повествование не соответствует тексту Сказания, и со всей очевидностью восходит к

не дошедшему до нас источнику.¹ Возможно, это было одно из Житий, на которые ссылается Мисайл, но из него были взяты только исторические факты и исключены все агиографические экскурсы.

Кроме того, есть сведения о кратких агиографических сочинениях, написанных вскоре после смерти епископа. Здесь имеется ввиду известная статья И. А. Шляпкина, в которой он упоминает о двух списках Жития Питирима, один из которых «полууставный XV в., принадлежал библиотеке Троицкого Калязинского монастыря», второй список, тоже датируемый XV в., был найден в библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии. По предположению И. А. Шляпкина, оба списка являются копиями первоначального «сказания», которое было составлено вскоре после кончины епископа «неизвестным почитателем преподобного», предположительно жившим в Москве. И. А. Шляпкин пишет об авторе жития, как об опытном агиографе, обладающем даром слова.² В житии говорится, что Питирим был застигнут вогулами в пути: «сего же святого имше на пути суща»,³ что соответствует летописному тексту, в одном из списков упоминается и об аресте епископа в Устюге, что также соответствует летописной статье⁴ за 1452 (5960) год. Есть в житии и упоминания о миссионерской деятельности Питирима, начавшейся фактически сразу по поставлении его на пермскую кафедру: «при том святейшего и вселенского собора и рукоположением Ионы митрополита киевского и всей Руси поставлен бысть епископом в велицей Перми, идеже и большая подвижения показа, яко к сущим преж святителем, и многыя крести и обрати в веру, убо человеци неуки сущее и жесткой нрав имущее».⁵ Согласно летописной статье, Питирим был поставлен в епископы в 1444 году, в том же году он крестил «permяков» на р. Вашке, а убит был, возвращаясь из миссионерской поездки в Чердынь.⁶ Не исключено, что «первоначальное сказание», с которого были сняты копии, представляло собой более пространную версию Жития, в которой были и исторические сведения о жизни святителя.

Для Летописи второй период пермской истории характерен упрочением позиций христианства в крае, именно в этот период происходит крещение Удоры (1444) и Великой Перми (1462), территории которых включаются в состав епархии, строятся новые храмы и монастыри. Чрезвычайно важное значение для характеристики политической ситуации в Пермском крае имело установление института великокняжеских наместников. В 1451 году великий князь Василий Васильевич посыпает на Пермь в качестве наместников князей «от роду Верейских» Ермолая и Василия Ермолича – на Вычегду, а Михаила Ермолича – на Каму, в Великую Пермь. Крещение Великой Перми было осуществлено епископом Ионой в 1462 (6970) году и продолжено его преемником на епископской кафедре владыкой Филофеем, управлявшим епархией с 1472 по 1501 годы. Филофей был выдающимся церковным деятелем, книжником, однако, в поле зрения

¹ Б. Н. Флоря находит соответствие с Устюжским летописцем в погодной статье за 1450 (6958) год, но отмечает, что статья по сравнению с оригиналом подверглась значительной обработке. См.: Флоря Б. Н. Указ. соч. 1967. – С. 221. Эта обработка касается введения в устюжский текст местных, вычегодских реалий.

² Шляпкин И. А. Св.Питирим, епископ Пермский // Прибавления к Вологодским епархиальным ведомостям. Май 1. № 9. 1894. – С. 128–129.

³ Там же. – С. 130.

⁴ Там же. – С. 130.

⁵ Там же. – С. 130.

⁶ Документы... 1958. – С. 260, 262.

летописца находятся только аспекты его политической деятельности. Это не случайно, поскольку в годы епископства Филофея происходят события, исключительно важные не только для Перми, но и для всей Руси. В 1471 году московское войско взяло Новгород, однако, предпринятый в этом же году поход на Казань, не увенчался успехом. Вина за неудачу была возложена на чердынцев, войско которых не подошло под стены Казани. Это послужило формальным поводом для похода на Великую Пермь, предпринятого в 1472 году московским войском, в составе которого были и вычегжане. Начиная с 1465 года московское войско предпринимает серию походов в Югорскую землю, на Обь. Особенно масштабными были походы 1483, 1499, когда русские рати доходили до Иртыша и Пельни. В зависимость от Москвы подпадает ряд vogульских князей, в 1485 году под Усть-Вымью при активном содействии епископа Филофея был заключён мирный договор между вымскими и кодскими (вогульскими) князьями. В 1489 году Иван III подчиняет Вятку, хлыновцы сами открывают ворота города, отдав московским воеводам «изменников». Таким образом, в период правления епархии Филофея Московское княжество за счёт присоединения огромных территорий Новгородских земель, Югры, Великой Перми, Вятки фактически становится сверхдержавой, а Усть-Вымь постепенно превращается в глухую провинцию. В 1502 (7010) году по указу Ивана III вымский князь Федор переводится править в Пустозерск, «потому место вымское не порубежное». Последующие после 1502 погодные записи говорят больше о внутреннем обустройстве Пермской земли, хотя Чердынь время от времени оказывается в зоне военных действий со стороны казанских и сибирских татар. Наконец, в 1564 (7072) году владыка Иоасаф Пермский «перведен бысть с Усть-Выми на Вологду».

Так завершается этот период пермской истории, знаменательный тем, что в течение него на Пермской земле установилась и упрочилась государственная система правления, а, главное, завершилась эпоха христианизации края. В свою очередь, христианизация и дальнейшее включение края в состав русского государства вызвали изменения в этническом самосознании населения. Если в самом начале христианизации во времена Стефана Пермского за населением закреплён общеплеменной этноним «пермяне», то начиная с записи за 1418 (6926) год, начинают применяться дробные термины «вычегжане», «сысоляне», «вымичи», образованные по типу применяемых в русских летописях этнонимов «двиняне», «вятчане», «устюжане» и др., принятых по названиям рек. Надо полагать, что этнонимы «пермяне», «пермяки», «перемеки» противопоставлены дробным этнонимам как дохристианские христианским. К примеру, население Удоры (Вашки) названо «пермяки-удорены» в записи за 1444 год об их крещении владыкой Питиримом. Этноним «пермяне», «пермяки» применяется для обозначения населения Великой Перми до взятия Чердыни русским войском в 1471 году, после записи за этот год они именуются уже как «чердынцы». Общеплеменное значение термина сохраняется только в тех случаях, когда летописец стремится подчеркнуть этническую принадлежность персонажей: «пермичи промышленные торговые люди» – по отношению к русским. В XVI веке исчезает и само понятие Вычегодской Перми как цельного административно-территориального образования, а отдельные её территории становятся провинциальными уездами Российского Севера.

Каллистрат Жаков

Жаков Каллистрат Фалалеевич (1886–1926 гг.), родился в д. Давпон около Усть-Сысольска.

Педагог, учёный-философ, писатель. Известность получили очерки «На Север, в поисках за Памом Бурмортом», автобиографическая повесть «Сквозь строй жизни», поэма «Биармия». О произведениях К. Жакова положительно отзывались М. Горький, А. Блок, В. Брюсов, П. Бажов и другие известные деятели культуры.

Профессор Петербургского Психоневрологического института.

Эжол^{*}

Эжол! Эжол!

Может быть, у тебя найду я потерянную юность?

Да, в Эжоле найду я утраченный покой души!

Там живёт Митя – прекрасный сказочник. Бывало в детстве, когда мой отец после тяжёлой работы расположится на полатях на отдых, а я на печку заберусь вместе с матерью, тихая же серебристая луна белым светом, льющимся в окно, покроет резьбы и колонны отца, в эти божественные безмолвные сумерки сладкоречивый Митя рассказывал нам свои пленительные сказки. Сидя на голбце, он бывало, начнёт: «Жили-были два короля». А сердце замрёт моё от усады... «Жили-были два короля и заспорили они меж собою. Один говорит, земля не имеет конца; другой – нет, есть земле конец».

Ах, как хорошо. Что-то будет? Кто-то из них прав? Есть конец, или нет конца земле?

«И вот два короля, – продолжает дивный Митя, – посылают гонца на край света, разведать, есть ли конец земле?»

А чем дальше, тем интереснее. Там выступят девушки, прекрасные, как солнце, мудрые серые волки, благородные орлы, великаны, лилипуты... Мир чудесный, мир ни с чем не сравнимый...

Митя, жив ли ты теперь? Рассказываешь ли свои чудесные сказки?

Скорее, скорее, верхом на рыжей лошадке помчусь я в Эжол через дремучие леса...

Высокие сосны стоят на дороге.

Тихо качаются их вершины. Шум их ветвей, кажется, заключает в себе таинственное сказание севера. В нём читаю я историю богов, оставивших страну, но некогда обитавших в этом лесу; на этом небе, чуть видном в вышине через древесные ветви, ходили они подобные людям, только ростом больше и прекраснее станом, по этому белому ягелю, что хрустит сейчас под ногами лошадки.

* Глава из книги К. Жакова «На Север в поисках за Памом Бурмортом». Спб., 1903.

О, как прозрачно в этом древнем священном бору! Далеко, далеко видать между колоннами – соснами.

Я схожу с лошадки, встаю на колени и возношу мои молитвы в этом дивном храме под зелёным куполом на белом ковре из ягеля!..

Какая прохлада здесь!

Сколько жизни! Смотрите, тысячи разумных существ идут мимо меня, они заняты ремёслами, торговлей, домостроительством, воспитанием детей – это мудрые муравьи идут меж цветами, разноцветными ягодами по зелёным листам роскошной травы, орошённой каплями росы...

Вот кукушкин лён качается от дуновения ветра, а меж кустами дикая роза меня манит к себе...

Дети севера, как сладки, как дороги вы сердцу моему!

Молитесь же все со мной, молись вся природа, устремитесь душой к непознаваемой сущности, неуловимому разуму, скрытому под величавой красотой этого дивного леса!..

Идите сюда, идите сюда, вернитесь вы, старые времена, старые порядки, боги древние, юность народов! Сюда, обратно сюда, пусть душа моя сольётся с вами! Заклинаю!..

Пришли обратно древние боги, вернулись вновь счастливые времена, золотая юность народов прилетела назад на прозрачных крыльях северного лета из прошлой вечности. Сели боги на старые места. Ен сел на высокую гору, месяц – тёлъсь, бог блестящий, пошёл по небу, сладко улыбаясь, и сын солнца за ним на огненных крыльях гонит свои стада-облака по небесным равнинам, и радуга-бык-неземной появился на небе и пьёт воду из истоков земных сладкими струями насыщаясь. Бог леса, сын севера холодного, свистящий ветер, Вихорь Вихоревич зашагал по лесу, вооружённый дубиной. Шум и треск – ломка деревьев. Зелёный кафтан лесного и красная шапка его то там, то тут мелькает между ветвями. Он с корнем дерева вырывает в злобе ужасной. Люди забыли принести ему жертву в своё время. Жена и дети его глядят, шушукаются, кричат и хоочут за близкими соснами.

Всё старое вернулось. Звери, птицы – все стада лесного забегали мимо меня: олени, волки, лисицы, лоси, росомахи, песцы. Восстали прежние народы из чудских могил, они одеты в звериные шкуры, в их руках каменные топоры.

Вот зажили снова они в своих приютных землянках, смотрите дым поднимается из их надземной трубы...

А этот кто сидит на большом пне с кроткими глазами, длинными, рыжими волосами и пишет он что-то, задумчивый, на бересте? Не Пам ли Бур-морт? А возле него суровый волхв, одетый в меха, украшенные узорами, какой гневный взгляд он на меня обращает?..

Узнал, этот волхв – Пансотник, побеждённый великим Стефаном... О, как страшно всё это! Душа моя устала, и сердце оробело в бесконечном лесу, где ураган бушует и вечерняя мгла уже спустилась в древесные сени. Ночь приближается, скорее, и роща всё более и более страшный и грозящий вид принимает...

Скорее, рыжая лошадка, скорее... И мчится она! Топот раздаётся далеко в звонком лесу, а сзади шум и хохот, то ломаются деревья, то бурные потоки шумят в глубочайших ущельях...

Большой камень. 2008 год.

Но вот что-то белое мелькнуло...
То селение за последней рощей... Это
Эжол, Эжол!..

У самого дремучего леса, на высокой горе деревенка! Но где же большой камень, который лежал в начале деревни? Я помню его с детства... Вот и камень, только разбился он на четыре части. Вот дом Порсьюрова, вон избушка солдата Егора у старого камня, разбитого временем. Эжол, Эжол, как ты мал стал, какие крохотные избушки! Совсем иное чудилось мне с детства!

То было село большое на высокой горе...

Кто-то живёт здесь теперь, жив ли Митя?

— Как же, как же, Дмитрий Иванович,— говорят встретившиеся мужики,— он там, подалее. Он старостой ныне, только сегодня дома его нет.

Делать нечего, у мужика Матвея я остановился. Благодушный мужик.

«Вот обрадуется Митя, когда меня узнает»,— говорю я, сидя за ужином у Матвея.

«Вы непременно скажите Дмитрию, когда он приедет, хотя бы ночью. Он ночью ко мне прибежит».— «Хорошо, хорошо,— говорил добродушный Матвей, сегодня же вечером скажу ему, я на ночь пойду рыбачить, спущусь на реку и там увижу его и скажу».

Вместе с солнцем проснулся я и побежал к старосте Дмитрию, бывшему сказочнику Мите. Вхожу на крыльце, в сени, в жилую комнату. Баба стряпает у печки, ячменные пироги в жаркую печь кладёт, а под полатями какой-то с жидкой бородой мужик обувается.

— Здравствуйте, Дмитрий,— догадываюсь я, что это он.— Вспомнили ли сына резчика, которого дивными сказками утешали в былое время?

Дмитрий оставался без движения, он продолжал натягивать свой сапог на левую ногу.

— Узнал,— наконец сказал он, надевши сапог и на правую ногу и не вставая и не думая идти ко мне навстречу.

— Знаешь ли теперь ты сказки, Дмитрий, я записал бы их, и дети наши и внуки прочитали бы с удовольствием.

— Какие сказки?

— Да, какие в детстве ты мне рассказывал.

— Я был в военной службе и забыл все прежние сказки, а новых не знаю. Нет, теперь я этим не занимаюсь,— равнодушно и спокойно говорил он, сидя на лавочке и всё ещё налаживая сапоги на ногах — не то они жали ему ноги, не то не совсем вошли.

А баба его возилась около печки, только изредка поглядывая на меня быстрым взглядом.

Я сел на лавку недалеко от икон.

— Так ты служил в военной службе, Дмитрий, в каком же городе или в mestечке?

В ответ на это он указал мне пальцем на стену. На стене был нарисован большой пароход.

— Вот на этом судне. Пять лет служил, — сказал он.

Речь наша не завязывалась.

Я был озадачен его холодом, он же был, по-видимому, к моему появлению равнодушен.

— Ты нынче церковным старостой.

— Да избрали, мирское дело.

Через некоторое время мы пошли с ним в часовенку. Иконостас здесь на зелёном фоне, всё бедно, убого в холодной часовенке.

Дмитрий спокойно и не торопясь шагал от иконы к иконе, зажигал свечи, зажёг лампаду, поправлял очень усердно паникадилы, говорил с мужиками, — что тут неладно, там поправить нужно.

Из часовенки спустился я к реке, посмотреть на матушек — старых лиственниц, захотелось мне и пожевать сладкой смолы их.

Матвей встретился на берегу. Лицо и руки и грудь — всё было покрыто саками (сетями). Он всю ночь рыбачил на озере.

— Вот эти лиственницы, — сказал он, — здесь бегал ты в детстве. А боек же был, бывало, поднимешься на самое высокое дерево да язык и показываешь нам. А теперь вишь какой кроткий стал, вот что значит переменился человек-то. О, как иной перемениится!

— Да, дивные лиственницы, до облаков подняли они свои зелёные головы. Все те же, величавые, рисующие узоры на синем небе своими ветвями, как и прежде.

Живите же на благо и украшение деревни Эжол!

Меж тем мужики, одни спускались по горе мимо озими, другие поднимались с реки на гору...

— Это что же, Матвей?

— У нас всегда-то так. Одни в дом, другие из дома, одни с реки, значит, другие на лодку. Мы рыболовы, рекой питаемся, матушкой рекой, она — наша кормилица.

Не столько хлеба, сколько рыбы у нас.

Вот каков Эжол!

Эх, Эжол, мал ты, ты раньше больше и светлее казался мне, и гора была выше и ярким солнцем озарена, и чудесно было всё в тебе, ну что ж, по-своему хорош ты и теперь. Действительность, сколь ни плоха, она мудрее наших мечтаний.

Церковь в д. Эжолты. 1990-е годы.

Сказочник Митя*

В Эжоле мы поселились у двух братьев – Никанора и Дмитрия. В синие сумерки к нам пришёл молодой деревенский парень – сказочник Митя – и, сидя на полатях, рассказал мне сказку о птице Ногае и глубоко расшевелил мою душу. Много, много я узнал в тот вечер... И о маленьких людях, и о великанах, и о великой свинье, которая гналась за героем, и о конце земли и т. д. Отчего не сказка вся наша действительность? Как нам преодолеть трагедию мира и обратить небо и землю в одну лучезарную сказку? Ничего краше не слыхал я потом; разве только созвездие Ориона своими звёздами так утешало мою душу; но и звёзды неба скорее напоминали и обещали мне сказку, чем её рассказывали. Митя же истинно утолил мою душу. О, если бы мне удалось открыть великое на небе, чтобы пробудить новые, лучшие надежды на грядущее инобытие, может быть, это усладило бы меня, как простые слова Мити. Нет, не удаётся это! Горе, безысходное горе – все дни мои после повествования Мити. Он говорил не спеша и не повторяясь, развёртывал клубок прекрасных сказаний о царь-девице, о крестьянском сыне – Иване, о братьях его, которые хотели погубить Ивана...

В немом восторге я слушал его и, хотя спать мне очень хотелось, придерживал веки руками и не давал себе засыпать, чтобы дослушать, чем кончится судьба героя.

[Счастливые герои сказки, вы всегда благополучно кончаете, в жёны берёте Елену Прекрасную или какую-нибудь иную царевну, возвращаетесь в отчий дом со славою, с почётом и с богатством!]

Не нашёл я в жизни путей счастливых и ничем, должно быть, кончу дни свои. Звезды не открою и сказки не напишу лучезарной, не облегчу участи северных братьев, не расселю их по лесам, чтобы хранили как можно дольше светлозарную старину, здоровье и счастье, чтобы видели восход солнца и наслаждались его закатом, чувствовали бы дни и ночи, прекрасные времена года, любовь, заботы, горе и печаль облегчали шумом деревьев, пением птиц и ропотом ручьёв...]

Всю зиму Митя утешал меня своими сказками. Прошла зима в деревне Эжол, наступило жаркое лето. Я познакомился с мальчиком Кириком, сыном нищей

Матрёны. Он научил меня многому, а прежде всего, делать колокола из глины. Они выходили у него так красиво, в печке соседа он их обжигал, и они были звонки. Мы построили с ним из жердей колокольню в несколько этажей и вверху повесили свои колокола. Каждое утро и каждый вечер звонили мы с Кириком в эти

* Глава из книги К. Жакова «Сквозь строй жизни». Сыктывкар, 1996.

глиняные колокола... Какие были звуки! Созвучия лились и наполняли двор Макар-Ивана, где стояла наша колокольня. Две недели мы наслаждались делом рук своих – звуками обожжённой глины... Наскучили наши игры Макар-Ивану, и в одно утро, когда мы пришли в его двор, увидали обломки своих прекрасных колоколов и обрубки жердей вместо высокой колокольни... Мы долго плакали с Кириком, стоя неподвижно, глядя, как разрушено было всё, созданное нашими руками. Через неделю и Кирик ушёл из Эжола с матерью Матрёной – собирать милостыню по сёлам и деревням, по большим дорогам и по малым тропам. Я провожал Кирика две версты, поцеловал его за ручьём Киседшор и дал ему на прощание ячменный пирог, покрытый толстым слоем масла.

Солдат Арсений

Солнце уже близилось к закату, когда Иван Порсыгров, Стёпка Изъюров и я вернулись в Эжол из деревни Лыа-ты, где мы весь день разрывали грунт мельницы мужика Макар-Сеня, но напрасно: здание мельницы крепко стояло, и наши труды были бесполезны. Не успел я войти в свою квартиру, как Фалалей мне сказал: «Феофилакт, беги в село Коквицы и купи четверть водки: брат Арсений возвращается со службы, он завтра утром будет здесь!» Делать нечего, взял я лагун, пошёл к мальчику Стёпке Изъюрову и пригласил его сходить со мною в село Коквицы за вином. Взяли мы палку, продели её через отверстие в ушках лагуна, затем положили концы палки на плечи и быстрым шагом направились в большое село. Шли вечер, шли ночь вдоль берега Вычегды и к утру увидали двухэтажную каменную церковь села; она казалась близко, но долго ещё шли мы до неё. Галки стаями летали около церкви, и голуби за ними. Невдалеке от церкви было питейное заведение, где мы и приобрели то, за чем пришли. Наш лагун отяжелел, вместив в свою утробу четверть водки. Обратной дорогой отправились мы со Стёпкой, переставляя от времени до времени конец палки с правого плеча на левое и обратно. К полудню мы пришли в Эжол и тут увидали мускулистого солдата, невысокого роста, широколицего, обстриженного, с серыми, смелыми глазами, быстрыми жестами военного и с громким голосом. Это был брат Арсений.

- Ну что, брат Феофилакт, что знаешь ты? – спросил он меня.
- Всё знаю, – ответил я, – арифметику и часослов.
- Какую арифметику?
- Таблицу умножения: $6 \times 6 = 36$, $8 \times 8 = 64$.
- Это пустяки, – сказал солдат, – а знаешь ли ты, что такое сложение, вычитание, умножение и деление?

Я опустил печально голову: этого я не знал, этого не знали ни Фалалей, ни Стёпка Изъюров.

– А знаешь ли ты, что такое солдат, что такое хоругвь, что такое государство? Ничего не знал я... С опущенными глазами стоял перед братом и отцом, который так гордился Арсением. Последний, блеснув умом, перешёл по зову отца к рюмке и бутылке, которая попала, видно, из лагуна, принесённого нами.

На другой день началось моё учение. Брат Арсений сказал мне: «Возьми и сложи пять и шесть». Я сложил и получил одиннадцать. «Складывай так до 300». То же самое было с вычитанием, умножением и делением. Прекрасный педагог был Арсений, он в неделю заставил меня знать все четыре действия арифметики. Когда я всё это постиг и стал бойко вычислять, он таинственно прибавил: «Дальше идут дроби, но их я не знаю, офицеры и то не все знают дроби».

Через неделю, изучив, таким образом, всю мудрость Арсения, я опять стал свободен, а он занялся вместе с отцом столярным делом: усердно созидали иконостас в часовенке в Эжоле.

Я же проводил дни мои больше на берегу озера, где работали эжоляне. Здесь росли великие лиственницы, на вершинах которых я проводил большую часть времени. Но пролетели светлозарные дни, промчались счастливые месяцы, и годы прошли, и жизнь в Эжоле стала для меня недоступною сказкою, которая уже не повторится в моей жизни. Иконостас был сделан, и мы отправились с отцом и братом в Чукчай, оттуда на Вымь, в деревню Тыла, где случились события, изменившие мою жизнь, направившие её к науке и к страданию.

Зинаида Прошева

Прошева Зинаида Александровна чујкис 1931 воын Емдін районса Эжов сиктын.

Помаліс Емдінса педучилище, Кому государственней педагогический институт. Уджалан школа языка веләдтессың, директорын; Кому Республикаса веләдтессың, уджалан квалификация кыпдан институтын, Россияса НИИ-ын (Войтырсикас веләдтессын мыштәбдәяс юкәни). Ләсөйдіс национальной школы коми да речь кывыйысь и литература языком коми гөгөр веләдтессын небог да пособие.

Ассының художества гижәдъяссо Зинаида Александровна йәзбәліс республикаса газет-журналын.

А челядьлы бур козинён лоины сылён «Лысва дзирд» да «Вемёса пембәсъяс» книга яс.

Эжов

Куимсё вояссын дырдыхык Эжов ты дорын джуджыд да гажа кыр йылын дөввидзё Эжов сикт, менам муса чужанінёй.

Гижәд (перепись) сертификацияның 1719 воён¹. Дерт, гөгөрвоана, мый гижәдас сійә ээ веськав овмөдтессын воас, а коли вель уна кад сикт пуксыомсян медводдза гижәддәзис. А 2009-од воын Эжов сиктес, медводдза гижәд сертификацияның 290 во.

Ме эт туявлы, кытысы вөлөмайтын медводдза олсыясын. Овъяс сертификацияның 290 во, сиктес сидя уна – Прошевъяс. А Прошевъяс быдса сиктессын жо эмбес Архангельск бердын. Бурако, сэтчанысын и воисны ва түйён Двина да Эжва кузя.

Эжва кузя пыжён катигон казявлісны ю берегъяс вылысы водзджык нин овмөдчомаялдын сикт-грездъяс – онія Емдін районо пырмаяс: Реми (1580 во), Зөвсөрт (1586 во), Арабач (1586 во), Виздин (1485 во), Шожым (1490 во), Кырс (1580 во), Аквад (1483 во), Емдін (1380 во), Ыб (1483 во), От (1483 во)... И тайо, ме чайтём сертификацияның 290 во, сиктес сидя уна – Прошевъяс. А Прошевъяс быдса сиктессын жо эмбес Архангельск бердын. Бурако, сэтчанысын и воисны ва түйён Двина да Эжва кузя.

Күжөмөн бөйрөмайтын медводдза гижәд сертификацияның 290 во, сиктес сидя уна – Прошевъяс. А Прошевъяс быдса сиктессын жо эмбес Архангельск бердын. Бурако, сэтчанысын и воисны ва түйён Двина да Эжва кузя.

¹ Эжолты д. – год образования населенного пункта 1719. Администр. территор. деление. Республика Коми. 1992 г. Сыктывкар.

Важ Эжва.

Состом вaa шор визъобъяс гижтысъоны ягъяс вомоныс тыланыыс, нимтём на сэки, абу зэв вaa нюртъяссиянь. Некодён вörзьöдлытём пармасы туган йывъяснас судзöдчö енэжас, шувгö-лолалö кокныыдик тёврунас, лыс ем йывсыыс лэдзö муртса кывмён пискöм либö увгö-бувгö, пыкё аснас бушковъяссö. Матигёгöрса вörьисавыс, дерт жö, ставнас вossис видз-му вöдитысь, кыйсысь водзö аслас мичлуннас да озырлуннас, кыскис ас дорас, шыалис-горалис сьёлёмтö ышёдан да ловтö кыпöдан шыясон, мортлы вöзийис лача овмöдчыны татчö тыр-бур олёмён.

Выльён вoысысыс сиктнас овмöдчомаёс коймёд «судтаас» – гёра чурк вылас, тыыслы бандын. Асыв-лунö видзöдö Эжов сиктыс. Вöрсö пöрöдомаёс-ректö маёс сикт увсысыс, тыланыыс пöкатаинсö, да сэтчö и вöчлöмаёс медводдза муюссö. Ме быдмig-олиг сийö мусысы колхозын лыддыссиcны медся бурон: Катыд йöр, Вичко йöр (вичкосö лэптöм бöрын нимтöмаёс сидзи), Лар йöр, Вань йöр. Вöрсö ректiг Катыд йöр подулас кольлöмаёс пöрöдтöг кык ния пу. Дырнад найö быдмöмаёс сэтшöм гырысь пусыдз, быттьö Александрийской столпъясыд. Весь-кыдöс, джуджыдöс, кызöс. Öтар пусö вöлi верман сывыйштны сöмын нёльвит морта сывиöн. Мöдьыс вöсниджык. Ув-вожъяс вылас небыд лыскыс сöмын вöлi вежöдыштлö пу йылас, устьöдз вöлi чатрасын-видзöдам вежöдöмсö – муртса тöдчымён кор пызыйштасны-мыччысысаны кисточкаö гёрддыштчöм пома лысьясыс. Тайö пусысыс эсъё, дерт жö, пырисны Коми мулён дас öти чудо лыдад. Тайö нияас йывсысыс казтылö Каллистрат Жаков: «Эжол, мичасысы-мича Эжол!.. ...Танi быдмисны гырысьсы-гырысь нияас, налён вожъяс вылас ме и колльöдлi унджык кадсö... Но лэбыштисны югыда дзирдалан лунгъяс, котöртисны шуда тöлlyсъяс, и Эжолын олöмис лоис меным аддзывны позытöм майдон, мöдьыс татшöмыс некор нин эз лолы...»

Сотисны кутшöмкö мывкыдтöм йöз нияссö, – биасьёмаёс вуж бердас кыздык пусыслы. Куйм сутки сотчома, сэсся пöрöдисны неминуча лоёмыссы. Пусыссö пöрöдöм бöрын сиктыслы вossыёма став енкёлалыс: коркё паськыдьыс-паськыда визувттысь Эжва юыслён ковтысыс аслас тыяс-дияснас, визлög-гöпъяснас нюжöдчö онiя Эжва юöдзыс, помтöм-дортöм парма туган йыв выйттыс тыдалö онiя Паль-Пожöгыс, Отыйс. Эжов сиктыс ачыс Эжва дорсянныыс, вис петанинсянныыс тыдалö гёра вылас ки пыдöс вылын моз. Медводдзызыссыс меным петкöдлiс сийöс чой

кытъяскö нюжöдчыштöмäөс лыа кёсаяс, а сидзöс унджыклатыс васöд, зiля, баддяинъяс. Мöд «судтыс» кыпöдчö 40–50 метра вылнаöдз, сэнi ния пусыса, пожöм вевъя кос яг. А коймёд ярусыс, кытчö бöйрёмаёс сикт местасö, сикт пукаланiныс, тысянъ ёна вылын, кыр йылын. Сэнi шылькнитчöмäөс-вольсыштчöмäөс ётарö-мёдарö ния да по-жöма-козъя, быд вотöсön да тшакён озыр гырысь ягъяс.

1941-öд воян. Меным вölі дас арös. Юль тöлlyсын войясыс югыдöсь на, да и войыс вölі тöлlyся. Ми кывтім «Бородино» пароходён карсаянъ. Сiйö гожомас ме олышти ыджыд вок Ардалион дорын карас. Вокös нуисны война вылö, и чой кайліс мела. Пристаньыс вölі От улын, миянсянъ дас верст сайын. Медым бöр не косны дас верст сайсянъ, лыатысаяс корисны капитаныслыс лэдзны найös буретш Эжов тыö пыран вис весътасö: сэтi берегыс крут, и пароходыс зэв бура си-балö сувтнысö. Ми чойкöд сэтчö жö чеччим. Вот сёки чой и петкöдліс чужан сиктöс Прöсyt колас весътсянъ. Ме аддзи да чуйми: сиктыс быттьö лэбö енэжтýыс, ыджыдсыыс-ыджыд пароход, керка öшиныясыс югъялöны тöлlyсь югёр улас. А вичкоыс! Сёки жуgöдлýтöм на кöлöкёльняяыс. Видзöда аслам сикт вылö ылiseянъ, чуймала, а сiйö быттьö нюмъялö-лэбö енэжтýыс. Сулала, видзöда, ог вермы орöдчыны, нимкодяся, весиг пет-нытö пароходсыыд вунöдчи. Друг кутшöмкö дядьö шыасис ме дорö:

– Но, мый тэ, дзоля ныв, петьсъ абу?

А чой петöма нин берегас.

– Ой, чеччысъ, чеччысъ, петьсъ, – шуа, – отсалöй меным.

– Но лок, – шуö дядьöыс, – кутчысъ пельпомö бура. Эн бергав.

Дядьöыс петкöдö менö моздорас пароход вывсыыс трап кузяыс, а ме сылы гора шуала:

– Дядя, видзöдлы, видзöдлы, кутшöм мича миян сиктным, быттьö енэжас пароход.

– Мичаа тыдалö Эжолыд тасянъ. Ме унаысъ нин аддзывлi. Кутчысъ бура, ыджыд воськов вöчам.

Сiйö лунсяныыс, стöча кö, войсяныыс, сэсся быд пöриö пароход вылын кывтiг и катiг, кытчöдз ветлöдлiсны найö, нимкодяси аслам сиктöн. А онi сöмын казьтывны и коли.

А казьтыванториыдлы и помыс абу. Ог сы вöсна нимкодяс сиктнам, мый сiйö менам чужанiн (и сiйöн тшöтш), а збыль нимкодьöдис сiйö век миянöс, и эз сöмын сэнi олысъяссö, но и сэтчö волысъяссö. Быд волысъ пыр шулis:

– Гажа тiян сиктныд, Эжолыд. Гöра вылын, кос. Веськыд уличаяса.

Кöть и абу ыджыд сиктным, китыра сикт, а кык уличаа. Пыр сöстöм, идralöма лöп-ёгсö, быттьö быд лун праздник кежлö дасытöма сиктö, весиг чагтор оз туплясъ, чайтсъö, сиктас оз пескön ломтысъны. Пес чипасъясныс быдöнлöн керка саяс, звöз, пывсян доръясас.

Коркö, кутшöмкö, дерт, праздник лунö, чукöрынöс тай унаöн вöлiм-а, война бöрас нин, пансис татшöм сёрниыс, да сиктса нывбабаяс, кодъяс сэнi быдмисны, пыр сэнi олiсны, ньоти шензыышттöг гаралисны:

– Миян сиктыд пыр татшöм вölі, сöстöм да гажа, мича, торъя нин катыдпо-

Дi бöж (Черед тöня).

мыс, вичко доръясыс. Вичко дорас зэв кёдзыд да синва кодь сөдз ваа ключ волі сяльгö. Оні тай воши, дзебис, вичкосö пöдлалісны да. А вичко дорсяныс От гöраыс и Пожöг-Пальыс ставыс тыдалö, ки пыдöс вылын моз. Сиктаним некор пöжар эз вöвлы, весиг пывсян некодлён эз сотчыв.

– Но отчыд, кызьёт вояс заводитчигас, суліс жо неминучайыд – вöрыс сотчис сикт гёгöрыс ставнас. Керöс юр йыв ягланыын по волі биыс лоёма, верст куим сэтчöдз, регыд и воёма сиктöдзыс сира-лыска пуюса ягъястыд. Вöр дорас матын сэки волі сиктсаяслён гумляясныс, рынышъясыс, идзас стöгъяс, потшöс, амбаръясыс, – висъталіс Густа баб. – Рынышъяасас кё öзийис, эз эсько коль сиктсаяным ни öти керка.

– Петкöдлылім öд керкаяссынам став колан кёлуйнымöс Катыд йöрö, кодъяскö волі Ді вылöдз лэччöдлылёмайыс. Ставон бöрдöны, челядьён пöгибö воны кутім – пöдёны тшыннас. Лолалам кötöдöм дöра рузумъяс пыр. Скöt ставыс сиктын, полёны и найё тшынсыс, оз мунны сиктесь, – шуис Педь дядь.

– Ми ветлім кусöдчыны. Воим би дорас, гуяс кодъялам, тырталам мутыыс котёртыс би кывъяссö, коялам мусö öзийис пуюасас, а друг казялім – да асынам нин би кытшын, весиг ог аддзой некутшöм кост петны. Биыс кутчысяс сира, лыска пуад, да сёмын нявшунö, кынныс сявкйö сотчöм лыссыс, а сотчыс сэрапомъясыс жарсыс лэбöны метра кёкъямыс-дас водзö. Öдва и асынам вермим петны би кытшысыс, – висъталісны Агнияяс, аяныла-моня.

– Сэсся мужикъяс вайöдісны попöс, – шуис Густа баб. – Попыс пыр кежлас эз на вöв индöма сиктас. Сийö сыліс молебен, став сиктнаным вöчим Крестной ход, образъясöн, спасъясöн кытшовтім сиктнымöс, Крест кум дорöдз ветлім, сэсся сикт да сотчыс вöр костас пукталісны Неопалимая Купина Божья Матерь-лысыс образъяссö биланыыс чужёмбанён, ставон пидзöсъяс вылын, юрбитім, кевмысим, корим Енлыс, мед кусöдас бисö. Мый ті думайтанныд, том йöз? А öд лун шöр бöрас зэрмис да шливгис суткиыс дыр. Воддза лунъяасас волі кыпöдчыллас кымёрыс и тшын вöснавыс бöр разалö. Кусі став сотчаныыс, весиг эз кут некыті руавны, быттьö эз и вöв сы ыджда пöжарыс. Тшыныс пуксис, быри. А вöрыс лои сьöд, са, повзöдчыс, гёгöр сэррапом кöр. Йöзыс лёнисны сьölöмнас, бöр овмöдчисны, зіля босытчисны уджö. Но став чöдъя-пувъя ягъясыс сикт гёгöрсесыс сотчисны, вöрас пырнысö волі полан.

– Но вöр-вайд тай скöтыд моз бурдöдчö ас выннас, нюлö-весалö дойяссö, – шуыштіс Иван Григорьевич, сиктса лесник. – Комынöд воясас вушайис, бырис нин пöжар туйыс. Вöрыс бурдіс, бöр овмöдчис. Зэрыйс да лымайыс мыськисны сасö, няйтсö, вöр туруныс, нитшкыс дзебис-тупкис ставсö. Комынöд вояс заводитчигас чöд-пув корыйд быдмис нин. Коръя пуюсыд öдйöджык вежöдісны лыска пуюс дорсыд, нитшкыд и, тшакыд кутіс петны. Вöрыс бöр ас паскаллъö вылас воис.

Дерт, 290 вонад сиктад быдторыйыс вермис лоны, бурыс и лёкыс, но лёксö йöзыс этша помнитöны. Ме некодлышс эг кывлы пöрысъяслышс, мый кодöсöк Эжолын күвтöдз нöйтöмаоys либо виöмабоys. Оз помнитны и гусясысъястö. Эз вöвлы некодлён томан ни иган... а öдзöсъясад томанъястö кутісны öшöдлывлыны коркö война воясас: сэки кутісны ветлöдлыны сиктъястыд отдор йöз, коді шуö: ыстöм йöз, коді шуö: эвакуированной. А сэтчöдз пыр пастор сёмын волі кильчö öдзöс вугъяд: тöлын – гöлилк, а гожöмын – бедь.

Көтө ичтөн шуисны Эжолёс, а войнаöдзис сэні вölі ветымын кык керка, а олысыс (хозяйствоыс) – квайтымын, кöкъямис керкаын олісны кык семьяён. Война вылö мунісны сиктись, Давпи грездсö лыддытöг – ветымын нёль мүжичой да öти нывбаба – Козлова Мария Александровна (Вань Сандрё Маша).

Эжовсаяс пыр нималісны уджач йöзön, уна бур му-виддзён. Менам пöльбöй, Тикён Миш Петро, мамös мырдись сетöма верös сайö Эжолас тятьё сайö, уна му вылас вежис петöма да. Пыр вölöм ошкó: «Эжов – китыра сикт, а сы мында видз-му».

Колхозъяс котыртчом бöрас на, ме помнита нин, тшötш отсаси да, вöчисны выль му Давпи кыр йылö, а сýодз вöчомайс Эжа йёр подув, Выль керас, Шор сай подув – квайт-сизим гектара муяс, кöдзёны выль муяс вылад рудзög, анькытш, зёр. Колхозникъяс ставсö вевъявлісны гörны-кöдзны, воём урожайсö идравны ас кадö и быд культура кузя мынтыны гырысь поставкаяс.

Война дырыйыс Эжов колхозлён вölі 200 гöгöр кукъя-мёска, 60 гöгöр вöв, 200 гöгöр ыж. Пыр ас кадö мынтылісны и яй поставка. Колхозлён вölі пасека. Ноябр 7-öд да май 1-öд лунö вöчлывлісны öтуvtчомён праздник и сэки номсöдыштывлісны маён.

А няныыд пыр вölі этша. Колхозыд мынтис зэв гырысь поставкаяс да. Лэптылісны эсъко гырысь амбаръяс: нянь урожайтö зілисны идравны пыр жö амбаръясö, идралöм-вартöм няньтö колхозыд некор эз колълы-пуктыв ывлАО, зэв нин гежöдика косытывлісны вевта да поска гумла вылын. Поставка вылад нуан няньтö ставсö колö вölі бура косытыны, мед туыссо курчкан да, трачмунö. Косытылісны торъя лöсöдöм керкаясыц, бура посйöм да джаджъялöм рынышъясын, кони жарсö позъю вölі кыпöдны 50-60 градусöдз. А колхозникиллон усадьба сюыд вölі мешёкын, а пызыыд – кудыйн.

Эжов сикт, кöтө и ичтö, пыр вölöма уна йöза да кыпыд. Мёд Мирöвой войнаöдзис на Эжов вölі медся бура йитчома тöвся туйнад орчча районъясыскöд: вылыс и улыс Эжва, Сыктыв, Емва – ставыс Эжов пыр весъкöдчывлісны Яренскö. Эжов–Виздин–Гам–Зöвсöрт–Яренск – туйыс вölі Вöлögда губерниясалён. Сиктас вölöм локтöны шойччысъяс, вöла бöрся вöла. Мукöд рытъясö по гежöд керкаын эз вöвны узьысь-шойччысъясыд. Гражданской война воясад изъваса, мылдінса купечъясыд унаён пышши-майсö Эжов пырыд. Кор лоис Микунь–Айкино кöрт туйыд, Сыктывдінса, Сыктывса, Кöртке-рёсса вöр ледзысь овмöсъясö тöвбыд грузсö кыскалісны Эжов пыр.

Вичкотö Эжов сиктö стройтöмайс XX-öд нэмса кызыбд воясас. Сýодз катыд помас, кык шор öтлаасянніас, вöчлöмайс Крест кум – нитш вылö лэптöм бура тшупöм стройба. Пытшкöсис вölöма шоныд, öшалöны образъяс. Крест кумсö вежöдлöмайс Иван Предтечалы. Кор во-

Эжовса ныевбабаяс. 1950-öд вояс.

лывлёма батюшкоыс, службасö нуöдлывлёма сэнi. А вичкосö стройтöм бöрас кутöма вöчны Крест кум дорö-дзыс Крестной ход. А Иван (Иоанн) Предтеча луньясас (юль 7-öд да сентябр 11-öд лунтьяс) поводя вылö ыстысытöг быд раз вöчлöма Крестной ходсö. Вичкосыс петöм да вичкосö гёгörtöм бöрын мунöны Крест кум дорас, сылёны молебен, бöрсö вичкоас локтigён сувтлёны Ыджыд из дорö, батюшко бара сылё молебен, резö изсö да йözsö вежа ваён, и мунöны вичкоас.

Эжолö овмöдчысысказялёмайс, мый Ыджыд изсяныс öвтыштö шоныд рүён. Меным кыдзкö эз удайтчыв некодкöд, бура тöдись йöзкöд, сёрнитлыны Ыджыд из йывсыс. Мам быдмёма Лыаты сиктын. Челядьдырыиыс сiйö легендаяссö из йывсыс эз кывлыв, а верстёнас, Эжолö верös сайö петöм бöрас, кыдзкö сiдз жö ылёсас, пель-пельйив кывлёмъясысь тöдис сы йылысь, а пöль-пöчöс ме эг нин сулы. А миянöс нин школа, непöштö туйдны сэтшöм казтылёмъяс вылас, а мёдарö, пыр дугöдлïс да öлöдлïс сэтысь: велöдьсыясыдлы эз позь важ пöль-пöчьясыдлыс сёрнитö помнитны, лэптыны да вöдитчыны сiйöн. Густа баблон матын вöлi керкаыс из дорас. Сiйö эсъкö эз пыксыив сёрнисыс, казтывлïс важ йöзлись висьтавлёмсö, но сiдзжö видчысыёмöн, кöть и зэв эсъкö уна тöдис да помнитiс легендаяссö. Сы ордын олiс Белоруссиясыс ыстöм репрессированной кузнец, буракö, сiйö вöлi öлöдö.

Густа баб висьтавлïс миянлы, челядьлы, тадзи:

– Бурдöдö изыйс. Пинь висьöмтö босытö. Висяпинь над колö инмöдчывны сиöй ийрыштöм моз. Ныvbaba висьöмъяссыд прöститö. Колö пуксыывны да пукалыштыны из вылас нинöм вольсавтöг да бöждортö вештöмöн.

Но йöзыд öд пыр öта-мёдсыс яндисыбыны да видчысыбыны, кöть и вöчлывлïсны сэтшöм «процедураяссö», эз висьтавлыны некодлы, мед серамвыв оз лэптыны. А важён вöлöм ёна эскöны бурдöдöмас, и оз весьшöрö.

Густа баб жö висьтавлïс:

– Быд праздник кежлö вöлi изсö мыськалöны. Тувсов Иван лун (юль 7-öд лун) кежлö мыськаласны кёка ваён. Васö быть босытасны Крест кум шорсыыс либö Эжов тысыс, а оз юкмöсись. Народыс öд вöр-ва йылысь приметаястö пыр пыдди пуктïс. Иоанн Предтечалöн чужан луныс – гожём шöр: шоныд, гажа, кёк кёк, став туруныс дзоридзалаö, тыас вайс шоныд, но оз на «розъяв», сöстöм, сöдз. Сiйöн ванас мыськасаны изсö, а Крестной ход дырииыс батюшкоыс вежöдас-резас вежа ваён. Изыйс лö вежа, сöстöм, и йöзыс оз повны ни-нöмысъ, чурки-буди – ставыс бур лöö, бырö висьöмис. Эскисны йöзыс. И бурдлïсны. А Крест кумдорса шорсыыс васö пыр шулïсны вежаён. Сэтчö уна шорысь вайс визувтö. А ыджыд яг öтар-мёдар боктïыс визувтöны Крест кум шорас нöшта кык шор. Яг рöчсö эжовсаяс шуёны кык шор коласон.

Сэнi ягас эм жö ыджыд из. Сiйö сиктса из серти ыджыдджык, джу-

Ыджыд из дорын. 2009-öд во.

джылдажыка кыпöдчö мү веркöсас. Вылысыс паськыд да гурана. А гуранас любой кадö, весиг зэръястöг, кымыныс ме волi сэтчö, век волi зэв сöстöм, сöдз ва. Буракö, изыйс ёна шонавлö луннас, и лысавыс да шоръяссяныс кыпалыс руыс сöдзёны сэтчö. Дерт, некод оз тöд, кыдзи да кор веськавлöмäöсь татчö тайö гырыс изъясыс, и эм-ö кутшöмкö откодылун налён воём-мыччысым костын.

Тайö из дортыс мусыс кос, кылда рас. Эжовса мужичой Прошев Афанасий Харлампиевич (Карлö Опонь) ректывлöма сэтi вörсö, вöчлöма мү. Ме томдырий тöдчинсны на мукост бöрözдаясыс, борыйс. Либö, колхозыс суси да, эз кутны сэтчö сетны кöдзнысö, а гашкö, и кос вöснаныс мусыс этша вайлiс урожайсö, да сiйон эновтлöмäöсь мусö. А тшак петö ёна: ягсер, виж ельдöг – зумыд, дженеыд кока, гöрд гоб, руд гоб, ур тшак, валуй – вижов, курöг кольк кодь мыччысяс, сэсся быдмыштас, да паськалö шляпкаыс. Зэв чöссыд солалан тшак, сöмын дырджык колö кötöдны, либö пуны.

Тшакыс эжовсалён пыр волi. Весиг Успенье видз дырый, август 14-öд лунсянь август 28-öд лунöдз, сёйоны нин сола тшактö. А тшака шыд вылад гобыйд, ур тшакыд петлiс нин юнь тöлъисын. Но эжовсаыд, абу кö нин быть, эз вотлыны водз петьс тшактö: абу по сэтшöм кöрыс, кыдзи арсёвыдлён. А арся Иван лун кежлад (сентябр 11-öд лун), волi солаласны нин бур, чöссыд тшак – путникъяс, весиг еджыд ельдöг (миян сiйöс пыр грузьдён шуисны), ягвыв рыжикид зумыд, чорыд, ярчö пинь улад, кыдзи ельдöгыд, а кык лунён и солассё.

Колхозъяс котыртчытöдз арся Иван луныд пыр чукörtлывлöма уна йöзöс. Сэки видз-му уджъясыд эшталö нин, картупельид идравсё, сюйд тэчасъясö нин воö – ставыс воö артö-подö, капустатö тай дырджык видзлöны му вылад – юм-мёдёны, Воздвижениеöдз, сентябр 27-öд лунъясöдз видзасны.

Арся Иван луныд волöма От гöрасалы и став локтыс-волысылы ыджыд праздникин, и быд ар чукörtлöма уна йöзöс: Эжолö сэки локтöны Иоанн Предтечаöс радейтыс-пыдди пуктысъяс кевмысъны, рöдвуужкöд аддзöдчывны-гöсътитны. А уна йöзаиныд нэмсö кыпöдлiс торъя аддзысълöмъяс, йöзкостса олöмын восытлiс торъя йитöдъяс, öта-мёдös гёгöрвöм, пыдди пуктöм, отсасьöм, öткодь видзöдласъяс, öткодя донъялём, вузасьöм-ньюбасьöм – ярмангуйтöм. Ярмангаыс кыс-сылöма кык-куим лунöдз. Волывлöмäöсь быдладорсянь. От гöраса кындзи локтöны волöм пыжъясöн Сыктыв, Койгорт, Сыктывдiн, Кöрткерöс, Емва районъясыс. Тыыс тырлö пыжаяснас. И мыйсö сöмын оз вайны вузавнытö: град выв пуктасъяссян босытöмён крестьянской овмёсад став коланторсö – пестер-наберушкатö, чугун-укваттö, кём-паськёмтö, чышшьян-паткатö, кöлач-кампеттö, совтö… ставсö, мый позьö вузавны.

Вузасысъяс локтiккежлö эжовсаяс волöм вöчöны выль пöвъясыс бур вевта да бокъяса вузасян чомъяс, тöв ни зэр оз веськав пытшкас. Иван лунся вичко служба бöрын и заводитчö вузасьöм-гажöдчымыс. Эжовсаяс бура примитлöмäöс йöзсö: лэдзёны узыны-овны, вердёны-юкталöны гöсътъясöс моз öти радын рöдвуужыскöд, юкталöны веж быгъя чöссыд сурён. Иван луныс – пыр кослун, кöть и абу середаö ни пекничаб. Сiйö луннас, легенда сертиыс, керыштöмäöс Иоанн Предтечайыдлыс юрсö, сiдзкö, шог лун, и уллюнсö оз вöч, и позьö сёйны сöмын кослунъя сёян: азя шыд, тшака шыд, юква, черинянь, картупель, сёркни-галанка, выйдöм (кёнтусыссы масытöма-вöчöма, кыдзи халва), рокъяс, кисель сöмын чöдъя, (пувъясö оз позь, гöрд да, вир рöма да), чöдъя чужва, капуста, сола тшак.

Гösьтитасны-гажöдчасны, вузасынсы-ньюбасынсы лун-мöд-коймöд. Гösьтъяс мунöм бöрын эжовса мужикъяс кутасны лöсöйдчыны кыйсöм-вöралöм кежлö. Октябр коймöд лунöдз быть кайласны Йыв тыö тывъявны. Тывъяласны воймöд. Йыв тыыс Эжов тыыскöд йитчö верст вит кузьта вискöн. Вискыс петö Эжов тыас Чомув видзъяс вывтî. Виссö сïдзи и шуöны Йыв ты вис. Сïйö джуджыд, но абу паськыд. Важöн, колхозъяс котыртчытöдзыс, сïйöс пыр весавлöмäöсь, лэптывлöмäöсь öтар-мöдар берегас пöрöм турунсö, вутшъяссö весиг вундавлöмäöсь орйöдлöмäöсь косаöн, весавлöмäöсь нюйтсыс, и вис вывтîыс позылöма ветлöдлыны öпасничаа пыжöн. Виссö весалöм бöрын Чомув лоßясыс-видзъясыс шуптывлöмäöсь, турун юръястö позылöма кыскавны волокушаöн.

Йыв тыыс ыджыд да джуджыд. Ты дорас верст джын мында вотöдз вискыс паськало, нюжöдчöны кузь вомынъяс, кыт i позьö мунны öпасничаа кык пыжалы орчöн. 70-öд воясöд на тыыс вöлi зэв чериа. Сэтыс пыр кыйлïсны гырысь чери: сир, ёдi, налим, сын, ёкыш, ляпа пиян. Тыас век быдтысисны уткаяс. Но лёк йöзыдлы öд туйыд век «восьсаджык» – кутшöмкö горш йöз взрывайтöмäöсь тысö.

Тыяс йизытöдз-кынмытöдз тывийöн, и ботанъясöн, и кöвтымöн кыйöны вöлi черитö (полозитöны). Пемыд войнад зэв кужöмöн вöлi кыйöны кöвтымнад. Лöсöйдöма полозитан кузь зïб. Кодлön мыйысь вöчöма: кокни вылö вöчöны пи-пуысь, зумыд вылö – кыдз пуысь. Öти мортыс öти кöвтым помсö волысалöма пельпом саяс, а мöд помсö кузь зïбнас юткö ва шöрланыыс, а мöд кöвтыссыс сïйö помсö (зïбъя помсö) кузь гезйöн кыскö берегсянныс водзö. Сïдзи кыкнан кöвтыссыс мунöны берегтöыс, оз ков ватi кевны. Күжись йöзыдлön зэв пелька артмö, и чериыд шедö – пемыд войнад чериыд матыстчö берег дорас. Мукöддырайыыс кок шынад повзьöдан либо ачыс палялас – ыджыд сир бувмунас и буретш кöвтым матичланыыд веськалас, мукöдьыс тув куима, и гырыссыджык ловъяс шедлöны.

Ми тятьöкöд война бöрас на унаысь рытъя войсö полозитлывлiм. Час-мöд кежлö вöлi лэччылам ты вылас, ведра-мöдтö кыям. Дерт, посни ёссыыд юкваыд зэв бур вöлöга вöлi.

1944 воас öти асылö, льöм дзоридззалан кадö, сиктыс ставнас шызылыс. Мöсъясöс йирсыны лэдзалигöн нин став йöзыс тöдмалïсны, мый Респотребсоюзса тывъялыссы котырлы талун войнас чериыс шедöма помтöм. Тыв артельсö кутыссыс Турбылев Василий Михайлович (Пронь Миш Вась прöзвищес, кöжмудорса мужик) висьталöма, мый öти тöняйöн лэптöмäöсь сизимдас вит пуд ёдi.

Ме нүöдi дi вылö йирсыны кöзаöс да ыжъясöс и кежи йöз чукöр дорö, кöнi сулалïсны вит-ö-квайт нывбаба да зэв шызылмöн сëрнитïсны. Öти кодкö пинялïс-видiс тывъялыссыс: «Гугöдисны тысö, ёдi кулимсö (кöсяксö) ставнас лэптöмäöсь. Бырö тысынным ёдïыд. Рöзöритiсны тысö!» И збыль, сы бöрын ёдïыд шедлывлiс сöмын вöр-васö бура гöгöрвöысылы да бура кыйсыны кужысылы, и то сöмын лов вит-квайтöн гожöмбыднас. Быри ёдïыс тысыс.

Ми нывкайаскöд ветлiм видзöдлыны черисö. Тшукнитöмäöсь берегас орчöн вит пыж. Дзик пырсö эг и гöгöрвоой, мый пыжъясас. Сы мында да сы гырся черисö ме некор нэмöн эг аддзыв, весиг öнöдз. Витнан пыжыс вöлi тыр чериöн. Чериыс ставыс öткодь, мича, кыз сьöд мышка, сьöмныс югъялö шондi улас пемыд зарниöн, черилöн синныс восьса, да быттьö мыйкö зэв чöла виччыссыны. Ме ог тöд, мый мекöд лои: видзöда чери вылас и бöрда-сыркъяла, мися, лэдзны колö тайясöс бöр ваас, мед олöны-уялöны. Друг дорса пыжсыс öти ыджыд лов

песовтчис, лыбёдчис-чечыштіс да уси ваас. Ме сэтшом рад лои, мися, ловъяось, мед чечаласны ставныс ваас бёр. Но чечыштысь черивыс эз ўёт, а бергёдчис вывлань кынёмён да кутіс дзёвкъявны ва веркёсас: сійо волом медбörъяясь выныштылома кулігас.

Тәрый воськовъясон воалісны ныvbабаяс кианыс чери керан поййон да пуртён, аскодныс вайисны туисъяс, ведраяс, весиг сов тыра гёрдторъяс. Воломкө, Турбылевыс коралома чери керисъясос и көсийысьома сетны уджаломсыс чери пöкнексө. Ёді пöкыд мукöдыс кыскö 80–100 граммодз. А сәки, война дырыиыд, тшыг йозыдлы сэтшом сёяныд кё шедліс, волі ыджыд шудён. Став черисоs весалісны-меститісны, нуисны кытчоқө.

Тувсов ытвааяс дырыиыс Эжов тыыс ётлаасълö Прöсyt колас виссянныs Эжва юыскöд. Эжовсалён став виддзыs лолö ва улын, дыс ставнас сунлö-купайтчö. Важкуа видзяссянь Тодöдз и мёдлапöвса став сёныs, чери олан став гоптыs зэв бура купайтчасны-сöстöммöдчасны тувсов ванас, мыськаласны став нюйтмөминъяссö, ван восьтыласны во гёгёрнас вийöрмыштöм-быгалыштöм морöссö, пыркни-тасны унзильсö да бара овмöдчасны выль олёмён, став ловъя лолыс тшöтш, кызды ичотик потоп бöрын. Ты катыдсыs Важкуа Чомуv видзяссö оидлö яг дорышöдзыs, босытлö вöр веретя нырдъяссö, а кор Красной куръяыs польдчас, сёй ты катыд помас, вавыс сунöдас став вутш, бадь йывъяссö, сәки Эжов тыыs тшöтш лоö визула, си вывтö быттьö зэв видчысъёмён, ньёжийник кутасны кытвыны ягъяссыс мынём-лэптысъём пу кырсы, кос увъяс, вöр ёгыс, кос турун кlöкъяс. Гырысь ытваа воясö пöшти быд джуджыдджык гоптö кольчылö уна чери, торъя нин, другджык кё шливкнитас-мунас ытваыс. Сёй воясас и Эжов тыыs бура вежас-сöстöммöдас ассыыs васö и бура тöвий кыз ий-лым улас, оз пöдлыв.

Ва ямём бöрас мыччысяс кёдзыд васьыs мездмöм нэриник на веж турун. Шоныд зэръяыs мыськасаны-пожъяласны ытваён кольём нюйтсö, и туруныs тэрмасьёмён кутас быдмыны-пуритны, быттьö увсянныs иёткёны шондиланыыs. Сэсся кутас быд тёв пöльыштöмись гыавны-павъявы, а вильыш тёлыс ышмö-котралö том небыд турун йывъяс вывтöыs, малалö дзоридзяссö, кузьджыка нюждöчоминъяссö гартö-дзугö, личкö му бердас. Сэтшоминъяссö ытшигагад некымыныс лоö керыштны, вештыштöмён орöдны дзугöминъяссö – ытшигагад оз позь кольны видз вылад орöдтöм турун идзтö, киподтуйтöмён, идöртöмён шуасны ытшикысътö.

Страда вылад петтö-дзыд зэв кузя нин нюждöчö бур видзяяс (оидлан видзяяс) вылад туруныд. Прöсyt, Вытевой, Мёдлапöв сёнъястi он вермы прöйтитныtö турун пöвсттöыs. А челядь-

Эжовса войтыр турун каригён. 1971-од во.

Анфиса Максимовна Козлова. 1957-й во.

рад ваявны юръястö, чöйтны косён-бурён. Бригадирыд чукостас нывбабаясöс юртö ваявны. Верстö мортыд босытас нёсилатö водзын, а бöрас, нёсила потш помас, ми öтикас кутчысям кыкён, джёмдалам-довъялам, но нуам: асынм збыльясь кылам ас сайсынм ыджыд польза, отасаям, кöть тадзи на сöмын вермам, сабри пинь-пыкётö котрёдлам, поньталан ньёртö.

Сиктса челядьыд удж бердад водз сибалёны, ичöt арлыдён. Сиктыс сïё ачыс и эм челядь быдтысыыс, быдторий велöдьысыыс, сиктын быдмём мортлон олём подулыс да вежёрсö сёвмёдысыыс. Война кадся челядьылды этша и колис содтöд велöдмёмыс да тшöктöмёмыс, сы вöсна мый сиктса уджыс ачыс туйдис да индалис, мый да кыдзи коло вöчны, сёвмёдис челядьлысь олан сямсö да кыпöдис бур ловкылём. И онi, дыр олём, быдтор аддзылём да вöчём бöрын, сïё кадыс эз вушый сёлёмысси ни паметьыссы, зэв мörччана кольёма сïё кадсыыс. Миян пыр мунис ставыс. Гашкё, тайё ловкылёмис и кутис миянлысь поколениесö лёкмёмыссы, морттуй воштöмёмыссы, сетис зумыд олан подув, отсалис ёся вежортны олёмиссыстав петкöдчöмсö.

Миян пыссы кодъяскö велöдчалисны, да найёс индисны уджавны босытöм специальноссть сертиыс гортсыныс бокö, конi колис налён уджыс. А унджыкыс кольччисны сиктö, уджалисны, лöссиöдисны семья, быдтысисны, нуöдисны водзö сиктса олёмсö, поль-пöчён подулалём олёмсö, бать-мамлыссы бурсиöмсö пыдди пуктöмён. Война бöрас Эжолö лэптисны том йöзыс öкмис выль керка.

Менам быдмиг-верстяммиг Эжов сикт олис на нэмъясён инё-артö босытöм да пыдди пуктана оланногнас. Видз-му уджалысь крестьянылён колхозъяс котыртöм бöрад этша мый вежисис уджас – сöмын уджалисны колхозын да колхозлы, мынтисны гырыссы поставкаяс да вот весиг дас вит соткаа усадьбасыс. А уджыс коли важыс: гöрны-кöдзны, вундны-вартны да уна скöтöс видзны-дöзбörитны.

Нэмöвойся олан руыс чорыда нин пуксёома крестьянин вежöрад: водз асыв шондыыскöд тшöтш чеччины да шондi пуксёом бöрас дыр мысти на ыджыд мудзсö веськöдны водны.

Асывводзнад, некодён повзьöдлытöминад, кыдзи Эжолын, сиктыд садымö ыбкай зильгöмö, став лэбачыслён öтилаö солькнитчöм сыылёмö, кёклён лывкйöдлём

ыд вöлi вöв куталiгъясад воштам öта-мёднымöс, весиг юр чукъянсны оз тыдавны, и вöвъяс пыддиыс сэссе асынмёс корсям-горзам.

Унасыс артмывлiс сïдзи, мый öта-мёдöс чуксалiг-корсигкостi вöвъяс саймотчылiсны, пыш-йывлисны миян шумыссы, и миянлы, юр кыскавны индём зон-поснилы, ковмывлiс локны видзъяс вылö подён, кыдз шулласны, «няр юрён». Мыжасыс воам чöттыссыдорö. А поводдяыд оз виччыссы: коло зорёд до-

даяыд оз виччыссы: коло зорёд до-

горő. Сиктад быд керка, жытник лёссын волі сырчик, пышкай поз. Ләбачьясыд позъявлісны скöt сиавтөминъясад весиг усадьба турунаджык боръясад.

Сиктса олём-вылём шыясыс асывсянъыс кыпöдöны ловтö: коса ләчтöм, скöt (мös, ыж) баксом, петук чукассыом – ставыс висыталö сиктад тыр-бур олём йылысы. Мича волі видзöдны быд асывводз мös стадалыс сикт кузялаыс нюждöчмөн муномсö да рытнас йирсянинъыс бёр локтöмсö. Кartaад узьём-шойччом борад асывнас тайтöяс восьласаоьс, ниртчоны öта-мöд динас, пошъёвтласны, весиг пондыласны люкасыны. А рытнас – локтöны ставныс лунтыръя ыджыд удж бöрын – восьлалыны тэрмасытöг, лутим-латым, öта-мöдсö панъяйтöг, таляллыны водзын мунуыссысыслöн кок туйö, рöмидзтöны, вайоны уна йöв. Ыджыд йöла мösсяслöн зэвтчомаоьс вöраясныс, йöлыс нёньсыс быд воськовтig чилькнитö вöснүыдик струяён.

Гашкö, и уна скöt вöснаыс, а, гашкö и, сы вöсна, мый сиктыс пукалö ты берег вылын, гожёмнад Эжолын пыр волі зэв номъя. Но йöзыс эз элясълыны. «Номтöм гожём оз овлывлы. Номъя во – няня во, – шуасны волі олёмаджык йöзыд. – Быдёнлён аслас оландыр да кад. Ставыс Енлён сетёмтор». А бать миян некор эз вилы номтö, волі повзьодас, чуньнас вештыштас дай: «Мый сийös виан? Сийö и ачыс зэв регыд кулö-бырö. Илля лунöдз и нюжалö сёмын нэм помыс», – шуыштас волі.

А Илля лун борад нин сиктад волі ставыс кыпыд лолён олёны: нянь воё. Торъя нин шоныд гожёмъясад. Пыр ёнджеека паськалö зарни вевийыс рудзöг-ид муяс вылад. Турыштö шептysыс, ньёжийоникöн кутас нёрны муланыс ас сьюкта-сыс. Сиктын синöдys вежсö – öвтыштö нянь кёрён. Радлö крестьяниныдлон сёйлёмис, кыпалö лолыс... Матыстчö вундан кад.

И тадзи быд во. Уна, уна во... кытчöдз видз-му уджалыс мортыд эскис асlyс, кылис муыслыс быд вörзьём, быд лолыштöм.

Но олёмис гудрасис быд ног, и выль чужысъ йöз эз кутны аддзыны крестьянской олёмислышс водзö мунан-гижтыссян визьсö, мёдисны воштыны кокув муыслыс зумыдлунсö. Сиктыс быттö шатовмунис, эз кут вермыны веськёдчынысö... Сэсся сэтшöмён и коли... Оз нин лёзав пöлözнича, лунö бана муясыс шунмисны, нюрсмунисны-ропмунисны, ыбкай эновтis гортём-кёдзтöм муястö...

Сиктын оня олысъ йöзлө эм мый казытынвны поль-пöч да бать-мам олёмись. Öта-мёдсö пыдди пунктöмён олисны сиктын. Лёк вылас эз синны, а бурыслысъ гёйгроисны донсö, эскисны бурас да зилисны вужйöдны олёмас.

Танi колö шуны, мый Великой Отечественной война кадö чужан мусö дорийны Эжолысъ мунис 57 морт, на пиын волі и нывбаба. Воисны бёр гортаныс 23 морт. Пасъя и сийös, мый ичёттик грэздысъ петис öти поэт, кык учёной, дас сизим велёдьсъ да вылыс образованиеа квайт морт.

Мария Удоратина

Удоратина Мария Алексеевна, старший сотрудник Литературно-театрального музея им. Н. М. Дьяконова. Мария Алексеевна активно занимается пропагандой коми литературы, театрального искусства, изучает историю Слободы – Эжвы, постоянно выступает в средствах массовой информации: телевидении, радио, газетах.

Работы Удоратиной не раз публиковались в научных журналах. Результатом её работы стал выпуск научных трудов: сборник историко-этнографических заметок «Слобода – село на столбовой дороге» (2003 г.), книга «И. В. Коданёв «Любимый уголок. Рассказы. Зарисовки. Сказки» (2003 г.), историко-литературный альманах «Слобода – Эжва. Страницы истории. События. Факты. Люди» (2008 г.), «Призвание – театр» (2010 г.).

Жизнь и сцена

(к 100-летию со дня рождения Н. М. Дьяконова)

За годы работы в музее, который носит имя этого незаурядного человека, несколько раз приходилось слышать фразу: «Да кто такой этот Дьяконов? Проставился своей «Свадьбой с приданным», а больше ничего стоящего не создал». Так могут рассуждать люди несведущие, знавшие о Н. М. Дьяконове только понаслышке.

1920–30-е годы прошлого века дали коми культуре целую плеяду талантливых поэтов, писателей, актёров. Яркой, неординарной личностью, стоявшей у истоков профессионального коми театра, был Николай Михайлович Дьяконов – лауреат Государственной премии СССР, заслуженный артист РСФСР, народный артист Коми АССР, заслуженный деятель искусств Коми АССР, актёр, режиссёр, драматург, педагог.

В метрической книге 1911 года сохранилась запись о том, что 28 марта в семье православных крестьян погоста Усть-Вымь Михаила Александровича и Серафимы Петровны Дьяконовых родился сын, наречённый именем Николай. Обряд крещения был совершён в тот же самый день, 28 марта. По новому стилю 28 марта соответствует 10 апреля, но сам Н. Дьяконов во всех документах в графе «дата рождения» указывал «28 марта 1911 года».

Известного драматурга уже давно нет в живых, но каждый год день его рождения отмечается именно в этот день, 28 марта. И это остаётся неизменным.

Последыш у немолодой уже четы Дьяконовых (матери, Серафиме Петровне в ту пору было под 50, отцу и того более) оказался очень слабеньkim, часто болел. Иногда казалось, что жизнь в маленьком тельце вот-вот угаснет. И тогда отчаявшаяся мать падала на колени перед иконой и молилась за спасение младшенько-

го.* И Николенька выжил. То ли молитвы матери помогли, то ли судьбой ему было предназначено прославить своё имя и оставаться в памяти народа.

«Восьми лет меня решили послать в школу... но проучился я недолго. Мой отец не очень-то верил в пользу образования, и в семье так уж повелось, что дети кончали два-три класса, а потом бросали школу и шли работать по крестьянству. А мне пришлось стать ямщиком».

(Из воспоминаний Н. Дьяконова).

Село Усть-Вымь (по-коми Емдін) издавна располагалось на пересечении торговых дорог, через него проезжало много разного люда. Одним из видов заработка здесь было ямщичество. Большинство семей, имеющих хотя бы одну лошадёнку, занимались перевозкой пассажиров до ближних и дальних сёл и деревень. Небольшой денежный доход от такого вида деятельности уходил на уплату налогов и недоимок.

Отец мальчика, Михаил Александрович, держал на своём подворье двух лошадей, и кроме работы по хозяйству, пока был в силах, также занимался ямщицтвом. Десятилетний Коля заменял отца «на облучках», стал ямщиком.

«Шубёнка на мне облезлая, валенки прохудившиеся. Чтобы не замёрзнуть, вожжами привязывался к саням и бежал за лошадью, потом прыгал в сани немножко отдохнуть. Замёрзнув, снова бежал».

(Из воспоминаний Н. Дьяконова).

Бег за подгоняемой лошадью в 30-градусный мороз сослужил болезненному в раннем детстве Коле добрую службу: закалил физически, сделал сильным и выносливым. В течение восьми лет он гонял «ям», как говорили в народе, закалял не только тело, но и характер. В дороге шустрый и любознательный парнишка практически безошибочно научился распознавать людские характеры, что в будущем, уже в его сценической жизни, пригодилось в работе над той или иной ролью, в поиске персонажей для новых пьес.

Много повидавший на своём веку, Михаил Александрович рано ушёл из жизни, но оставил о себе добрую память. «И швец, и жнец, и на дуде игрец», он и в детях своих воспитывал любовь к труду.

Николай Михайлович во многом был похож на своего отца. И не только внешне: такой же сухопарый, небольшого росточка, но и характером: так же горяч, импульсивен, но добр и справедлив. Люди, хорошо знавшие Дьяконова, до сих пор вспоминают о его удивительной щедрости и простоте. Он последнее готов был отдать ближнему, а коль в кармане появлялась лишняя копейка, то тут уж гуляла вся округа.

От отца же Дьяконов унаследовал ещё одну черту характера – умение всё делать своими руками. Уже будучи горожанином, он мог и дом поставить, и туесок или корзиночку смастерить, и в домашнем хозяйстве всё починить.

Серафима Петровна прожила более восьмидесяти лет. Её не стало в 1943 г.

* В семье Дьяконовых родилось одиннадцать детей, но ввиду большой детской смертности выжили только шестеро: Михаил – 1898 года рождения, Степан – 1900 г.р., Прокопий – 1901 г.р., Мария – 1902 г.р., Анна – 1904 г.р., Николай – 1911 г.р.

Дорога Н. Дьяконова в театр немногим отличалась от дороги первых профессиональных артистов коми театра. Началом всему была сельская художественная самодеятельность.

Во второй половине 20-х годов почти повсеместно в Коми крае стали организовываться комсомольские и пионерские ячейки и отряды, во многих сёлах открывались самодеятельные драматические кружки. Привыкший быть помощником для своих родителей, ведь старшие к тому времени уже оперились и стали самостоятельными, Коля Дьяконов сначала сторонился ребят, вступающих в пионеры. Может быть, он считал это дело пустым развлечением, а, может, просто не хотел быть как все. Но однажды кому-то из друзей – мальчишке удалось заманить его в клуб, где драмкружковцы repetировали какую-то антирелигиозную пьеску. Ему предложили сыграть роль чёрта. Юркий, небольшого росточка, Коля Дьяконов успешно справился с ролью. После удачного дебюта оторвать его от клуба было невозможно. Он стал активным участником драмкружка.

Прозвище Артист, данное селянами Николаю Дьяконову, в какой-то степени тоже повлияло на его дальнейшую судьбу. Мысли о сцене всё чаще посещали юношу, но сказать об этом кому – либо он не смел, вдруг засмеют.

В 1929 году его назначили заведующим клубом. И было ему в ту пору всего 18 лет, но то были годы, когда и в шестнадцать могли командовать полком.

В 1930 г. его отправили на курсы пропагандистов в Сыктывкар.

По окончании учёбы Н. Дьяконов был назначен бригадиром молодёжной бригады лесозаготовителей и культработником на Ибскую тракторную базу в Усть-Вымский район, затем переведён штатным секретарём комсомольской организации в Кылтовский лесопункт.

Как-то раз в поселковый клуб с концертной программой приехала бригада артистов молодого коми театра. Они искали талантливых ребят из глубинки. По их совету Н. Дьяконов подал заявление на театральные курсы.

Ранней весной 1931 года, преодолев пешком путь из Усть-Выми до Сыктывкара, Н. Дьяконов пришёл на занятия. Руководил курсами режиссёр русского театра Л. С. Ходырев. Именно Ходырев увидел в молодом Дьяконове задатки режиссёра. Уже во время занятий будущие артисты ставили небольшие одноактные пьесы.

Завершив учёбу на краткосрочных театральных курсах, Н. Дьяконов стал артистом Коми инструктивно-передвижного показательного театра под руководством В. А. Савина.

Но уже совсем скоро над головой основателя коми театра Виктора Савина начинают сгущаться тучи. В 1931 году в театр пришёл первый коми профессиональный режиссёр Б. П. Семячков, а в 1932-ом на посту художественного руководителя В. Савина заменил В. П. Выборов, закончивший режиссёрское отделение Ленинградского техникума сценических искусств.

О значимости коми театра в истории театрального искусства республики сказано и написано в разные годы немало, но оценить всё то, что им (театром Савина) было сделано, всё равно невозможно, потому что история театра – это часть истории самого коми народа. Бесконечные дороги, постоянные разъезды по деревням, сёлам, лесопунктам, сплавным участкам; концерты, спектакли, вечера. Пожалуй, не было такого места в республике, куда бы не приезжала бригада артистов

передвижного театра. Их ждали, их приезд был праздником для жителей разбросанных по огромной территории северного края населённых пунктов.

Для Н. Дьяконова год работы в КИППТе стал следующим этапом к профессиональному театру.

В 30-х годах назрел вопрос о профессиональной подготовке актёрских кадров для молодого коми театра. Для дальнейшего развития национальной культуры искусства республики нужен был настоящий, а не полупрофессиональный коми театр.

В 1932 году объявили набор в национальную студию Ленинградского театрального училища. Среди кандидатов на учёбу был и Николай Дьяконов.

«Помню, приехал я в Ленинград в день испытаний.

Вхожу в помещение института прямо с дороги, поднимаюсь по мраморной лестнице, грязный, с запылённым чемоданом, а кругом зеркала, ковры, мягкая мебель.

Ребята схватили меня и, как был, втолкнули в комнату, где сидела приёмная комиссия. Понятно, какое ошеломляющее впечатление произвёл я на членов комиссии...»

(Из воспоминаний Н. Дьяконова).

Специальные предметы студенту Дьяконову давались без особого труда. Отлично успевал по мастерству актёра, ритмике, танцам, сценической речи. А вот русский язык, вернее грамматика, давалась с трудом. Уже будучи профессиональным драматургом, Николай Михайлович жалел, что не пришлось ему в школе освоить азы грамматики. Орфографические словари стали надёжными помощниками в работе.

Большую работу в сфере профессиональной подготовки будущих артистов для коми сцены сделали преподаватели Ленинградского театрального училища, и особенно неизменный руководитель коми студии – заслуженная артистка РСФСР Н. И. Комаровская. Хорошим уроком для ребят стали не только занятия в стенах училища, но и посещение театров, музеев; встречи с известными мастерами сцены.

Кроме актёрского мастерства, теории драмы и других обязательных предметов Н. Дьяконов с удовольствием посещал занятия по режиссуре. Уже со второго курса он сам пробовал ставить спектакли. Замыслов на будущее было много: хотелось играть на сцене, ставить спектакли, пробовать себя в драматургии.

С багажом полученных знаний, с думами о настоящем профессиональном театре Н. Дьяконов вместе со своими товарищами вернулся в родной Сыктывкар. На дворе стоял 1936 год – юбилейный для республики, 15 лет автономии. Хорошим подарком театру в честь юбилея стало новое здание Дома культуры им. А. С. Пушкина.

После возвращения в Сыктывкар Н. Дьяконова зачислили в театр актёром первого положения. В первый же год работы в театре ему пришлось играть в пьесах, ставить спектакли.

В 1936–1937 годах в репертуаре Коми республиканского драматического театра было 14 спектаклей, три из которых – «Егор Булычев и другие» А. Горького,

«Чудесный сплав» В. Киршона и «Слуга двух господ» К. Гольдони – дипломные работы выпускников Ленинградского театрального училища. Молодые артисты были заняты почти во всех спектаклях.

Буквально с первых же шагов на профессиональной сцене Н. Дьяконов проявил себя как яркий, самобытный актёр. Его сценическое обаяние было огромным. В любой роли, главная она или эпизодическая, он был неподражаем, неповторим, запоминаем: Труфальдино в «Слуге двух господ», Карандышев в «Беспринаднице», Трофим в пьесе «Макар Дубрава» А. Корнейчука и Аркаша Счастливцев в «Лесе» А. Островского и в других.

Художественным руководителем Республиканского драматического театра во второй половине 30-х годов прошлого века был русский режиссёр Н. Д. Станиславский. Он, как в своё время Л. Ходырев, увидел в молодом артисте способность к режиссуре и предложил постановку двух спектаклей: «Чужой ребёнок» по пьесе Шкваркина и «Очную ставку» Тура и Шейнина. Эти спектакли вошли в репертуар театра.

В 1938 году в селе Объячево открылся первый в республике колхозно-совхозный театр, созданный из числа участников художественной самодеятельности. Вновь созданному театру срочно нужен был художественный руководитель из числа профессиональных артистов. Поехать в Прилузье предложили Н. Дьяконову. Соглашаться или не соглашаться – так вопрос не стоял. Недолго раздумывая, Дьяконов собрал свой нехитрый скарб и отправился в дорогу. Начинать на новом месте практически с нуля, конечно же, было непросто. Но не такой он был человек, чтобы бояться трудностей. Первым спектаклем, поставленным молодым режиссёром на сцене колхозно-совхозного театра, стала комедия Дэля «Музикантская команда», были и другие работы. В течение нескольких месяцев коллектив театра вместе со своим руководителем ездили по южным районам республики, радуя жителей деревень, сёл, лесопунктов, но Н. Дьяконову в срочном порядке пришлось вернуться в Сыктывкар. Его ждала другая работа, а на его место в Объячево поехал Иван Аврамов.

В репертуаре Коми драмтеатра в середине 30-х годов XX века не было ни одной новой национальной пьесы. И хотя все спектакли ставились на двух языках – русском и коми, переводные пьесы уже не удовлетворяли ни артистов, ни тем более, зрителей. Все понимали, что театру срочно нужны свои оригинальные пьесы на родном языке. Именно ему, Николаю Дьяконову, как и другому талантливому коми актёру Степану Ермолину, пришлось после В. А. Савина, попавшего в 37-ом под сталинские репрессии, принять заботу о создании нового национального репертуара и стать ведущим драматургом на долгие годы.

Вернувшись из Объячева, Н. Дьяконов начал работу над своей первой пьесой «Джуджыд запань» (Глубокая запань).

«Сделал наброски, но чувствую, что с коми языком мне не сладить. На помощь пришёл артист Степан Иванович Ермолин. В соавторстве с ним мы потом написали шесть пьес. Все они были поставлены в театре».

(Из воспоминаний Н. Дьяконова).

За относительно небольшой срок (конец 1930-х – начало 1940-х годов) Н. Дьяконов с С. Ермолиным написали: «Глубокую запань», «Вороны», «Домну Каликову», «Усть-Куломское восстание», «Мужество».

Немалый успех и симпатию зрителей вызвала драма «Домна Каликова» о героине гражданской войны, погибшей от рук белогвардейцев. Поставленная в театре на второй год Великой Отечественной войны пьеса Дьяконова и Ермолина, также как их ранее написанная историческая драма «Усть-Куломское восстание», стала своеобразным призывом к мужеству и стойкости, вере в Победу.

Уже в 1939 году Николай Михайлович Дьяконов был принят в Союз писателей СССР.

Последней совместной работой двух коми драматургов стала пьеса «В дни войны», поставленная на сцене в 1945 году. Дальше их пути в драматургии разошлись, каждый стал работать самостоятельно. В том же 45-ом году театр поставил ещё одну пьесу Н. Дьяконова «Герой» – о подвиге Героя Советского Союза Н. В. Оплеснина.

Не стоит забывать, что кроме создания пьес в этот период Н. Дьяконов очень плодотворно работал как режиссёр, много ставил сам. До войны он закончил в Москве трёхмесячные режиссёрские курсы. Только за 5 лет работы в театре, с 1940 по 1945 годы, им, кроме своих пьес, поставлены следующие спектакли: «Мой сын» Гергеля и Литовского, «Слуга двух господ», «Забавный случай», «Путаница» и «Хозяйка гостицы» К. Гольдони, «Фронт» А. Корнейчука, «Кремлёвские куранты» Н. Погодина, «Домик в Черкизово» А. Арбузова, «Вынужденная посадка» М. Водопьянова и другие.

1 курс театральной студии, руководитель – Н. Дьяконов. 1944 г.

и вошли в его «золотой» фонд. Как драматург, написал 18 пьес, 6 из них – в соавторстве с С. Ермолиным.

В годы войны в Коми республиканском драматическом театре бок о бок работали два творческих коллектива – артисты русской и национальной трупп. Русской труппой, состоящей в основном из эвакуированных артистов, руководил большой мастер и прекрасный режиссёр, человек высокой культуры Геннадий Александрович Мирский. Руководство же коми труппой в 1943–1947 годах осуществлял Николай Михайлович Дьяконов. Разные по характеру, они тем не менее стали друзьями и единомышленниками. Влияние русских мастеров сцены благотворно сказывалось на профессиональном росте молодых коми актёров. В

Таким образом, режиссёрская деятельность, как и работа над пьесами, стала одной из главных направлений в творчестве Дьяконова. Как режиссёр он поставил 73 спектакля, многие из которых стали этапными в развитии коми театрального искусства

масштабных спектаклях часто были заняты артисты и национального, и русского театральных коллективов.

Военные годы, когда значительная часть актёров ушла на фронт, действительно стали для Н. Дьяконова самыми напряжёнными. Он успевал ставить спектакли, сам продолжал играть на сцене, был постоянным участником концертных программ во время частых гастрольных поездок, вёл большую преподавательскую работу.

В 1943 году под руководством Н. Дьяконова при театре открылась студия, где он давал уроки актёрского мастерства. Со студийцами также работали художественный руководитель русской труппы Г. Мирский, русский актёр Н. Шамраев, лучшие артисты театра.

Ученики Н. М. Дьяконова по театральной студии заняли ведущее положение в театре. Им впоследствии были присвоены высокие звания народных и заслуженных артистов России, Республики Коми. Это Г. П. Лыткина, М. А. Красильников, Э. А. Попов, К. М. Леканова, Л. Ф. Ильчуков, Г. Д. Горчаков и другие.

За большие заслуги в развитии театрального искусства в 1945 году Николаю Михайловичу Дьяконову было присвоено почётное звание народного артиста Коми АССР. Это была высокая оценка его воистину титанического труда.

«Несмотря на максимальную нагрузку, не переставал вынашивать замысел новой пьесы. В ней мне хотелось показать колхозную деревню, так непохожую на ту, что я запомнил с детства... Материал накапливал по крупицам, писал с увлечением. Ведь прототипами были реальные колхозники, которых встречал. Да и сама обстановка после такого трудного испытания, как Великая Отечественная война, требовала разрядки, вселяла бы уверенность в людях в период восстановления народного хозяйства».

(Из воспоминаний Н. Дьяконова).

В феврале 1949 года в журнале «Войны в кодзув» (Северная звезда) была напечатана пьеса Н. М. Дьяконова «Свадьба». Жанр – лирическая комедия. Сюжет пьесы прост – история сватовства колхозного бригадира к девушке-бригадиру соседнего колхоза. Замысел пьесы родился у автора во время пребывания в одной из коми деревень, где он стал невольным свидетелем любовного свидания, во время которого парень делал предложение, а девушка отказывала – не хотела идти в отсталый колхоз.

На сцене Коми республиканского драматического театра новую пьесу Н. Дьяконоваставил известный коми актёр и режиссёр П. О. Мысов, который включил в спектакль свои интересные режиссёрские находки, например, элементы коми свадьбы. Премьера спектакля «Свадьба» на коми языке состоялась в марте 1949 года и вызвала большой интерес у зрителей. Уже тогда дьяконовской пьесе многие пророчили большое будущее.

На всероссийском конкурсе советских драматургов, проходившем в 1949 году в Москве, пьеса Н. Дьяконова получила высокую оценку и была рекомендована к постановке в других театрах страны.

Авторизованный перевод дьяконовской комедии сделал московский драматург Анатолий Глебович Глебов. В переработанном варианте образы некоторых

героев несколько изменились, как изменились и их имена: Сергей Орлов стал Максимом Орловым, Ирина Степанова – Ольгой Степановой, из двух комических персонажей, Лукерья и Похлебкина, получился один образ – Лукерья Похлебкиной. В новом варианте образы стали ярче, сложнее, язык богаче, исчезла некоторая схематичность, но вместе с тем пьеса полностью утратила свой национальный колорит. В переводе Глебова пьеса стала называться «Свадьба с приданым».

Премьера спектакля «Свадьба с приданым» в постановке Б. Равенских на сцене Московского театра Сатиры состоялась 12 марта 1950 года. Это был настоящий успех! Искушённому всякими зрелищами московскому зрителю комедия понравилась. Она привлекала насыщенностью действий, яркими мизансценами, озорством исполнителей, юмором, музыкальностью. Специально для этого спектакля Равенских привлёк двух известных композиторов, Б. Мокроусова и Н. Будашкина, которые в соавторстве с поэтом А. Фатьяновым сочинили несколько песен. Лирические песни «На крылечке твоём» (дуэт Ольги и Максима) и «Хвастать, милая, на стану» (куплеты Курочкина) впоследствии разошлись по стране, звучали с эстрады, по радио, пелись повсюду.

Постановка Б. Равенских в Театре Сатиры стала мощным толчком для продвижения дьяконовской пьесы в другие театры страны. Не было, кажется, такой республики или города, где в театре не шла «Свадьба с приданым». Но чаще всего эти спектакли были точной копией московской постановки.

Вторую постановку «Свадьбы с приданым» на сыктывкарской сцене осуществил в 1950 году сам Николай Михайлович Дьяконов. Несколько изменился состав актёров, исполняющих главные роли. На этот раз Максима Орлова играл Иван Аврамов (в первом варианте Степан Орлов – артист Е. Михеев), Николая Курочкина – Михаил Красильников (в «Свадьбе» – В. Леканов), роль задорной Любы Бубенчиковой исполнила молодая актриса, недавняя выпускница III театральной студии и ученица Н. Дьяконова (как и М. Красильников) Галина Лыткина.

В 1951 году пьеса Н. Дьяконова в постановке Московского театра Сатиры (как и автор лирической комедии) получила Государственную (в то время Сталинскую) премию. В 1953 году на экраны страны вышла художественная кино картина, снятая на киностудии «Мосфильм».

Сегодня многие задаются вопросом, почему, казалось бы, крайне бесхитростная пьеса с незатейливым сюжетом получила такой небывалый резонанс, стала столь популярна в народе. Может, это исключительно заслуга А. Глебова и Б. Равенских. Первый сделал удачный перевод, второй воплотил это на сцене. Роль этих людей в истории со «Свадьбой с приданым» никто не оспаривает, но не стоит забывать о том, что уже в первой постановке на сцене Коми драматического театра пьеса была очень тепло принята зрителем, а на всероссийском конкурсе драматических произведений она получила высокую оценку комиссии.

Н. М. Дьяконов был одним из первых среди драматургов, кто обратился к жанру лирической комедии. Пьеса получилась жизнеутверждающей, а герои близки и понятны всем. Устав от войны и потерь, от тяжёлого быта и непосильной работы, люди увидели в лирической комедии какой-то просвет, надежду на будущее. И это явилось для автора самой высокой оценкой его работы.

Следует признать, что «Свадьба с приданым» Н. Дьяконова стала своеобраз-

ной стартовой площадкой для расцвета коми национальной драматургии и выхода её на всесоюзную сцену. Вслед за ней поистине народное признание получили пьесы других начинаяющих коми драматургов: «Сельские вечера» В. Леканова, «Свидания у черёмухи» А. Ларева. В коми драматургию пришли новые талантливые авторы.

Кроме присуждения Государственной премии СССР Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 января 1951 года Николаю Михайловичу Дьяконову было присвоено почётное звание «Заслуженный артист РСФСР».

Спустя 35 лет, в апреле 1984 года, герои дьяконовской «Свадьбы с приданым» вновь ожили на сцене Коми республиканского драматического театра. На этот раз сценическую редакцию и постановку спектакля осуществил ученик Николая Михайловича, выпускник III коми театральной студии, заслуженный деятель искусств РСФСР Эраст Алексеевич Попов. В октябре 2005 года «Свадьбу с приданым» в Академическом театре драмы им. В. Савина поставил режиссёр Николай Корчаков. Зрительские мнения, как и мнения критиков, по поводу новой версии известной комедии были неоднозначны. Кому-то спектакль понравился, кто-то его не принял всерьёз, но то, что пьеса, написанная 60 лет назад, продолжает жить, говорит само за себя. Лирическая комедия Н. М. Дьяконова «Свадьба с приданым» прошла испытание временем и стала классикой советской драматургии.

В 1936 году вместе с Н. М. Дьяконовым Ленинградское театральное училище закончила и его будущая жена, Татьяна Пунегова. Вскоре после возвращения в Сыктывкар молодые поженились.

Ещё в годы учёбы они вместе играли в спектакле «Слуга двух господ» К. Гольдони, Дьяконов в роли Труфальдино, Пунегова – Смеральдина. Режиссёром-постановщиком спектакля был преподаватель по сценическому движению и помощник Н. И. Комаровской – Ян Борисович Фрид. На сыктывкарской сцене эту постановку осуществили в 1937 году.

Молодая актёрская пара с упоением работала на сцене. В 1938 году, когда Дьяконова назначили художественным руководителем Объячевского театра, Татьяна поехала вместе с мужем, играла в его спектаклях, ездила с ним по деревням, лесным участкам.

Вскоре у них родилась дочь Роза, и, казалось, ничего не предвещает беды. Но в одну из очередных гастрольных поездок ребёнка на время пришлось оставить на попечении старшей сестры Николая Михайловича, Анны. Неожиданно девочка заболела и буквально за несколько дней угасла. Молодая семья не выдержала такого испытания, брак распался. Чтобы хоть как-то заглушить боль потери маленькой дочери и разрыв с женой, Николай Михайлович с головой окунулся в работу: играл на сцене, писал пьесы, ставил спектакли.

Долгие годы он оставался один, пока в его жизнь не вошла прекрасная женщина, ставшая для Николая Михайловича не только спутницей жизни, но и настоящим другом, соратником по работе. Мария, так звали эту хрупкую молодую очаровательную женщину с красивыми тёмными глазами. В свои неполных 30 лет она уже многое успела пережить.

Машенька Елфимова, так же, как и Николай Дьяконов, родилась в многодетной крестьянской семье (только на 10 лет позже) 14 апреля 1922 года. Её дет-

Николай Михайлович и Мария Степановна Дьяконовы.

ство прошло в родной деревушке Сёйты, что в 30 километрах от Сыктывкара. В 10 лет девочка лишилась матери, когда ей исполнилось тринадцать, не стало и отца. После смерти матери она переехала к старшей сестре в город. Здесь закончила семилетку и поступила в педтехникум, на школьное отделение. Успешно сдав вступительные экзамены во II-ю коми театральную студию, осенью 1938 года с группой таких же молодых юношей и девушек поехала учиться в Москву, в Государственный институт театрального искусства им. Луначарского. В первые месяцы войны вместе со всеми рыла окопы на подступах к столице, сбрасывала с крыш зажигательные бомбы. В сентябре 1941 года их эвакуировали в Сыктывкар. Учёбу студийцы заканчивали уже здесь. В 42-ом молодые артисты пополнили труппу Коми драмтеатра.

Вчерашней студентке, а ныне артистке театра Марии Елфимовой, Николай Дьяконов в то время казался большой величиной коми теат-

ра. Разве могла она, молоденькая актриса, предположить, что уже через несколько лет судьба их вновь сведёт, и она будет женой этого человека. Нет, не могла. А пока в самые трудные голодные годы, годы войны, ей предстояла работа в Усть-Куломском колхозно-совхозном театре, первое замужество (её первый муж артист Николай Белых), потеря любимого человека, смерть ребёнка, их с Николаем дочери. Судьба, казалось, испытывает её на прочность. Она оказалось сильной, эта маленькая хрупкая женщина.

Два важных события произошли в жизни Николая Дьяконова в марте 1950 года (счастливый для него месяц – март!): его «Свадьбу с приданым» поставили на сцене Московского театра Сатиры, и любимая женщина, которая как Ангел Хранитель вошла в его жизнь, согласилась стать его женой. Ей в ту пору было 28, ему – 39 лет.

Сказать, что их брак был безоблачным, значит, сказать неправду. После того, как к Дьяконову пришла всесоюзная известность, много разных людей хотели побывать в лучах его славы. Такие горе-друзья оказали драматургу медвежью услугу. Он пристрастился к спиртному. Одному богу известно, сколько сил и терпения понадобилось его жене, чтобы вытащить мужа из трясины.

Оставив (практически подарив городу) прекрасный дом, построенный в Сыктывкаре после присвоения драматургу Сталинской премии, Мария Степановна и Николай Михайлович в начале 1956 года уехали в Ялту. Напряжённая работа в течение многих лет и алкоголь подорвали здоровье, ему требовалось длительное лечение.

Перемена обстановки, морской воздух, отсутствие негативных факторов в жизни и, наконец, присутствие рядом близкого человека благоприятно сказались не только на его физическом состоянии, но и улучшили душевное равновесие, дали новые силы.

Осенью 1957 года Дьяконовы вернулись в Сыктывкар.

Через 12 лет совместной жизни судьба подарила им первенца. 26 октября 1962 года у Марии Степановны и Николая Михайловича родился их долгожданный и единственный сын Павел. Через полтора года семья получила благоустроенную квартиру в новом строящемся посёлке Эжва. К этому времени Николай Михайлович уже не работал в театре, но продолжал писать пьесы. Мария Степановна как могла помогала мужу, давала дружеские советы, редактировала и переписывала тексты. Она была опытным журналистом, членом Союза журналистов СССР. «Три богатыря», «Квартет Николая Курочкина», «Букет с берегов Эжвы», «Золотой медальон», «В кукушкину ночь» («Незабудочка») – все эти пьесы были

написаны Дьяконовым уже после ухода из театра.

И ещё об одной стороне жизни этой творческой пары хотелось бы вспомнить. Они никогда не стремились к богатству, жили всегда очень скромно. Духовные ценности (особенно книги) и работа стали для них дороже всяких материальных благ. С появлением сына их потянуло к своим корням, природе. Каждый год на лето семья Дьяконовых стала приезжать на родину Марии Степановны, в деревню Сёйты. Здесь были живописные места, чистый воздух. В первое время снимали комнату у одного из деревенских жителей (родительский дом Марии Степановны к тому времени уже был в распоряжении сельского Совета, в нём размещался детский сад). Николаю Михайловичу же очень хотелось иметь свой собственный уголок в деревне. Стойматериалами помог совхоз «Сыктывкарский». Маленький щитовой домик, больше похожий на летнюю кухню, собирали с помощью местных жителей.

Культпросвет училище, 1 курс. 1956–57 гг.

деревню Сёйты. Здесь были живописные места, чистый воздух. В первое время снимали комнату у одного из деревенских жителей (родительский дом Марии Степановны к тому времени уже был в распоряжении сельского Совета, в нём размещался детский сад). Николаю Михайловичу же очень хотелось иметь свой собственный уголок в деревне. Стойматериалами помог совхоз «Сыктывкарский». Маленький щитовой домик, больше похожий на летнюю кухню, собирали с помощью местных жителей.

«Поставили наш домичек на стыке двух озёр, в местечке Венор, с надеждой, что ветер будет разгонять тучи сёйтинских комаров. Прекрасное лето провели там. Деревенские хозяйки по пути на сенокос снабжали нас молоком. Любимым семейным увлечением стала рыбалка. Я тоже была заядлой удильщицей, пожалуй, более ревнительной, чем мои мужчины».

(Из воспоминаний М. С. Дьяконовой).

Со временем домик подняли в саму деревню. Внутри оборудовали рабочий уголок, провели электричество, вокруг дома посадили деревья. Почти полгода (с конца марта до конца сентября) Николай Михайлович проводил в Сёйтах. Рыбачил, ходил в лес за грибами, постоянно что-то мастерил. Когда приходило вдохновение, подходил к пишущей машинке и начинал набирать текст очередной пьесы. Пожалуй, такие моменты были самыми счастливыми в его жизни. У него было ещё много задумок: хотелось как можно быстрее завершить работу над

Интерьер (рабочий уголок) Н. М. Дьяконова.

ное и невозможное, чтобы память об этом человеке осталась в сердцах людей. В 1989 году в Эжвинском районе г. Сыктывкара открылся музей, который носит его имя – литературно-театральный музей имени Николая Михайловича Дьяконова. Мария Степановна ушла из жизни в сентябре 1995 года, и похоронена рядом со своим именитым мужем на городском кладбище. В той самой квартире, которую Дьяконовы получили в Эжве, сегодня проживает их сын Павел со своей семьёй.

Есть такие люди в искусстве, интерес к жизни и творчеству которых не только не угасает, а с годами возрастает. К их числу относится и Николай Михайлович Дьяконов.

23 июня 1989 года в память об именитом драматурге открыл свои двери и принял первых посетителей уникальный в своём роде, единственный в республике литературно-театральный музей. Сегодня музей является хранилищем материалов о коми театре и театральных деятелях Республики Коми, центром пропаганды театральных, литературных и других видов знаний.

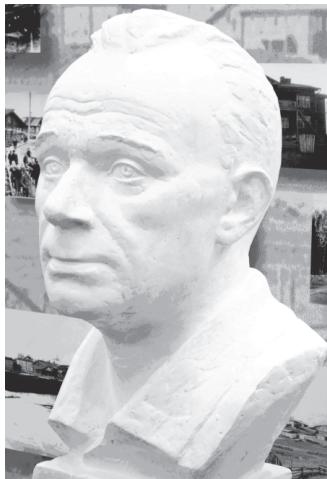
Идея создания музея зародилась в 1985 году, когда театральная общественность и жители республики готовились отметить 75-летие со дня рождения Н. М. Дьяконова. Уже тогда был разработан проект будущей экспозиции, начался сбор материалов.

Открыть музей решено было в Эжвинском районе г. Сыктывкара, где Николай Михайлович проживал последние 20 лет жизни.

С 1995 года Литературно-театральный музей им. Н. М. Дьяко-

новой лирической комедией «Нивушка-нива». Пьеса очень понравилась главному режиссёру Республиканского драматического театра И. Аврамову, который сам хотел взяться за её постановку и ждал, пока автор закончит комедию. Но, увы. Тяжёлый недуг нарушил все планы. 21 ноября 1982 года Николая Михайловича не стало. Мария Степановна после смерти мужа сделала всё возмож-

*Бюст Н. М. Дьяконова. Гипс.
Скульптор – А. Неверов.*

«История театров Республики Коми» определяют основной профиль музея и являются его визитной карточкой.

Сегодня фонды музея насчитывают более 10 тысяч экспонатов. Основная часть – архивы коми актёров и драматургов: Н. М. Дьяконова, В. Д. Леканова, С. И. Ермолина, И. Н. Кривошеина, Н. Н. Шамраева, И. И. Аврамова и С. С. Ростиславиной, Э. А. Попова, В. М. Йщенко, А. Г. Зина, коллекции программок, афиш, фотографии по истории драматического театра, театра оперы и балета, национального музыкального драматического театра. При подготовке первой театральной экспозиции в 1990 г. для интерьера к спектаклю «Свадьба с приданым» был сделан сбор экспонатов – одежда и утварь конца 1940 – начала 50-х годов. Этнографическая коллекция пополняется и теперь.

Постоянно пополняется фонд декоративно-прикладного искусства. Основные коллекции – работы народного мастера по берёсте, лауреата Государственной премии РК Михаила Степановича Кочева и его учеников.

В выставочном зале проходят временные выставки, на которых посетители знакомятся с работами вятских, каргопольских, сольвычегодских мастеров. Особой популярностью пользуются выставки эжвинского мастера по дереву Евгения Петровича Шабалина.

Всевозможные конкурсы, викторины, театрализованные праздники, театральные и литературные вечера, литературное объединение «У камелька», издание книг по истории театра, истории Слободы, о ветеранах Эжвы – неотъемлемая часть деятельности музея.

нова является муниципальным учреждением культуры и по своему профилю относится к музеям комплексного типа.

При музее действует этнографический отдел и мемориальная мастерская известного на всю республику народного мастера Михаила Степановича Кочева.

Экспозиционно-выставочная площадь здания – 150 кв.м. Экспозиция первого зала раскрывает жизненный и творческий путь Н. М. Дьяконова, материалы второго зала знакомят посетителей с историей театров Республики Коми, третий зал – выставочный. В холле музея работает постоянная этнографическая выставка – интерьер коми избы. Представленные на данной экспозиции предметы крестьянского быта, домашняя утварь, посуда, рассказывают о жизни слобожан в конце XIX – начале XX веков.

Постоянные экспозиции «Жизнь и творчество Н. М. Дьяконо-

Фрагмент экспозиции. Места, где жил и работал Н. М. Дьяконов.

Николай Дьяконов

Дьяконов Николай Михайлович (1911–1982) чужис Яренск уездса Емдін сиктын (Вёлётгда губерния).

1936 воян Ленинградса театральой институт помалём бöрын уджало Коми Республикаса драмтеатрын. Ворсö, пуктö спектакльяс, гижö пьесаяс: «Джуджыд запань» (1938), «Кырнышъяс» (1938), «Домна Каликова» (1939) да с.в.

Ёна нимёдис драматургöс 1949 воян гижöм «Свадьба» пьесаис. Роч вылö вуджöдöм гижöд серти (вуджöдьысыс – А. Глебов) пуктисны «Свадьба приданнйён» спектакль. Пьесасö и спектакльсö вылö донъялисны – септисны СССР-са Государственной премия. Тайö гижöд сертиыс лöсъёдисны кинофильм.

1969–80-öд воясö драматург гижö: «Күим багатыр», «Эжва дорса букет», «Зарни медальон», «Нивушка-нива» да мукöд пьеса.

Н. М. Дьяконовлы септима «РСФСР-са заслуженней артист», «Коми АССР-са народнней артист» ним.

Күим действиа лирической комедия

В О Р С Ы С Ъ Я С:

ВАСИЛИСА ПАВЛОВНА – «Искра» колхозса председатель, 40 арёса.

ИРИНА – сылон ныв, бригадир, 20 арёса.

АВДЕЙ – звеньевой, 72 арёса.

КУРОЧКИН – звеньевой, 20 арёса.

ГАЛЯ – Василисалён ныв, 16 арёса.

ПИРОГОВ – «Заря» колхоза председатель, 45 арёса.

ОРЛОВ – бригадир, 24 арёса.

СИЛАНТИЙ – звеньевой, 68 арёса.

ЛЮБА – звеньевой, 18 арёса.

МУРАВЬЁВ – агроном и партбюроса секретарь, 24 арёса.

МИШКА – колхозник, 16 арёса.

ЛУКЕРЬЯ – колхозница, 45 арёса.

ПОХЛЁБКИН.

Колхозникъяс да колхозницаяс.

ПЕРВОЙ ДЕЙСТВИЕ

Первой картина

Василисалён керка пытшкёс. Пызан. Некымын улёс. Пач дорын дзужгё самёвар. Пызан сайын пукалё Лукерья, сылён киас колода карті. Ошинь дорын гитараён ворсö Курочкин. Галя ноксьё самёвар дïнын. Тöвся рыт.

КУРОЧКИН (съылёр).

Кён нё ветлан, мича нылук?
Тэнö виччыся ме дыр.
Он кё лок тэ, дона мусук,
Сылём потас пырысь-пыр.

Гётрася, Лукерья Власовна! Ей бог, гётрася!
ЛУКЕРЬЯ. Збыльысь дай?

Галя петё мёд комнатаб.

КУРОЧКИН. Дерт жё!

ЛУКЕРЬЯ. Хе, хе, хе... Кодёс нё вайнысö кёстян?

КУРОЧКИН. Ирина Степановнаös!

ЛУКЕРЬЯ. Но?..

КУРОЧКИН. Да!..

ЛУКЕРЬЯ. Свадьба, сідзкё?

КУРОЧКИН. Пир, Лукерья Власовна!

ЛУКЕРЬЯ. Сиа тэныд шуд да гажа олём!

КУРОЧКИН. А ёд мича ме, Лукерья Власовна?

ЛУКЕРЬЯ. Мый нин и шуан!

КУРОЧКИН. Кызд тэ чайтан, Лукерья Власовна, мунас ме сайё Ирина, али оз?

ЛУКЕРЬЯ. Татшом молодеч саяс?

КУРОЧКИН. Веськыда кё шуны, Лукерья Власовна, нывъясыд менё ёна радиётёны.

Воё Галя.

ГАЛЯ. Оз тыдав мыйкё...

КУРОЧКИН. Мый оз тыдав?

ГАЛЯ. Радейтёмыс, мися.

КУРОЧКИН (съылёр).

Менам ыджыд нежной сълём.
Оз ылод менё некор дзик!..
Тра-ля-ля-лям, тра-ли-ля-ли-ля.
Тра-ля-ля-ля, тра-ля-лям!
Но кён нё Иринаыс, Галя?

ГАЛЯ. Партию выло мунис мамёкёд.

КУРОЧКИН. Вот оз везит! Сийос виччысигён сълёмой менам кёдзалац.

ГАЛЯ. Мыйла кёдзалас?

КУРОЧКИН. Съёлёмой менам, Галочка, барометр кодь: мича поводдя дырый – ёзйё, омольтчас кё – кусё.

ГАЛЯ. Мун сэтысь, ог гёгёрво ме тэнё.

Гала петё комнатаё.

КУРОЧКИН. Лукерья Власовна, кыдз мен заводитнысö?

ЛУКЕРЬЯ. Мый заводитныс, зарниёй менам?

КУРОЧКИН. Но, гётрасьом йывсыыд...

ЛУКЕРЬЯ. Хе, хе, хе... Но ладнö нин... Кыдз сийё локтас, ме сылы свадьба гадайтышта...

КУРОЧКИН. А ме тэныд сы пыдди витёс пасыйшта!

ЛУКЕРЬЯ. Ог гёгёрво...

КУРОЧКИН. Вит трудодень.

ЛУКЕРЬЯ. А!.. Пасыйшт, пасыйшт...

КУРОЧКИН. Ме, Лукерья Власовна, и дасёс верма пасыйны.

ЛУКЕРЬЯ. Оз позь...

КУРОЧКИН. Мыйла?

ЛУКЕРЬЯ. Казяласны...

КУРОЧКИН. Съёлышт! Бригадир кё нин менам гётырён лоас!..

ЛУКЕРЬЯ. Лоас, лоас... Хе, хе, хе... Ме нин старайтчышта...

Пырё Гала.

ГАЛЯ. Курочкин!

КУРОЧКИН. Мый?

ГАЛЯ. Юрад по тай тэнад тёв шутълялёр...

КУРОЧКИН. Коди шую?

ГАЛЯ. Ирина.

КУРОЧКИН. Мед. Состомджык лоас.

ЛУКЕРЬЯ. Хе, хе, хе... Состом юрнад и мёвпыштыштё кокниджык.

Пырё Ирина.

КУРОЧКИН. А мый чёртсö мёвпалан?

ИРИНА. А!

ГАЛЯ. Кёдзыд?

ИРИНА. Тёлיס лёк – вундёмён вундё. Пёсь чай эсько, Гала.

ГАЛЯ. Регыд пузяс.

КУРОЧКИН. Дона бригадирлы привет...

ИРИНА (*кёдзыда*). Мый тан вёchan?

КУРОЧКИН. Коди?

ИРИНА. Шуам, тэ.

КУРОЧКИН. Вон гоститны... Тэ абу гортын... гажтём...

ИРИНА. Гажёдыштам...

ЛУКЕРЬЯ (*небыдика пуктало картіяссö пызан вылö*). Свадьба тіянлы, Ирина Степановна.

ИРИНА. Кодлы сійö миянлысö?

ЛУКЕРЬЯ. Хе-хе-хе... тэныд – королькёд...

ИРИНА. Кутшом королькёд?

ЛУКЕРЬЯ. Червонной...

КУРОЧКИН. Либ...

ЛУКЕРЬЯ. Час тöдмалам...

ИРИНА (*нюмъёвтис*). Некутшом свадьба оз ло.

КУРОЧКИН. Свадьба лоас!

ЛУКЕРЬЯ. Сідзкё, масленича дырый и справитам...

КУРОЧКИН. Любой кадö!

ИРИНА (*Курочкины*). А тэ мый радлан?

КУРОЧКИН. Но кыдз жö мен не радлыны? Гётрасьё Николай Курочкин!

Ирина сералö.

ГАЛЯ (*видзёдö картi вылö*). Картi вылас брюнет уси, а тэ кодi?

КУРОЧКИН (*тшана*). Блондин.

ИРИНА. Рыжой блондин.

КУРОЧКИН. Ах, со кыдз? Эг виччысь, эг виччысь...

ИРИНА. Мый эн виччысь?

КУРОЧКИН. Ме тöда, кодi тайö брюнетыс.

ИРИНА. Кодi нö?

КУРОЧКИН. Сергей Орлов, «Заря» колхозысь.

ИРИНА (*мечтательной нюмъёвтис*). Гашкё, и Орлов...

КУРОЧКИН. Мый нö сійö Орловыс?

ИРИНА. Но, Курочкин, тэ, буракё, абу садь?..

ЛУКЕРЬЯ. Ирина Степановна, а öд Коляыс абу шыбитана зон...

ИРИНА. Нинём ог шу.

КУРОЧКИН. И мича!

ИРИНА. А вот тайö нин вывтi...

КУРОЧКИН (*сыылö*).

Менам ыджыд нежнöй сьёлём

Оз ылöд менö, некор дзик...

Сэтчö жö, век менö шуан «Муса Коляой»!

ИРИНА. Тайö вöлi ичётдырии на...

ЛУКЕРЬЯ (*разёдö картiсö*). Мый сьёлём вылас... Бара сійö жö королыыс...

КУРОЧКИН. Но, дерт жö! Дзонь во бöрсянъыс вöтлышсöy!.. Видзёдлой: юрси по кудриа, вылын морёса!

ЛУКЕРЬЯ. Неприятность кутшомкё...

КУРОЧКИН. Неудачной свадьба бöрын – юксём.

ИРИНА. Некутшом свадьба оз вермы лоны... А коркё кё и лоас... Ог тöрйöдчы...

Курочкин мунö öшинь дёрö. Ирина топöдчис пач динö. Синъясыс сылён öзйёны, ачыс быттьö небзис-сылiс, чужёмыс гöрдöдiс.

КУРОЧКИН (*небыдика*).

Любви, надежды, тихой славы
Недолго тешил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как дым, как утренний туман.

Кутшом ло́сьыда шуёма...

ЛУКЕРЬЯ. Коді нё ло́сьыдасö шуис?

КУРОЧКИН. Александр Сергеевич.

ЛУКЕРЬЯ. Хе, хе, хе... Ох нин тайö, Александр Сергеевич... Енмой менам, и варовитö жö... Войдёрлун менö «турнепсён» нимтis! Кывлнныд тi? «Турнепсён»!

ИРИНА (*сералö*). Мыйысь нё?

ЛУКЕРЬЯ. Сы вösна, мый сюрса лы висьём понда удж вылö эг вермы петны да...

ИРИНА. Тэ код йылысь сiйö?

ЛУКЕРЬЯ. Агроном йылысь.

ИРИНА. А сiйö – Пушкин йылысь.

ЛУКЕРЬЯ. Откодь!

КУРОЧКИН. Но, дерт жö: öтиыс – поэт, а мёдыс – агроном...

ЛУКЕРЬЯ. Мун сэсь.

КУРОЧКИН (*гораа*). Ирина Степановна, неужели ме...

ИРИНА. Ланьт, Коля!

КУРОЧКИН (*пöся*). Меным варовитны окота!

Кост.

ГАЛЯ (*горёдö*). Самёварыс пышийö!

КУРОЧКИН. Кытчö?

ИРИНА. Пузис? (*Курочкинлы.*) Тайö тэ вösна, рыжик.

КУРОЧКИН. Юся, юся пöимöдз!..

Пырёны Василиса да Авдей.

ВАСИЛИСА (*стрёга*). Идрав картiтö, Лукерья, видзöдны ог вермы. (*Курочкинлы.*) А тэ мый юртö öшöдiн?

КУРОЧКИН. Контузитисны менö.

ВАСИЛИСА. Коді нё?

КУРОЧКИН. Брюнет.

ВАСИЛИСА (*пöрччысъö*). Кутшом брюнет? (*Авдейлы.*) Пуксы, шонтысь, Авдей Спиридонович.

КУРОЧКИН. Кызь нёль арёса брюнет. «Зарясянь» гымётis.

ИРИНА. Юр вемыс сылон ёгоссёома.

ВАСИЛИСА. Весалам.

ЛУКЕРЬЯ. А?.. Ужнайтышты дай паччёр вылö...

ГАЛЯ. Водзö пыравлы, Лукерья тьёт.

ЛУКЕРЬЯ (*мёдёдчö*). Дерт жö, дерть жö. Кытчö нё сэсся ми вок кодь грешной йозыдлы сетчинысö...

АВДЕЙ. Грешитнытö, Лукерьюшка, и гортад позьё.

ЛУКЕРЬЯ. Ме бур вёсна ветла.

АВДЕЙ. Бурыс ѡд удж бёрся вётчö. А пöръясым бёрсяыд лёк котралö...

ЛУКЕРЬЯ (*мунігмозыс броткө*). У... пöрысь выжыв... (*Мунё.*)

ИРИНА. Но, а онi, дона жёникпү, сёрнитыштам веськыда.

КУРОЧКИН. Ставыс гёгёрвоана...

ИРИНА. Но!.. А партбюро вылас мыйла эн вёв?

КУРОЧКИН. Ме?

ВАСИЛИСА. Тэ сийös картi вылö вежин.

КУРОЧКИН. Ме абу партийнöй.

ИРИНА. А Авдей Спиридович?

ВАСИЛИСА. Пöрысь морт, а локтi.

ИРИНА. И тэнö корлiсны. ѡд тэ кёзянн-звеньевой.

АВДЕЙ. Кызд нö он лок, кор сёрниыс мунö урожай кыпöдöм йылысь. Секретарыс вывтi нин тёлка – ыджыд съёлöма морт. Неважён на миянö воис, а ставсö нин удитöма тёдмавны.

ВАСИЛИСА (*Курочкины*). А тэ гадайтчысъяскöд пукалан!

ИРИНА. Лодыръяскöд нювсян!

ВАСИЛИСА. Водзö некодкöд няньчитчыны огö кутö.

ИРИНА. Мый корсъёны, сийös и аддзасны.

ВАСИЛИСА. Авдей сылi вылын пукалан, пиукöй.

КУРОЧКИН. Ме пукала?

ВАСИЛИСА. А кодi нö тэнö вердö?

КУРОЧКИН. Мый, ме омоль урожай быдтi?

ИРИНА. Уна-ö?

КУРОЧКИН. Ёкмыс центнерён босътi.

ИРИНА. А Авдей Спиридович кызь центнерён.

КУРОЧКИН. Ме сылысь ог кор.

ИРИНА. Кынёмтö тув йылö он ёшёд. (*Пёся.*) Тырмас нин коньёрнад овны!

Абу нин кага!

КУРОЧКИН (*чеччиштiс*). Бригадир ёрт!..

ИРИНА. Но бригадир, а водзö мый?

КУРОЧКИН. Тэ менö оскорбитiн!

ИРИНА. Оскорблайтчынысö быд ѹй вермас, «менам дона Колюкóй». Велöдчыны колö, овладевайтны агротехнической культурой, босътны опыт бур урожай быдтысъяслысь. Мед эсъкё не сёмын Авдейлён звено йылысь славаыс мунiс, а став бригадаыс юргис! Гёгёрвоин, жёник?

КУРОЧКИН. Тэ менö, Ирина Степановна, оскорбитiн, но регыд гёгёрвоан, мый сэтшöм Николай Курочкиныс!

Тшапа петö керкаясь.

ВАСИЛИСА. Вётлыны ковмас.

ИРИНА. Сийö, дерт, абу съокыд.

ВАСИЛИСА. Кутшöм сийö звеньевой?

ИРИНА. Звеньевойён некод оз чужлы.

ВАСИЛИСА. Пёрччысъ, Авдей Спиридонович, пёсь ва юыштам.

АВДЕЙ. Аттьё, Василиса Павловна... Горшой збыльысь косьмыштіс... дай и кынёмой көдзалыштіс. (*Пёрччысъ.*)

Василиса лэптö самёвар. Галя вайё чашкаяс. Ирина мёвпалігтырии мунё öшинь дорö.

ГАЛЯ. Мый нё чёв ланьтін?

ВАСИЛИСА. Кыв босытіс самёвар. Кылан, кыдзи сылло?

АВДЕЙ. Шуд водзын.

ГАЛЯ. А кор омлялло?

АВДЕЙ. Синва водзын.

ГАЛЯ (*серёктö*). Абу збыль. Тёрыйт омляліс, а ме кык трудоденъ получиті.

ИРИНА. Галя, сійё Курочкины омляліс.

АВДЕЙ (*юё*). Гашкё, и Курочкины.

Öшинь сайын кылло баянён ворсом. Ирина дрёгмуніс, блюдайыс пёлынътчис, да вавыс күтіс ньёжйөнікөн визувтны пызан вылло.

ВАСИЛИСА (*видзёдö Ирина вылло*). Мый тэкёд, Ирина?

ГАЛЯ. Баян!

ВАСИЛИСА. Кутшом баян?

ГАЛЯ (*видзёдö öшиньёд*). «Заряса» зонъяс гуляйтёны!

ИРИНА. Ой!..

ГАЛЯ. А?

ВАСИЛИСА. Мый?

ИРИНА. Тайё Сергей!..

ГАЛЯ. Жёникизд?

ИРИНА. Мун сэтысь, йой!..

ГАЛЯ. Миянпырёны!

ИРИНА. Ме пышъя! (*Чеччиштö пызан сайсянъ.*)

ВАСИЛИСА. Пуксы, абу ѡд көинъяс.

Ирина пуксьё. Пырёны Пирогов, Орлов да Силантий. Ставыс бур пасъкомаёсъ,
Орловлён морёс вылас баян.

ПИРОГОВ (*копрасъё*). Дона да ставён уважайтана көзяйкалы, а сідзжё и миян красавицалы, Ирина Степановналы, колхозной пёсь чолём!

ГАЛЯ. А меным?

ПИРОГОВ. А тэныд кык ыджа! (*Сералё.*)

ВАСИЛИСА. Аттьё тіянлы, дона гостъяс...

ПИРОГОВ. Торъя нин тіянлы, Ирина Степановна, копрасъё миян бригадир – Сергей Николаевич Орлов.

ИРИНА. Пуксьёй, Сергей Николаевич... Лоёй гостъён...

ОРЛОВ. Зэв ыджаид аттьё, Ирина Степановна.

ГАЛЯ (*Ириналы*). Корасьны воисны?

ИРИНА (*гусьбёникён*). Мун.

ПИРОГОВ. Ещё копрасъё уважайтана Силантий Романович.

СИЛАНТИЙ (*малыштис тошсө*). Желайта, Василисалы... эсийё... и Ириналы... Сийё жё... и ставныслы сийё... кызд сийё... добра здоровье, кызд шуласны...

ВАСИЛИСА. Пройдит водзё, Силантий Романович.

ГАЛЯ (*Ириналы гусьён*). Эн гордёд.

ИРИНА (*йөткыштө гырддзанас*). Ланьт, мися.

ВАСИЛИСА. Кутшом тёлён нин миян муссё, Семён Иванович?

ПИРОГОВ. Нылыдён, Василиса Павловна, нылыдён.

ВАСИЛИСА (*гусьён*). Галя!

ГАЛЯ. А?

ВАСИЛИСА. Винала!

ГАЛЯ. Ладнё. А мый, мамё, збыльысь корасьны воисны?

ВАСИЛИСА. Збыльысь. Которт вай.

ГАЛЯ. Öти здукён. (*Котёрён мунё*).

Ыджыд кост.

ОРЛОВ (*Пироговлы*). А водзё мый?

ПИРОГОВ. Да чёртыс мед... Но да, аддзам мыйкё...

ВАСИЛИСА. Кутшома овлан, Семён Иванович?

ПИРОГОВ. Аттьё... Лун да вой... Кадыс лэббё... Кёдзны лёсьёдча...

ОРЛОВ (*тувкё гырддзанас*). Но, мыйла кёдзём йылысь?

ПИРОГОВ (*ðöзмё*). Эн тэрмась... Матытча...

ВАСИЛИСА. Сідз, сідз, Семён Иванович... (*Мунё занавеска дорор.*) Ирина!

Ирина локтё сы дінё.

ИРИНА. Мый, мамё?

ВАСИЛИСА. Мый нё тэ, он гёйрво али мый?

ИРИНА. Гёйрвоа...

ВАСИЛИСА. Сідзк... пасьтась да пуксьёд гёстьястё пызан сайё.

ИРИНА. Дзик пыр. (*Мунё комнатаё. Ёшинь сайын кылё гудёкасъём.*)

ОРЛОВ. Семён Иванович!

ПИРОГОВ. Да эн тэ öшав менам лов вылын.

Пыро Мишка, а сы бёрын том ўёз.

ОРЛОВ. Но вот, радуйтчы!..

ПИРОГОВ. Гажаджык лоас.

МИШКА (*гусьённикён том ўёзлы*). Сергей Орлов Иринаёс коравны воёма!

НЫВ. Збыльысь дай?

МИШКА. Галя висьталіс.

ПИРОГОВ (*нетыштис уссё*). Василиса Павловна... (*Мытшасис.*) Вот...

Кост.

Куритчыны позьё?

ВАСИЛИСА. Курит, курит, мый сэн юасян.

ПИРОГОВ. Курит, Сергей! Силантий Романович, куритчы! Куритчой, том йөз!

Пачка тыртёммис.

ОРЛОВ. Заводит, пока сийё абу.

ПИРОГОВ (*кыскис носöвик, чышкыштис плешиш да, уссö дернитём бöрын, заводитис*). Василиса Павловна!.. Сергей Николаевич, кызд ти тёданныд, – миян колхозын знатной морт! Ме эськё шуи – водзын мунысь морт! Öти кывйён – бур бригадир! Арлыда нин... война би пыр мунис...

СИЛАНТИЙ. Морös тыр орденъяс!

ПИРОГОВ. А прамойджык пöдруга абу... Хе, хе, хе!.. Пöдругатöг нö кутшöм олöм, ачыд артышт, Василиса Павловна...

ВАСИЛИСА (*гöрдöдыштис*). Гёгрвоа...

СИЛАНТИЙ. Сийё... Орёл!

ОРЛОВ. Силантий Романыч!..

СИЛАНТИЙ. Абу збыль али мый?

ПИРОГОВ. Збыль, збыль. Мода-мёднысö кё радейтöны... нинёмла и сьёлёмъяс-нысö косытыны.

СИЛАНТИЙ (*зэв гораа*). Гашкё, ладмёдчам?

ВАСИЛИСА. Ог тёд...

Пырё Галя, а сы бёрся зэв уна йөз. Галя парта винасö пыртö комнатао. Йөз шöпкöдчöны: Галя, буракё, став йывсыыс висьталёма.

Выйтì жаль... Ки вылын новлöдлi... юкталi, вердi... (*Синсö чышкыштö*.)

АВДЕЙ. Мам сьёлёмыд – сийё абу из... Сэтчö жö и бригадир... да ешö кутшöм бригадир!..

СИЛАНТИЙ. Авдей Спиридоныч.. Донаой тэ менам... Оз жö öд пыр невеставны кут Иринасы...

АВДЕЙ. Сидзтö сидз...

ВАСИЛИСА. Мый нö... Мода-мёдсö кё радейтöны, мед ачыс решитас... торк-ны ог кут.

ОРЛОВ (*пöся*). Кыв шутöг, радейтам!

Локтö Ирина, сийё поднос вылын вайё вина да закускаяс.

ВАСИЛИСА. Ирина, Сергей Николаевич корё тэнсыыд согласа кыв.

Кост.

ИРИНА. А кызд тэ?

ВАСИЛИСА. Сьокыд меным, нылукöй... да мый сэн... Любовыс донаджык менам кывыйсы.

ИРИНА. Ме...

ОРЛОВ. Сийё соглас!

ИРИНА. Тэ мыйлакё вывті увереннёя...

ОРЛОВ. Съёлёмён кыла!..

ИРИНА (*дыыр видзёдö Орлов вылö*). Да, тэ прав.

Йёз пёвстын шум.

ПИРОГОВ. Пызан сайё! Авдей Спиридоныч, тэнүд, кызд медся пöрысь мортлы, ковмас тыртны стöкансю!

АВДЕЙ (*съёкыда лолыштöм бöрын*). Но, мый нö, тыртам инöсь...

ПИРОГОВ (*лэптö стöкансö*). Чокнитчамой! Пöсь радейтчомсö йитам курыд вайон да сиам томъяслы кузь нэм да гажа олём!

Юёны.

МИШКА. Эк, чёрт!.. Кутшöм бригадирös юисны!.. (*Сералёны.*)

НЫВ. Да ешö приданнöйтöг! (*Сералёны.*)

МИШКА. Кывлинныд! Наташа со приданнöй лöсьюдö! Эн сёrmöй гётрасынтыö, зонъяс!

ЛЮБА. Мый сераланныд? Да ми приданнöйтöгис и колхозö ог лэдзö!

МИШКА. Код нö тадзсö сёrnитö?

ЗОН. Любa!

МИШКА. А!.. Гёгöрвоа...

ЛЮБА. Мый?

МИШКА. «Заряыс» гольмёма! «Искра» вылын озырмёдчыны кöсийёны!

Ёна сералёны. Орлов чеччиштис, но Пирогов сiёös пуксюдö бöр. Ирина нюмъялö.

ЛЮБА. Йёвтö вом дорсыд чышкышт!

МИШКА. Мыйла? Ми йёв пытшкас купайтчам да!

ПИРОГОВ. Тырмас пинъястö кеслыны! Кутшöм ешö сэн приданнöй? Абу öд ми грабительяс! Нылыс мед вöлi бур да мича, а сэн нин ставыс аслас местаö пуксяс.

АВДЕЙ. Абу приданнöйыс жаль... бригадирыс...

ПИРОГОВ (*тэрмасьёмён*). Но, ладнö, нинöм сэсся больгыны: сёrnитчома, винаён кörтыштöма и пом.

СИЛАНТИЙ. Гажтöм кыдзкö приданнöйтöгис... кыдзкö быттьё...

ОРЛОВ (*сувтö*). И збыльыс, Силантий Романыч, приданнöйтöг кутшöм свадьба? Ме кöсъя, мед вöлi свадьба! Ыджыд свадьба!

ИРИНА. Приданнöй кöсъян?

ОРЛОВ. Да, приданнöй! Но кутшöм приданнöй? Выль пöлös сiёö миян! Мед приданнöйыс оз гольмёд тьёщаös, а мёдарö – озырмёдö став колхозтö!

Йёз пытшкын шум.

МИШКА. Кызвыштам...

ИРИНА (*волнуйтчö*). Интереснö...

ОРЛОВ. Быдтой сё пудъя урожай став колхознад – со тіянлы и приданной!

ИРИНА. Мый, мый?

МИШКА. Чорыдақодъ лёсыштіс!..

ОРЛОВ (*тшапа*). Невесталён бригадаыс – сё кызь пудйон быд гектарысь!

МИШКА. Эстшом бригадирөс пышйодёны да ешё сё кызь пудйон?

НЫЙ. Миян нянь вылын пируттың көсийоны! (*Гораа сералоны.*)

ИРИНА (*сералігмоз*). Гашкө, позяс юавны öти вопрос, дона жөнік?

ОРЛОВ. А кызд жё...

ИРИНА. А кызд тіян көзяйствоныд?..

ОРЛОВ. Көзяйство?

ИРИНА. Да, көзяйство? Ме тан пара вёлён гуляйті.

ОРЛОВ. Тройка вылёт пуксьода!

ИРИНА. Збыль дай?

ОРЛОВ. Ошысыны от куж.

ИРИНА. А урожайтö уна-ö көсъян босытны аслад бригадаён?

ПИРОГОВ. Колхоз...

ОРЛОВ. Сё пудйон. Менам бригада – сё кызь витён!

ИРИНА. Менам бригада быдтас сё комынёс!

ОРЛОВ. Ме от кольччи!

Йөз костын шум.

АВДЕЙ. Ок, кызд гымыштісны! Весиг чардби быттьё югнитіс!

ПИРОГОВ (*кутё Сергейёс*). Кытчо тэ?..

ИРИНА (*серало*). Кызд нё тэ, донаой менам, татшом урожайсö көсъян быдтыны? Важ ногён уджалан! Агротехника вылёт съолалан, а сёрнитан бур урожай йылысь!

ОРЛОВ. Тэ нё йоймин али мый?

ИРИНА. Абу збыль?

ОРЛОВ. Лёж.

ИРИНА. Менам муяс вылын нёльёд во нин семиполка, а тэ трёхполкасö эн вермы лөсьюдны. Квайтöд во од нин Сьод шор дорад ид кёдзан.

АВДЕЙ. Ид кёдз...

ИРИНА. А быдмонаы василекъяс.

Ставыс сералоны.

ОРЛОВ (*дзикёдз пузис*). Но, тайё нин...

ИРИНА. Мый нё ме тіянын вочнысö кута? Василекъяссыыс венокъяс кыны али мый?

АВДЕЙ. Мый ен сетьштас, сійос и курыштасны...

ИРИНА. Ме тэнё чайтлі серьёзной мортон, а, вёлёмкө, весьшорё ошысысь!

ОРЛОВ. Да и ме тэ йылысь мёд ногён мёвпалі.

ИРИНА. Мишка!

МИШКА. Мый?

ИРИНА. Ворс наалы марш! (*Пышайис комнатаё.*)

МИШКА. Радпрысь!

Мишка ворсö. Пирогов, Орлов да Силантий мунёны. Ставыс гораа сералёны.

ГАЛЯ. Мамё.

ВАСИЛИСА. Мый?

ГАЛЯ. Иринаыслён ставыс-ё юрас?

ВАСИЛИСА. Узыны кад... Мун вод.

Ирина воё комнатысь да котёрён петё ывлАО.

Ирина! Ёти шаль кежысь петіс кытчёк... Мый нё лоис, Авдей Спиридоно-вич?

АВДЕЙ. Мисьтёма артмис... Оні найё став район пасътаяс звёнитны кутасны, быттьёк ми приданийысь повзим... Позор! Гётрасясын ли, оз ли найё, а приданий ми лосьбадам, да сэтшомёс!.. Мед став «Заряыс» ахнитас!

ВАСИЛИСА. Приданийыс бур, но съокыд... Ой, съокыд...

АВДЕЙ. Да мый нё ми, никёмъяс али мый? Чукорт собрание! (*Йёз дінё.*) Мый чөв оланыц?

МИШКА. Да ме... да ми!..

АВДЕЙ. Но мый тэ?

МИШКА. Дроб жугала!

АВДЕЙ. А ме изийё пёрчча!

Котёрён пырё Курочкин.

КУРОЧКИН. Шубоны, приданий пё кульыштисны?

ВАСИЛИСА. Да ёшт кутшомёс!..

КУРОЧКИН. Василиса Павловна, Ирина менё оскорбитіс, но ме ог лёгась. Менам звено быдтас сё пудъя урожай!

ВАСИЛИСА. Кыссы вылоджык, тан сё ветымын йылысь сёрнитёны.

Курочкинёс быттьё кодкё ытшыштіс, сійё ләдзчысьё пидзёс вылас.

КУРОЧКИН. О, енмой!.. Кутшом выгоднё оні гётрасыны!..

АВДЕЙ. Сувт!

КУРОЧКИН. Мый сувт?

АВДЕЙ. Сувт кок йылад!

КУРОЧКИН. Мыйла кок йылассё?

АВДЕЙ (*горёдё*). Сувт! (*Курочкин сувтё.*) Меным сизимдас кык во, но ме, дона пиукёй, кора тэнё соревнуйтчины! (*Аплодисментъяс.*)

З а н а в е с.

Мёд картина

Муравьёвён квартира. Сійё кажитчо лабораторияён: стенын ёшалоны уна пёлёр экспонатыяс, пызанъяс вылын – ныйдкыд ящикъяс да посныдык мешокъяс. Пельбосын этажерка. Веськылладорас – комнатао пыран өдзös. Некымын улёр. Рыт. Джодж шёрын кык ящик. Ящикъяс костын пукало том морт. Сійё ичотик беддьён гудрасьё то ёти ящикас, то мёдас. Кодкё стучито өдзösас.

МУРАВЬЁВ. Да, да!

Ньюжийоникён воссё өдзös, порог дорё сувтö Ирина.

ИРИНА. Александр Сергеевич...

МУРАВЬЁВ. А? (*Юрсö лэптыштö.*) Ирина! Буретш тэ йылысь ме и мёвпал! ИРИНА. Мыйла ме йылысьсё?

МУРАВЬЁВ. Лок, лок! (*Ирина копыртчо ящик динё.*) Видзёд.

ИРИНА. Но?

МУРАВЬЁВ. Аддзан?

ИРИНА. Мый аддза? Кёдзёма ид. Бура петёма. Правда...

МУРАВЬЁВ (*сералё*). Но, но!..

ИРИНА (*индё ёти ящик вылас*). Тайёс кёдзёма вежонён водз...

МУРАВЬЁВ. Разницаыс вит минутын.

ИРИНА. Но, тайё жё сантиметрён кузьджык! А кутшом веж да мича пета-сыс! Татшом кёдзыайд бур подкормка дырий вермас сетны...

МУРАВЬЁВ. Мый и колё докажитны.

ИРИНА. А мёд ящикас – нэр... Куйодын ставыс!

МУРАВЬЁВ. Некутшом разница.

ИРИНА. Кон нё помкаыс?

МУРАВЬЁВ. Температураын.

ИРИНА. Ог гётэрво...

МУРАВЬЁВ. Опытъяс петкёдласны. Со кымын ящик кёдзёма. Быд ящикин аслыспёлёрс му и аслыспёлёрс койдыш, а сідзжё быд ящикё кёдзёма торъя темпе-ратураён.

ИРИНА. Интересно...

МУРАВЬЁВ. Ме корся кёдзан кад. Войвылын тайё вывті колана. Ме заводиті велёдны мулысь став капризъясс. Сетан опытной участок?

ИРИНА. Наукасын ме ог пов.

МУРАВЬЁВ. Ме сідзи и тёді.

Кост. Ирина мунис этажерка динё да босытіс книга. Муравьёв лэптö ящикъяссö пызан вылёр.

Вётлін, шуан?

ИРИНА. Кодёс?

МУРАВЬЁВ. Жённиктö.

ИРИНА. Кытысь тэ тёдан?

МУРАВЬЁВ. Люба пыраліс.

ИРИНА. Ме сійös эг вётлы. Сералышті сөмын.

МУРАВЬЁВ. Мукёд сераломысь коколюка дорысы ёнджыка дойман. Мый нöлоис? (*Ирина мунис ёшинь дорö, пельпомъясыс сылён дрёгнитисны.*) Но? (*Ирина чөв олö.*) Зонмис бур... Тэ мый? У... да тэнад синъяс вылад май, буракö?.. И платьеыд майскöй... Водз, водз...

ИРИНА. Кутшом нин сэн май...

МУРАВЬЁВ. Пöсъ съёлёма, кöдзыдысь кö он пов.

ИРИНА. Ме радейта сійös. Сідз радейта!..

МУРАВЬЁВ. Ог верит. Ог, ог!

ИРИНА. Мыйла?

МУРАВЬЁВ. Любовь вылын серавны оз позь.

ИРИНА. Сы характерысь ме аддзи сэтшомтор, кодös ме терпитны ог вермы. МУРАВЬЁВ. Приданнойысь повзин?

ИРИНА. Тайö выльтор... Но мен кажитчö. И ме лёсышті сылы встречнойй.

МУРАВЬЁВ. И сійö примитic?

ИРИНА. Да. Но бурджык эсъkö вölі, эз кö примит.

МУРАВЬЁВ. Ог гёгёрво...

ИРИНА. Кывъяснас шыбласьö.

МУРАВЬЁВ. Сідз, сідз...

ИРИНА. Кыв кö нин сетін – кутчысы!

МУРАВЬЁВ. Правильнö.

ИРИНА. А сійö оз вермы кутны ассыыс кывсö.

МУРАВЬЁВ. Мыйла?

ИРИНА. Кок йылас слаба сулалö – подулыс абу.

МУРАВЬЁВ. Бара ог гёгёрво...

ИРИНА. Агротехника оз радейт.

МУРАВЬЁВ. Агротехника налён чотö, сійö збыль.

ИРИНА. Рака бордъя орёл.

МУРАВЬЁВ (*сералö*). Но, но, Ирина Степановна, тайö нин вывтi...

ИРИНА. Да?

МУРАВЬЁВ. Удж бöрын донъявлöны йöзтö...

ИРИНА. Тэ сылы эскан?

МУРАВЬЁВ. Ог жö кут серавны...

ИРИНА. Тэ кö лоан прав, ме шуда!

МУРАВЬЁВ. Орлов вель важён нин лöсъöдчö быдтыны рекордной урожай.

ИРИНА. Но мыйла сідзкö...

МУРАВЬЁВ. А кор сійö воис армиясыы?

ИРИНА. Нелямын квайтöд воян.

МУРАВЬЁВ. Кутшом сэки вölі «Заряыс»?

ИРИНА. Киссöм рöзваль кодь.

МУРАВЬЁВ. А öнi мыйён лоис?

ИРИНА. Кора доддьён.

МУРАВЬЁВ. Мöд во машинаён лоас.

ИРИНА. Ме ог пуксы сэтшом машина вылад.

МУРАВЬЁВ. Мыйла кö?

ИРИНА. Машинистъясыс öмöликоßь.

МУРАВЬЁВ. Велöдыштам.

ИРИНА. Вензыны ог кут, но... (*Дзуртыштіс кильчö ѿдзёс, Ирина дрёгмуніс.*)
Одзёс дзуртыштіс? Абу лösсыд... Ме пыра комнатаас. Позьё?

МУРАВЬЁВ (*ньюмъёвтіс*). Но, дерт жё.

Ирина пыро комнатао. Воо Орлов, сійё шог.

ОРЛОВ. Простит, садымоді кё.

МУРАВЬЁВ. А, жёник! Садымодны эн садымод, но сёркодь нин.

ОРЛОВ. Хм, жёник... Мыи нин бурджыкыс... (*Скёра.*) Оти кывсыыс лихорадка босъё!

МУРАВЬЁВ. Аспиринчик юышт, кокныиддыхык лоас.

ОРЛОВ. Висьомыс абу сійё.

МУРАВЬЁВ. Сідзкё, сульфидинчик, сійё крепыиддыхык.

ОРЛОВ. Оз туй. Тушаой тіралё, а (*кучкалё морёсас*) тані со би!

МУРАВЬЁВ. Юышт кёдзыд ва, и паччёр вылё.

ОРЛОВ (*ньюмъёвтіс*). Эн серав, Саша...

МУРАВЬЁВ. Но и бёрдны ниномысь.

ОРЛОВ. Тэ лучше отсав.

МУРАВЬЁВ. Гётрасян?

ОРЛОВ. Чörtыд люкыштіс!..

МУРАВЬЁВ. Бур нывкаоc бёриёмыд, завидь босъё...

ОРЛОВ. Завидь?

МУРАВЬЁВ. Да... (*Сюся видзёдліс Орлов вылё.*) Ме кёсий коравны, но...

ОРЛОВ (*чеччиштіс*). Иринаоc?

МУРАВЬЁВ. Но, дерт жё!

ОРЛОВ. Радайтан?

МУРАВЬЁВ. Татшом нылёс оз позь не радейтны.

ОРЛОВ. Но, мыи нё, сідзкё... гётрась...

МУРАВЬЁВ. Да ог, пожалуй... Обидитчан ешё...

ОРЛОВ. Гашкё, тэ вёсна и вётліс менё?

МУРАВЬЁВ. Серала. Ме нин кыдзкё-мыйкё мёдёс аддза.

ОРЛОВ (*кокниа лолыштö*). Сійё жё...

МУРАВЬЁВ. Радайтан?

ОРЛОВ. Күвтёдз!

МУРАВЬЁВ. Аддза, аддза.

ОРЛОВ. Нывкаыс сійё...

МУРАВЬЁВ. Мыи? Шань?

ОРЛОВ. Порох!

МУРАВЬЁВ. Порохнад – порох... Сёмын ёд и порохыс оз ачыс öзы.

ОРЛОВ. Бесыд менё тойыштіс приданийсö корны...

МУРАВЬЁВ. И бур, мыи тойыштіс!

ОРЛОВ. Ошкан?

МУРАВЬЁВ. Став сёлёмсяны! (*Кост.*) А, вот ошыйсыыштін...

ОРЛОВ (*юрсö лэдзис*). Да... Ошыйсыышті, сійё збыль...

МУРАВЬЁВ (*комната ѿдзёс вылё видзёдём бёрын, гораа*). Юр вемыд должен кывтö бергёдлыны, а не кывыйд юр вемтö!

ОРЛОВ. Ме эг виччысь сысянъ встречной!..

МУРАВЬЁВ. Он вермы лэптыны – кысыд орас!

ОРЛОВ. Эг вермы ме сысьсъ кольччыны!

МУРАВЬЁВ. Но, а друг он лэпты? Сэки мый?

ОРЛОВ (*дыр мёвпалём бёрын, чорыда*). Лэпта. Шуёма – лоё вёчома.

МУРАВЬЁВ (*задорён*). Кызд агроном, тэныд шуа, он лэпты. Ог эскы и пом. Извинитчи нывка водзад.

ОРЛОВ. А тэ кызд партбюроса секретарь мёвпышт, эскыны кутан! Абу сэтшом сёбыкыдыс, мед эсъё миян йёз ээ вермыны лэптыны. Ни оти шаг бёрб! Отчыд фронт вылын ыджыд пос взорвичны вўзйыси. Оз позъ волі ловийён бергёдчыны – поснас взорвичыны кёсий. А ачым мёвпышті: Рёдина вёсна кувны бур, но венны смертьёс ешё бурджык. Поскыд лэбыштіс, а ме со – ловъя.

Воссё ёдзёс. Петё Ирина. Муравьёв топодлё кисё Орловлысъ.

МУРАВЬЁВ. Вернё, друг! Эска тэныд, эска.

ОРЛОВ. Аттьё, Муравьёв ёрт!..

ИРИНА. Ош.

ОРЛОВ (*аддзё Иринаёс*). Тайё нё мый?

МУРАВЬЁВ (*смутитчис*). Тайё Ирина... Ті сёрнитыштой, а менё удж виччысъ... (*Пызан вывсыыс босътё кык ящик да пырё комнатаё*.)

ИРИНА (*нүмъялёмён*). Ош...

ОРЛОВ. Мыйла тэ тан?

ИРИНА. А тэ?

ОРЛОВ. Менам мог...

ИРИНА. И менам мог... (*Кост. Кыкнанныс пуксьёны*.) Ставыс кыдзкё тешкодя артмис...

ОРЛОВ. Да, тешкодякодь...

ИРИНА. Йой, буракё, ме...

ОРЛОВ. Эг эсъё шу...

ИРИНА. А ме нин шуи – йой и ставыс.

ОРЛОВ. Тайё мый, самокритика?

ИРИНА. Неудачной критика бёрын.

ОРЛОВ. Мыйла? Сэн волі уна правда.

ИРИНА (*локтё Сергей дінё*). Донаёй тэ менам...

ОРЛОВ. Мусаёй!..

ИРИНА. Скёралышті ме...

ОРЛОВ. Да мый сэн...

ИРИНА. Абу лёссыд.

ОРЛОВ. Ставыс бур, кор бурён помассъё.

ИРИНА. Кор нё свадьбуйтыштам?

ОРЛОВ. Кётъ аски жё.

ИРИНА. А приданий ме тэныд лёссыда!

ОРЛОВ. А ме ог кольччы!

ИРИНА. А век жё, мыйла тэ, Серёжа, травополка вылад он вудж?

ОРЛОВ. Семён Иванович мыйкё нюждö...

ИРИНА. Муыс жаль – тшыгъялö сийö.

ОРЛОВ. Сийö збыль.

ИРИНА. А мый жё сідзкё?

ОРЛОВ. План серти ми долженёсь вёлі кёдза паськёдны...

ИРИНА. Уна-ё?

ОРЛОВ. Кызы вит гектар вылö.

ИРИНА. А ми комынёс паськёдім.

ОРЛОВ. А ми витёс.

ИРИНА. Кыдз нё сідз?

ОРЛОВ. Семён Иванович, вёлёмкё, актирутёма, мый кёдза площасть паськёдом кузя план тыртёма сё прочент вылö.

ИРИНА. Кызы гектар...

ОРЛОВ. Ёшалёны сылы вылын. Кёдзны колё, а муыс абу. Пар вылö кёдзам.

ИРИНА. Очковтирательство!

ОРЛОВ. Да.

ИРИНА. Государствоös пёръялінныд?

ОРЛОВ. Артмё сідз... Но ми гёрам!

ИРИНА. Ой!..

ОРЛОВ. Тайё вёлі метёг!

ИРИНА. Откодь дзик. Тэ скрываютін!

ОРЛОВ. Ирина!

ИРИНА (*скёра*). Кыдз нё ме тэкёд овнысö кута? Од тэ менё быд лун ылёдлыны кутан – очки втирайтны!

ОРЛОВ. Ирина, эн тэрмась!

ИРИНА. Прёщай.

Пышёй. Орлов кынмё места вылас. Петё Муравьёв.

МУРАВЬЁВ. Сёкыд гётрасынтыö? (*Орлов чёв олё.*) Нином, гажаджыка кутанныыд овны. Онія нывъясыд шеп пыр морёс пытшкад мортыдлы видзёдёны.

ОРЛОВ. Сідзи и колё. Ме аслам посьён мыська сёлём доръясö пуксыём буссö.

МУРАВЬЁВ. И некор эн бусоствы сийёс. Выль семья требуйтö сёстом да мича сёлём. А Пироговös ковмас бюро вылын пеславны.

Пырё Авдей.

АВДЕЙ. Эн дивит, Александр Сергеевич, ешё отчыд тэ дінё кысси... (*Аддзё Сергейёс.*) Но, Сергей Николаевич, тайё нётан жё нин...

МУРАВЬЁВ. Авдей Спиридоныч!.. Кутшом дивитом! Пуксы шонтысь.

АВДЕЙ. Сёркодь нин кадыс... да...

МУРАВЬЁВ. Кёть лунын, кёть войын, Авдей Спиридоныч.

АВДЕЙ. Собрание вывсянь ме...

МУРАВЬЁВ. Кутшом собрание?

АВДЕЙ. Сергей Николаевич муном бёрын собрание чукортім... Став звеньевойсö кори соревнүйтчины!..

МУРАВЬЁВ (*Сергейлы*). Кывлін?

ОРЛОВ. Кывлі. (Зэв ёдйё петіс керкаусь.)

АВДЕЙ. Скёралё?

МУРАВЬЁВ. А кызд тә думайтан?

АВДЕЙ. Томо́сь на...

МУРАВЬЁВ. Ме сідзжё чайта. (*Ветлодлө джодж кузя*.)

АВДЕЙ (*песто трубка*). Ме ѡнтай, бюро вылад, нем эг лысът шуны, ѹоз дырийыд... А кёсий эсько варовитыштын...

МУРАВЬЁВ. А ме, Авдей Спиридоныч, тә ордö кёсъя волі пыравны.

АВДЕЙ. Мыйла кё?

МУРАВЬЁВ. Сёрни эм...

АВДЕЙ. Но, сідзкё тай, ѿти кывиё и воим...

МУРАВЬЁВ. Давай, давай, Авдей Спиридоныч.

АВДЕЙ (*кызыктис*). Эм менам юрын ѿти притча... Во-мёд нин новлодлёма сійос...

МУРАВЬЁВ. Но, но!..

АВДЕЙ. Вермас оз, тә ногён, миян Коми му сетны кыксё пудъя урожай?

Кост.

МУРАВЬЁВ. Кужан кё быдтыны, мыйла оз сет.

АВДЕЙ. Отсышт меным.

МУРАВЬЁВ (*радлө*). Авдей Спиридович, съёлёмёс сета!

АВДЕЙ. Мыйкё, овны кё, прамоя овны!.. А не кё...

МУРАВЬЁВ. Вот, вот! Ме та йылысь жё и кёсъя волі сёрнитны тэкёд!

АВДЕЙ. Менам грамотай оз судзсы...

МУРАВЬЁВ. Ме том агроном, мен колё опытной көзяин... (*Котёртө мёд комнатао*.)

АВДЕЙ. Хе, хе, хе... Ыджыд съёлёма морт.

Муравьёв петкёдё ящикъяс да пуктё найёс джоджё.

МУРАВЬЁВ. Шуёны, тә по нэм джын нин мырсян муюс вылын?

АВДЕЙ. Нелямын ёкмыс урожай босыті...

МУРАВЬЁВ. Со, видзёд. Мый эсько тайё? (*Авдей видзёд. Муравьёв нервной ветлодлө*.)

АВДЕЙ. Со тайё ящикас урожайыс бур лоас дай водзджык воас.

МУРАВЬЁВ. Мыйла?

АВДЕЙ. Койдышыс муюс веськаліс сточ сэк, кор сійос муюс виччысис. А тайёс... (*Индё мёд ящик вылө*.) мырдён шыблаломаёс.

МУРАВЬЁВ. Правильнё! Но меным колё... (*Посвадзын мыйкё усис. Муравьёв восьто ѿдзёс*.) Коді сэн?

Пырё Пирогов. Сійё код.

ПИРОГОВ. Ёдзёссö вошті...

МУРАВЬЁВ. А!.. Да тә, другё, эн ѿдзёссö вошты, а ассыыд юртё.

ПИРОГОВ. Ме юышті... да, юышті!.. А мыйла юышті? А вот мыйла... (*Видзёддө Аведей вылёр.*) Кёчъяс ті!

АВДЕЙ. Мыйла сідз?

ПИРОГОВ. Приданнёйысь повзинныд!

АВДЕЙ (*лолыштіс*). Синтём гут тэ, Пирогов, со мый. (*Кёсий мунны.*)

ПИРОГОВ. Мун!

МУРАВЬЁВ. Пирогов!..

АВДЕЙ. Аски пырала. (*Мунё.*)

ПИРОГОВ (*кутчысы юрас*). Позор, позор... Сотчам!

МУРАВЬЁВ. Коді сотчö?

ПИРОГОВ. Ме Орловкёд.

МУРАВЬЁВ. Орлов йылысь ог тёд... А тэ збыльысь сотчан. Водзё кё очковириательствоён кутан занимайтыны, дзикёдз сотчан, весиг поймыс оз коль.

ПИРОГОВ. Ог гёгёрво...

МУРАВЬЁВ. Аски бюро вылын тёдмалан.

ПИРОГОВ. Сьёлём менам сёстём...

МУРАВЬЁВ. Кызы гектар тэнад сьёлём вылад...

ПИРОГОВ. А... чепуха! Война оні помасис...

МУРАВЬЁВ. Мый? Мый?

ПИРОГОВ. Государстволы ме мынта...

МУРАВЬЁВ. Тэ лучше партбилет вылад видзёдлы, мый вёсна сэн выговорыс ѡшало. А колхозникъясыд кызд олёны?

ПИРОГОВ. Но, ладно – грешен... Тулыснас гёра.

МУРАВЬЁВ. Василиса травополка вылёр вужис, а тэ трёхполкасö он вермы лёсёйдны.

ПИРОГОВ. Но, ладно, грешен и ставыс. Гёгёрвои. Чортыд менё люкыштіс... А сэсся нин ме сайын – ни öти войт...

МУРАВЬЁВ. А друг кё...

ПИРОГОВ (*юрсö пунктö пызан вылёр*). Керышт.

МУРАВЬЁВ. Юртёг колян.

ПИРОГОВ. Докажит!

МУРАВЬЁВ. Гез пом по ньёблёмыд?

ПИРОГОВ. Мыйла ньёблі? Ньёби. Ветымын метр ньёби.

МУРАВЬЁВ. Кор?

ПИРОГОВ. Выльлунё.

МУРАВЬЁВ. Кон сійö?

ПИРОГОВ (*öвтыштö кинас*). Конюх ордын.

МУРАВЬЁВ. Абу конюх ордын, а «Звезда» колхозын.

ПИРОГОВ. Оз вермы лоны!

МУРАВЬЁВ. Конюхыд вузыштіс да председательскёд и юыштіс.

ПИРОГОВ. Юышті ме сыкёд, сійö правда... Но од ме эг тёд, мый ме колхозной добра винаён юа. Гоститёда по, Семён Иванович...

МУРАВЬЁВ. Коркё асътö юан, дай он и казявлы.

ПИРОГОВ (*пунктö юрсö пызан вылёр*). Керав!

МУРАВЬЁВ. Кодлы сійö колё? Исковтін тэ, Семён Иванович, няйт гурранö исковтін.

ПИРОГОВ. Чёйт пост вылысь!

МУРАВЬЁВ. Тэнö колхозникъысд оз чёттны, а шыбитасны! А ме налы отсала. Нывъяс верös сайö оз мунны тэнад кёзяйствоö. Күтшом нö та бöрын тэ кёзян?

Пирогов чеччиштö да уськодчö Муравьёв дïнö, тыдалö, мыйкö кёсий висътавны, но друг тальччис ящикас. Коксö эськö друг лэптыштис, но ящикис öшиис кок вылас.

МУРАВЬЁВ. Тэ ассыыд шудтö талялан.

ПИРОГОВ (*гaloшиöс моз pöрчис коксыс ящикос*). Ай-яй-ай... Мый нö лоас?

МУРАВЬЁВ. Веськодны öшыбкатö ковмас.

ПИРОГОВ (*видзöдö ящикас*). А ёнакодь нырышти...

МУРАВЬЁВ (*чуñнас грözитö*). Но ковмас быдтыны.

З а н а в е с.

МÖД ДЕЙСТВИЕ

Коймёд картина

Межа. Кызд пу дïнын, койдыш тыра мешёк чукёр вылын пукалö Авдей да ыджыд туи-
сыс панялö йёв. Саяс – бура гёрём му. Межа вылын Курочкинлён звено. Еджыд зонка
ворсö гудёкён, том йоз йёктёны. Шондя лун. Мишка мужичой походкаён локтö
йёктысьяс дïнö.

МИШКА. Эй, тi! Звонаръяс! Тi мый, миян звенолысь дисциплинасö торкны
воинныд?

АВДЕЙ (*броткё*). Неучъяс...

МИШКА. Йойтавнытö асланыд участок вылын тöранныыд.

КУРОЧКИН. А ми кольччыссысöс кучик пытшсыс петкодны воим.

МИШКА. Ланьт тэ, оклупенъ!

АВДЕЙ. Кыыйыс мортыцлён ёсымё, а вежёрыс косьмё...

МИШКА. Тулысын гёрдлö, а тёвнас бёрдö. (*Сералö.*)

КУРОЧКИН. Ланьт, жель! Ме од дыр ог мёвпав...

МИШКА. А мыйён мёвпыштан?

КУРОЧКИН (*петкодлö кулаксö*). Со мыйён. Нетшышта кё, сапогыд оз коль!

АВДЕЙ. Видлы, видлы... Ме вот сiдз «нетшышта» тайö туиснас... Йёвсö
весиг ог жалит...

Серам.

КУРОЧКИН. Гёрём-кёдзёмнад кё нин панийм, кулакнад гёрыштам.

Сералёны. Петё Любa.

ЛЮБА. Ой, чомёр нин, буракё... Курочкин, тэнад нё мый, чомёр?

КУРОЧКИН (*кынёмсө малыштём бёрын*). Чомёр! Николай Курочкинлён звено эштöдис кёдза и йöктigтырий виччысьё премия!

ЛЮБА. А бригадаыс?

КУРОЧКИН. Эштöдö!

ЛЮБА. Эштöдö... А дедушка со койдыс вылын пукалö...

КУРОЧКИН. А ми сийös буксир вылö!

АВДЕЙ. У... Полокалö... Асътö эсъкё гез йылысь...

ЛЮБА (*сералö*). Пола, рыжик, мед эсъкё асътö кыскыны эз ковмы... (*Мунё.*)

КУРОЧКИН (*дыр видзöдö Любa бёрся*). Галя!

ГАЛЯ. Мый?

КУРОЧКИН. Разведкаö. Ньёжёйоникён пыр «Заряö» да тёдмав, мый сэн вöчсöö.

ГАЛЯ. Лэба. (*Öдийö мунё.*)

КУРОЧКИН. Но кытчö нё бригадирыс вошиш? А нолтö, Филимон, паськёдлы гудёктö, а ми сылыштам. (*Сылёны.*)

МИШКА. Дедуш.

АВДЕЙ. Мый тэнэйд?

МИШКА. Кад...

АВДЕЙ. Му.

МИШКА. Пырысь-пыр! (*Мишка вайё ки пыдёс вылас му.*) На видзöд.

Авдей дыр видзöдö.

АВДЕЙ. Абу на кад.

МИШКА. Кад.

АВДЕЙ. Абу кад, шуа. Велöчыны колö муюстö тёдмавны...

МИШКА. Со Курочкинлён эштöс, а ми – му тёдмалам.

АВДЕЙ. Мед равзö. (*Мишка кёсёй мунны.*) Вöвъястö вердïнныд?

МИШКА. А кызд жö.

АВДЕЙ. Вердыштöй ешö. Кад воас – шойччöг оз ло. Асъныд сёйинныд?

МИШКА. А-а.

АВДЕЙ. Ешö сёйыштöй.

МИШКА. Да кытчö нин...

АВДЕЙ. Лолыштны ог сет.

МИШКА. Кынёмъяс...

АВДЕЙ. Шюома тэнэйд. (*Мишка мёдёдчис.*) Кёдзан машинаяс дасьбöс?

МИШКА. Важён.

АВДЕЙ. Агасъяс?

МИШКА. Ставыс.

АВДЕЙ. Видлы.

МИШКА. Витысь нин...

АВДЕЙ. Квайтöдись видлы. Мед оз ков сулавны бёрти.

МИШКА (*броткигтырий мунё*). Тайё нин абу звеньевой, а веськыд антус кутшöмкö.

АВДЕЙ. Регыд эсъкё кад... (*Плешсö малыштö*) Кёдзавны кутис...

Пырё Ирина. Киас сылён чуман. Сувтö кызд пу динё да скёрла видзёдö
съылысьяя вылö. Сыланкыв помас матыстчö Курочкин динё.

ИРИНА. Тайё нö мый тэнад? Ансамбль?

КУРОЧКИН (*чеччиштис*). Культурной шойччöг, кёдза эштöдöм бёрын. Миян звенолён чомёр! Локтим штурмуйтны Авдейёс, но сийё оз кёсйы примитны миянёс.

ИРИНА. Сидз, сидз... Кёдзинныд?

КУРОЧКИН. Гётов. Верман видлыны, бригадир ёрт!

ИРИНА. Гашкё, и примитны позьё да?

КУРОЧКИН. Кёть оні жё.

ИРИНА. Тэ нö, донаёй менам, кор удитин кёдзнысö?

КУРОЧКИН. Войнас.

ИРИНА. Код тэныд тшёктис?

КУРОЧКИН. Ог гёгрво...

ИРИНА. Ме юала, коди тшёктис тэн сортёвой кёйдыс шыблавны лымйö?

КУРОЧКИН. Лымйыс сыліс...

ИРИНА. Ме тэныд шулі – лым сора няйтö эн шыблав. Шулі эг?

КУРОЧКИН. Шулін... Но, мукöдъяс кёдзёны...

ИРИНА. Откымынлаас позьё, а мукöдъяны оз позь. Агротехника нарушайтан, наукалы паныд мунан.

КУРОЧКИН. Ме соревнуйтча и тэнад наука вёсна бёрын кыссыны ог кёсйы.

ИРИНА. Штрафуйта.

КУРОЧКИН. Мыйыс?

ИРИНА. Наукатöг уджалёмыс. Мен нянь колё, а тэ кёйдыстö воштин. Чукорт бёр.

КУРОЧКИН (*синсо пасъкёдис*). Мый, мый?

ИРИНА. Чукорт бёр, тэныд шуёны!

КУРОЧКИН. Тэ нö йёймин али мый?

ИРИНА. Кужин кё воштыны, кужан и аддзыны. Со, Авдейлён участокыс косджык, но мортис виччысö. А тэнад ѡд няйт.

КУРОЧКИН. Видзёдлам...

АВДЕЙ. Мый видзёдлан? Тэнö кё лым пытшкё шыбитасны, чахотка босьтас, а ѡд чахоткатö съёкыдкодь лечитны. Сидз жё и кёйдысыйд... оз вермы босытчыны кын муад... бёрвылас коньёр кодь и быдмас.

ИРИНА. Мый вöчны? Мый вöчны?.. Кон агроном?

КУРОЧКИН. Ог тёд.

ИРИНА. Авдей Спиридонович, мый вöчны?

АВДЕЙ. Ме ѡд абу агроном... Но, вёлі менам олёмын татшöм притчайс... Агсавны колё мусö, вёрёдны сийёс, оз ков сетны спокой сылы сэтчöдз, кытчöдз оз косьмы мусыс, кытчöдз сийё оз кут овны.

ИРИНА. Кывлін?

КУРОЧКИН (*Авдейлы*). Да мый тэ, пöрысь выжыв, сёран? Кутшöм му олём йылысь тэ висьталан? Ме сомын мувывса олём тёда, а му пытшкын...

ИРИНА (*чумансыс перйö да шыбитö Курочкинлы кок улас зэв ыджыд из*). А тайё мый, мувывса олысь?

КУРОЧКИН. Из.

ИРИНА. Гашкё, тёдса? (Чёв олённы.) Тёдса али абу тёдса?

НЫВКА. Тёдса... Ме агсасигён аддзылі...

ИРИНА. Сійо тупқыліс кызь нёль ид тусы. А кымын из сәні татшомыс? Уна сё. КУРОЧКИН (ләптіс изсө да бергөдлө киас). Да...

ИРИНА (чуманысь перйө ыджыд му глыза). А тайё мый?

ЗОНКА. Корög...

ИРИНА. Сюрсъяс валяйтчоны тіян мұяс вылад. Мый нё ті көсъяныңды сей-нысö татшом уджалом бёрлад, көзянъяс?

КУРОЧКИН (юрсö ёшидіс). Да...

ИРИНА. Со тіян рекордъасыд! Любайтчой! Мый вылө ті надейтчанныңды? Асланыңды йёръяс вылө? Али государство вылө? Мед ни öти из, ни öти корög эз вёв. Агсавны. Лун и вой агсавны. Гóрвоин, көзян?

КУРОЧКИН (шога). Мунамой.

Ставыс мунёны, Ирина да Авдей кындзи.

АВДЕЙ. Соревнуйтчысы!..

ИРИНА. Но кыдз, Авдей Спиридович?

АВДЕЙ. Абу на кад, нылукой. Шондыс көдзыдкодь... Бур койдис весьшёрө шыблавны оз позь.

ИРИНА. Збыль. Ни öти воськов агротехникасы бокö.

АВДЕЙ. Эн пов.

Ирина мунё посныдик кустъяс дінө да дыр видзёдө «Заря» колхозлань.

АВДЕЙ. Нылукой...

Ирина дрёгмуніс.

ИРИНА. А? Мый тә шуин, Авдей Спиридович?

АВДЕЙ (небыдика). Видзода ме тә вылө дай аддза... Сьюкыд тэнүйд... Съёлёмыңды висьё... Шог тэнö личкё...

ИРИНА. Мы нё вёчан...

АВДЕЙ. А Сергейыс, Сергейыс мый вёчö! Кок йылө сувтöдіс колхозсö!.. Бур көзянён лоас!.. Вывті бур да толка морт. Лёкös, нылукой, председатель оз пуктыны.

ИРИНА. Да... чорыда босытчис...

АВДЕЙ. Пола ме сыйсы.

ИРИНА. Мыйысь?

АВДЕЙ. Панъяс сійо миянös.

ИРИНА. Сійё и бур...

АВДЕЙ. А ми оғо сетчой!

ИРИНА. Чорыд характера...

АВДЕЙ. Кыкнанның бурось. Миритчинның эськё... Жаль мен тіянөс... Но, мый думыштчин? (Сералö.)

ИРИНА (сьюкыда лолыштöм бёрын). Ме Курочкин дінö. (Мунё.)

Авдей вомгорулас сылігмоз вугыртіс, пырёны:
Муравьёв, Орлов, Пирогов, Силантий да Люба.

ОРЛОВ (*пёся*). Нинём ог шу, эм и налён грекъяс. Но, видзёдлой тайё му вылас! (*Индо Авдей му вылёр*.) Аддзанный, көзянъяс, кыдзи гёрёма? Силантий Романыч, мый юртö ошёдін? Видзёд. Од тайё абу му, а пухбай вольпась! Вит вершоқ джуджда лэптёма!

МУРАВЬЁВ. Серало мусыс, серало!

ОРЛОВ. Кыксё нелямын тонна куйёд дзебис, а ті аддзанный сійёс? Мун вайё меным öти грамм. Онё вайё. Му пыташкас рёвнёя вольсалома. А тіян став куйёдыс вылын, косьмо шонді водзын.

ПИРОГОВ. Авдей Спиридоныч узьё. Оз и кыв, кыдзи сійёс ошкёны.

СИЛАНТИЙ. Сійё вётась рекордной урожай йылысь, а көдзан кадыс кольё.

ОРЛОВ. Коңдықинъяссо сійё лымайодзыс на көдзис. Ті сәки узинный, а оні няйтсо гудраланни.

СИЛАНТИЙ. Ме нэм чёж ас ногён уджавлі да век нянь сейлі, сізд жё и водзё кута. Авдей мен абу пример.

ОРЛОВ. И век жё ковмас велёдчыны выль ногён уджавны.

СИЛАНТИЙ. Ме пёрысь морт...

ОРЛОВ. Но абу öтка олысь, а колхозник. Авдей Спиридоныч вылёр видзодан да съёлёмыд радлёр, а од сійё тә дорысь пёрысьдже.

ПИРОГОВ. Да, Силантий Романыч, кольчыштім ми тәкёд... Ноко, мунам гёрны. Көдзны талун огё күтой, раз агроном оз тшёкты.

ОРЛОВ. Да сомын тадзи со. (*Индо му вылёр*.) А то ог примит.

МУРАВЬЁВ (*чуңынас грөзиттө*). Наукалы паныд мунны ог сет.

Пирогов, Люба да Силантий мунёны.

Со кыдз, председатель.

ОРЛОВ. Пироговщина, Александр Сергеевич. Выйті сійё пыдё пырёма, другсо он нетшышт. Аснырён гёрёны и ставыс.

МУРАВЬЁВ. Авдей Спиридович мёд во ставныдтö садымёдас, вот аддзыланни.

ОРЛОВ. Көзянин.

МУРАВЬЁВ. Агроном-самоучка. Ми сыкёд кык тёлысь пукалім опытъяс вылын. Миян сельсоветувса колхозъяслысь анализъяс вочим.

ОРЛОВ. Күтшом анализъяс?

МУРАВЬЁВ. Ми корсим мусылсысь көдзан температура.

ОРЛОВ. Но и мый жё?

МУРАВЬЁВ. Көдзам со куим опытной участок, став агротехнической наука применитомён. Öти участок вылын петёма нин öзим, а тан со, миян ногён, оз на позь көдзны...

Котёрён воё Галяя.

ГАЛЯ. Александр Сергеевич, Ирина корё.

МУРАВЬЁВ. Кон сійё?

ГАЛЯ. Курочкин дорын.

МУРАВЬЁВ (Орловлы). Сёрнитышт сыкёд. (*Индё Авдей вылёт.*) Ме котёрён.
(*Муравьёв да Галя мунёны. Орлов локтё Авдей дорёт.*)

ОРЛОВ. Авдей Спиридоныч, мый нö мешёкъяс вылад пукалан?

АВДЕЙ (*дрёгмунис.*). А? (*Синсö восьтис.*) Добра здоровье, Сергей!

ОРЛОВ. Здоровье! Мый нö он кёдз?

АВДЕЙ. Абу на кад.

ОРЛОВ. Век мыйkö мудритан?

АВДЕЙ. Позьё и мудриттöг овны... Курочкин тай оз небось мудрит – кёдзыштис лымийö, и ставыс... Тулысыд таво лёк... войдёрлун лым усис... Лымийöдзыс гёри, а кёдзны оз позь, мусыс оз ов – ловтём сiёй. Шоныдыс оз тырмы.

ОРЛОВ. А кёдзан кё ловтём-кёдзыд мүö, кызд тэ шуан, сэки мый, оз пет ёзимыс?

АВДЕЙ (*серёктис.*). Мыйла? Ёзим петас... Мусыд – сiёй матушка бур, ўозлусь трудсö оз гусяв, но и аттьё оз шу. Висьмас кёйдиссыд кёдзыд-ловтём мусас, но век жö ёзим оз пет сэтчöдз, кытчöдз мусыс оз шонав да овны оз кут. Висысь кёйдиссыд лоас омоль кёдза, сiдзкё, и урожайыд ичöt воас. Дай гожся кёдзыдъясысь ёна полё.

ОРЛОВ. Авдей Спиридоныч, а кызд нö тёдмавнысö, кор мусыс овнысö кутас?

АВДЕЙ. Шоналыштас дай овны кутас.

ОРЛОВ. Кыздзи?

АВДЕЙ. Босстан ки пыдёс вылад мусö, да ачыс кутас дробитчыны.

ОРЛОВ. А оз кё кут? Сiдз и кутан пукавны арёдз?

АВДЕЙ. Ловзяс. Талун ловзяс. Плешкёй менам кылё, мый ловзяс.

ОРЛОВ. А сёрган кё?

АВДЕЙ. Сэки лёк. Либё зэр виччысъ, либё кёйдиссö кётёд. Лучше нин неуна водзджык. (*Горёдё.*) Мишка! Му! (*Мишка вайё му. Авдей дыр видзёдё.*) Оз лолав. Абу на кад. (*Орловлы.*) Абу кад, пиук. (*Мишка мунё.*) А сэсся ёд мусыд разной – быд мулён аслас кад. А тэ, другё, Сергей Николаевич, чорыда бергёдін кёзяй-ствотё, кызд шуласны, юр вывсянъ кок вылё.

ОРЛОВ. Оз на ми воклён артмы...

АВДЕЙ. Ме нин аддза... Менё он ылёт... Дай Ирина сiдз жö шую...

ОРЛОВ. Ирина?

АВДЕЙ. Косьмё сылён съёлёмис...

ОРЛОВ. Збыль?

АВДЕЙ. А тэнад ёмой оз?

ОРЛОВ. Да кыдзи нö.. (*Кост.*) Но да, ладнö... бурдас...

АВДЕЙ. Радейтö сiёй тэнё. А тэ эн пов! Збойджыкён колё лоны... (*Туиссö топёдё морёс бердас.*) Ок, томдырий вёл!.. Кутан нывкатö.. Окыштан!.. Хе, хе, хе... Да... вёвлі кад... вёвлі... Хе, хе, хе... Пара тi, ылысянъ аддза, пара.

ОРЛОВ (*ёзис.*). Эх, Авдей Спиридоныч! Да ме си вёсна мусö бергёда увлань юрён!

АВДЕЙ. Эн, эн. Ме олышты на кёсъя. На юышт ѹювсö. (*Сетё туиссö. Орлов юё.*) Но вот... Мед нин мусыс аслас кок ѿылын суалоё.

ОРЛОВ (*сералё.*). Но, мед инось.

АВДЕЙ. Приданнöй вёсна эн пов, дасьтам.

ОРЛОВ. Тиян ѿылысь ме ог пов... Ме ас ѿылысь думайта... Александр Сергеевич мен шулiс: «Өнiя нывтязысъд по шеп пыр мортыслы съёлёмас видзёдёны».

АВДЕЙ. Сійö збыль.

ОРЛОВ. А шептыс менам көзяйствоын оз на тыдав.

АВДЕЙ. Колхознöй көзяйствотö лэптин? Лэптин. А көзяйствоыд кö бур, и шептыс мича. Сізд али абу?

ОРЛОВ. Сідзтö сідз...

АВДЕЙ. Гётрась. Йёктышты окота! А сэтчö жö и голяй нин гилялыштö.
(*Кыкнаныс сералёны.*)

Пырё Василиса.

ВАСИЛИСА. Авдей Спиридоныч, тэ нö мый вöчан?

АВДЕЙ. Йöв паньыштi, председатель ёрт.

ВАСИЛИСА (*аддзё Орловёс*). А!.. Сергей Николаевич! Чолом, чолом «Зарялы»!

ОРЛОВ. Привет, Василиса Павловна!

ВАСИЛИСА. Гоститны миянö?

ОРЛОВ. Авдей Спиридоныч дiнö велöдчышты вои.

ВАСИЛИСА. Сiйö миян пророк. Панин тэ менö кöдзанад, панин. Съёлёмös орлöдлö, спокой ог аддзы.

ОРЛОВ. Но, но... Менам ешö дас кымын гектар...

ВАСИЛИСА. А менам со Авдей Спиридович йöв туисён рöштвоöдз пукавны лöсöйдчома.

АВДЕЙ. Абу кад.

ВАСИЛИСА. Йöзыд вундыны кутасны, тэ кад виччысян.

АВДЕЙ. Эн торк менö, председатель ёрт, ме кöсъя быдтыны озыр урожай.

ВАСИЛИСА. Кынтан кö...

АВДЕЙ. Эн повзьöд. Öкмысадас квайтöд воян кутшöма кынмылiс, йöзыс Сибирё муналiсны, а ме паччöр вылын куйлi да пöтöлökö съёлалi.

ОРЛОВ. Менö Александр Сергеевич кутшöмсюрø участокъяс вылö кöдзöмысь нöрöвилтыны жö тшöктiс.

ВАСИЛИСА. Найö отвыв уджалёны.

Пырёны Муравьёв да Ирина. Орлов нервнöя чеччыштiс.

Авдей Спиридович, дзик пырг жö кöдзны заводит!

АВДЕЙ. Абу кад.

ВАСИЛИСА. Ёшёдасны менö!..

МУРАВЬЁВ. Некод оз ёшöд.

ВАСИЛИСА. Александр Сергеевич, тэ орёдан менсыым график!

МУРАВЬЁВ. График сiйö – абу догма, сы вылö колö видзöдны творчески. График дiнö колö придерживайтчыны, но öд некод эз тöд, мый кутас сапкыны лым.

ИРИНА. Тэныд окота öдйöджык рапортуйтны, кыздзи и Курочкинлы, а мен окота нянь сёйны. Пукав, Авдей. Агроном тшöктытöг эн вörззы.

ВАСИЛИСА. Но, ми жö соревнуйтчам!

МУРАВЬЁВ. Ми, Василиса Павловна, соревнуйтчам озыр урожай вöсна.

ОРЛОВ. Вернö.

ВАСИЛИСА. Ме, Александр Сергеевич, тэнö гёгöрвоа кыздзи агрономös, а кыздзи парторганизацияса секретарь...

МУРАВЬЁВ. Сійё жё шуа.

ВАСИЛИСА (*гораа*). Ті Авдейкөд вöчаланныд опытъяс и си вöсна орöданныд график! Ме сеті районö сводка, мый талун зерновойяс помалам.

МУРАВЬЁВ. Оз ков тэрмасыны.

ИРИНА. Тэрмасян – ѹоз серамö воан.

МУРАВЬЁВ. Василиса Павловна, тэ зэв бура гёгёрвоан, ми вöчам сідз, кыдзи индö наука. Кён позьё кодзны, а кён оз...

АВДЕЙ (*дöзмис*). Да ог орöд ме тэнсыыд графиктö! Аскиводз кежлö эштöда.

Котёрён воо Мишка.

МИШКА. Дедуш! Дедуш!

АВДЕЙ. Но?

МИШКА. Ловзис, ловзис!

АВДЕЙ. Мый, кодi ловзис?

МИШКА. Муыд ловзис!

Муравьев петö.

АВДЕЙ. Вай татчö. (*Мишка сетö му. Ставыс видзёдёны.*) Со, аддзанныд! Аддзанныд, кыдз дробитчыны кутiс?

ОРЛОВ. Збыль.

АВДЕЙ. А мый ме тэн шулi?

ИРИНА. Но, мамук?

Пырё Муравьев.

МУРАВЬЁВ. Авдей Спиридоныч, кад.

АВДЕЙ. Олö! Кад! (*Чечыштис мешёкъяс вылысь.*) Босъталой мешёкъяс! Койдышсö муё! (*Пёрччис шапкасö да чёвтис пернапас.*) Господи благöслöви. (*Оти-мёд бёрся колхозникъяс нуалисны мешёкъяс.*) Местаясö! (*Тэрмасьёмён мунё.*)

МУРАВЬЁВ. Но?

ВАСИЛИСА. Мый «но»?

МУРАВЬЁВ. И ыжъяс дзоњьось, и кёинъяс пётось.

ВАСИЛИСА (*серёктö*). Сытöг оз позь. (*Мунёны муюс вылö. Кольёны Ирина да Сергей.*)

ИРИНА (*неыйджыд кост бёрын*). Эстi, вöр дортыс, кёч котörtис... Матитi, матитi... Хы... тешкодь...

ОРЛОВ. Да?

ИРИНА. Да.

Кост.

ОРЛОВ. Колян во... мыйлакö тан... бипур вöлi... А таво мыйлакö абу... ни би, ни бипур...

ИРИНА. Қусic?

ОРЛОВ. Гашкё...

Кост.

ИРИНА. Да... И вот тайё кыдз пуыс...

ОРЛОВ. Мый сийё?

ИРИНА (*лолыштёмён*). Пёрсымьштіс, оз нюмъяв, а колян во нюмъяліс...

ОРЛОВ. Шондіыс кёдзыд на, сийё и оз нюмъяв... (*Ирина локтё Орлов дінё.*)

ИРИНА. Кёдзыд...

ОРЛОВ (*нежнёя пуктё кисё Ирина пельпом вылё*). Ирина... (*Дрёгнитіс.*) Ой, бара очковтирательство! (*Котёрто.*)

ИРИНА. Сергей!.. Муніс... Но вот... век сідзи... век кыдзкё сідзи... (*Локтіс кыдз pu дінё да мёвпалігмоз заводитіс сывны.*)

З а н а в е с.

Нёльёд картина

Обстановкаыс коймөд картиналён. Сöмын шоныд гожомыс вежис сылыс чужомбансö. Гёгр веж турун, цветъяс... Кыдз пулён коръясыс кокныдыка вöрыштöны тöвруясь. Ылынджык стен моз суалёт Авдейлён гырысь шепта идыйыс. Шондіа лун, вöскресенниё. Ылын кылыштö баянлён шы. Кыдз пу дорын суалёт ружье. Эжа вылын узъё Мишка.

Пырё Авдей.

АВДЕЙ (*дыр видзёдё Мишка вылё*). Хе, хе, хе... Шоналін шонді водзад, а шонді сийё ун выладтö кыскё... Но, унмовсин кё и, узышт, нинём сэн сэтшомыс абу. (*Пестё каллян.*) Дерт, эськё, эн кё унмовсъ, почётыд ыджыдджык вöлі. Но, а унмовсин кё и, узышт öти здук, садымёдны ог кут. (*Пöрччö картузсö да носёвöйён чышкё плешсö.*) Плешкёй посяліс. Вой тёв, а плешкёй посяліс. Чай эг ю ни... Мый водзын эськё? Юр чашкаой слабмис, буракё... либö притча кутшомкё суас. (*Кывзö.*) Гудёкён кодкё ворсö... Лöссыда ворсö бесыд... Сёлёмөс быдсон вörзьёдö. (*Лолыштіс.*) Да, а сёлём вылын лöссыд. Кокныда лолавсö. Кокни, кор шептыс тэ вылё видзёдё, а оз енэжё... (*Видзёдліс Мишка вылё.*) Хе, хе, хе... Олыштам на тэа-меа, Мишук! Олыштам! Олёмис миян дінё сöмын на воö! Велёда ме тэнё, дона пиукой, став кöзяйской премудростясö. Мастерён лоан. Куимсё пудйён быдтыны кутан. Ме бöрын звеньевöйён лоан, а, гашкё, и водзджык. Шуда тэ морт, Мишка, кöть и мамтём-батьётм. Но, ладнё, садымёдны кад. (*Чеччис, босытіс ружье да чургёдіс сийёс Мишкань.*) Сувт! Лэпты киястö!

Мишка чеччиштіс да чышкыштіс синъяссö.

МИШКА. А?

АВДЕЙ. Лыя!

МИШКА. Мый ляян?

АВДЕЙ. Став зарядсö морёсад лэдза!

МИШКА. Кутшом заряд?

АВДЕЙ. Ружье зарядсö.

МИШКА (*гёгёрвоис*). Дедуш, да ёд сійё зарядтём.

АВДЕЙ. Зарядтём, зарядтём... татшом каднас и зарядтогыс лыйё.

МИШКА. Кутшом кадын лыйё?

АВДЕЙ. А кор салдат пост вылын унмовсю.

МИШКА. Кутшом пост вылын?

АВДЕЙ. Колхознёйын. Мый тэ видзан?

МИШКА. Колхознёй добра.

АВДЕЙ. Колхознёй добра – сійё общественнёй добра, и видзны сійёс коло, кызд ассыыд ловтö. А тэ и ловтö ассыыд и общественнёй добротö воштін.

МИШКА. Кызд нё сідз – и лов и добра?

АВДЕЙ. А вот лыя ме тэнё! А бёрвилас сота няньсö, либо скётös лэдза: ни лолыд тэнад оз ло, ни добраыс. Гёгёрвоин тэ?

МИШКА. Гёгёрвои.

АВДЕЙ. Гёгёрвоин кё, мёдысь он унмовсъ.

МИШКА. Көть места вылø кынма!

АВДЕЙ. Сійё жё... А то пырас кутшомкё лёк, мисьтём кёза, мыйта няньсö травитас, а сейнысö тёвнас мый кутан?

МИШКА. Да, ме тёда! Ставсö тёда, дедуш. Витысь гёгортi муюстö, а онi со шондiыс личкыштi...

АВДЕЙ (*пуктiс ружъесö*). Тёда, мый личкыштi... Гёгорт муюстö и гортö, узышт рытöдзыс, а рытнас и гуляйтыштын позяс, шойччам талун.

МИШКА (*радлö*). Ме ёти здуён, Авдей дед! (*Котёрён мунiс.*)

Авдей пуксис кызд пу дінё да вомгорулас сылло.

Воё Орлов.

АВДЕЙ. А-а-а... «Заря» колхозса вождьлы енэжсянъ да муёдзыс...

ОРЛОВ. И тэныд сідзжö, Авдей Спиридоныч. Няньястö видзöдлыны локтi.

АВДЕЙ. Милости просим.

ОРЛОВ (*дыр видзöдö ид вылø*). Подведитан тэ менё, Авдей Спиридоныч, ей бог, подведитан.

АВДЕЙ. Но?.. Мыйён нё?

ОРЛОВ. Татшом урожайнад тэ Ириналысь бригадасö небесаöдз лэптан.

АВДЕЙ. Медъя, медъя...

ОРЛОВ. Сьёкыдкодь вётчыныд сы бёрся, а кольччыны ог вермы.

АВДЕЙ. Хе-хе-хе... Кольччыны оз позь.

ОРЛОВ. Менам бур, но тэнад бурджык. Тэнад и ёгыс абу, а менам эмышт... Этша, но эм.

АВДЕЙ. Таво кё вунёдан зябь горны, тасмаён пёвсала.

ОРЛОВ (*сералö*). Ог шед. Уна-ё кёсъян чукörtны?

АВДЕЙ (*сюся*). Мый ен сетас...

ОРЛОВ (*ыджыд кост бёрын*). Сьёкыд мен, Авдей Спиридоныч...

АВДЕЙ. Ыджыд кёзяйство нүöдём – абу пёсь ва пүöдём. Кодъяс нё эстён мунёны? Синмёй оз босыт, абу-ё Ирина да Александр Сергеевич?

ОРЛОВ (*видзöдöм бёрын, шога*). Найё.

АВДЕЙ. Гуляйтёны... да...

ОРЛОВ (*котёртö*). Ме регыд локта, Авдей Спиридоныч.

АВДЕЙ. Хе-хе-хе... (*Кылъ гитараён ворсём.*) Шойччоны... (*Видзёдё.*) Видзёд жё, рыжикис миян нывкаёс крукыштёма. (*Пуксьё кыдз ту сайё.*)

Воёны Люба да Курочкин. Курочкин сылъо.

АВДЕЙ. А лют, ёкаянной, сылъом вылад. Эк, ме волі томдырайи!..

КУРОЧКИН. Кыдз ту да ми, и миян кындзи некод... Гётёр лёнь, шы ни тёв... и ми... Кора пуксыны, Любовь Александровна!

ЛЮБА. Фу! Кутшом нежностья... (*Сералё.*)

КУРОЧКИН. Кони любовь, сэні и нежность... Нежносттёг любовь, Любовь Александровна, абу любовь.

АВДЕЙ. Видзёд, видзёд, кыдзи кисьтё каналъеыд!

ЛЮБА. Любовь?

КУРОЧКИН. Менам чувстваяс, кыдзи тайё гитараыслён струнаясы! Найё сылъоны любовь йылысы! Тайё струнаясыс тыромаёс ыджыд страстьён! Кыдзи ыджыд напряжениеа электрической проводъяс!

АВДЕЙ. Шуин эсько радейта – и ставыс.

ЛЮБА (*сералё*). Миян ўшо электростанцияыс абу на, а тэ нин проводъяс йылысы сёрнитан.

КУРОЧКИН (*зэв пося*). Электростанция – сийё менам съёлём! Проводъяс – сонъяс, код пыр ләбб менам пось вир! И сонъясои сылъоны, кыдзи тайё гитараыслён струнаясыс, кор инмыштас на дінё тэнад мичлуныд!

АВДЕЙ. Йоймис.

КУРОЧКИН. Гётёрвоин?

ЛЮБА (*полигтыр*). Ме ог тёд... Струнаяс сылъоны?

КУРОЧКИН. Да. И ставыс тэ вөсна, Любовь Александровна!

ЛЮБА. Ме вөсна? Мыйла нё ме вөснаос?

КУРОЧКИН. Тэ пукалан мекод орчён! О, кутшом ме шуда! Некор на ме эг вөвлө татшом шудаис!

ЛЮБА. А кор Ирина бёрсяыд вётлышин?

КУРОЧКИН. Но, Любочка, эг ме, а сийё ме бёрся вётлышис, а менам съёлёмын күйліс ии.

АВДЕЙ. Ок, яндысътом бугыль, Ѳ ачыс колян во тан жо юрсисо нетшкис си водзын.

ЛЮБА. Эн сёр, пожалуйста, Ирина дінё кё волі ии, сідзкё, ме йылысы нином и шуны...

КУРОЧКИН. Съёлёмой менам!

ЛЮБА. Кыв вылад сомын. (*Пышай.*)

АВДЕЙ. Молодеч нывка.

КУРОЧКИН (*бёрсянныс*). Люба! Любочка! Любовь Александровна! Пышайис... Эк! Прощай, гитара! Жугода и юся поимбэд! (*Кёсий кучкыны гитарасё кыдз ту бердас, но Авдей чеччё.*)

АВДЕЙ. Юны ю, а добра эн жугод.

КУРОЧКИН. Тэ мый, ту пытшкис петін?

АВДЕЙ. Небесаис уси. Гитара жугодом пыддиыд эсько бурджык волі, обра-зумитчан кё. Сидёр Егоров, царство небесной сылы, татшом кодь жо волі. Неля-

мынысь корасис, нелямын ётиёдыс петіс, дай сійё синпöла. Со кыдз артмывлö оломад, пиукöй.

КУРОЧКИН. Куйлö Курочкин кыкнан лопатка вылас. (*Нъёжийник мунö.*)

АВДЕЙ (*сералö*). Олöмыс сійё непöштö лопаткаяс вылö, а и увлань юрён вермас сувтöдны... (*Картузасьö.*) Шондіа лун, а кöдзыд...

Воö Лукерья, сылён киас кörзина.

Сувт!

ЛУКЕРЬЯ. А!!!

АВДЕЙ. Сувт, мися!

ЛУКЕРЬЯ. Усътöдз повзьöдіс.

АВДЕЙ (*броткö*). Усътöдз, усътöдз... Мыйла колхознöй йöрö ныртö сюян?

ЛУКЕРЬЯ. А кыт нö ме, Авдеюшко, ветлынысö кута?

АВДЕЙ. Раз тэ оні абу колхозница, то корсы аслыд индивидуальнöй туй.

ЛУКЕРЬЯ. Да тан жö, Спиридоныч, гöгöр колхознöй мусас.

АВДЕЙ. Вöрті ветлы.

ЛУКЕРЬЯ. Сэт öд зэв ыджыд кытш, верст квайт кымын лоас.

АВДЕЙ. Йöй юрыд век коктö песö.

ЛУКЕРЬЯ. Ме öмой абу морт, Авдеюшко?

АВДЕЙ. Артмö сідз.

ЛУКЕРЬЯ. Коді нö, сідзкö!

АВДЕЙ. Лодырь и тунеядец!

ЛУКЕРЬЯ. Господьбöй... Кывъясыс кутшöмöсö!

АВДЕЙ. Верма и мöд ногён, кыв вылö кö нин воис. Коді тэ сэтшöмыс? А со коді: крыса лудіккöд чоя-вока, а тэ налöн прислуға. Со коді тэ оні.

ЛУКЕРЬЯ. Кaitча, Спиридоныч, ок, кыдз kaitcha...

АВДЕЙ. Мый нö кörзинаад?

ЛУКЕРЬЯ. Тшактор вотыштi.

АВДЕЙ. Но, тшактор?

ЛУКЕРЬЯ. Да!..

АВДЕЙ. Зэлöдіс колхозтöгыд?

ЛУКЕРЬЯ. Зэлöдіс, ок, кыдз зэлöдіс...

АВДЕЙ. Картыд мöй оз верд?

ЛУКЕРЬЯ. Оз эскыны, пöръясян пö...

АВДЕЙ. Но?

ЛУКЕРЬЯ. Да... Сёрнитышт, Авдеюшко, предыскöд ме йылысь... Ок и уджавны кута... Кöть ёти кыв, Спиридоныч, лолös ог жалит!

АВДЕЙ. Лолыд кö абу жаль, дьяволлы вöйзы, сійё, гашкö, и заритчас тэнад лов вылö.

ЛУКЕРЬЯ (*синъяссö чышикö*). Кöть сэсся тшыглы кув...

АВДЕЙ. Ме тэнö тöда. Вир юысь рöдись петалiн, сэтшöмöн и колин. Весась!

ЛУКЕРЬЯ (*скöра*). У, лёк морт!

АВДЕЙ. Мун! Да мед сэсся кокыд эз вöв колхознöй мусас вылын! А аддза кö... (*Индö ружье вылас.*) Зарайдита солён да кыдз гымöбта, небось казявлан.

ЛУКЕРЬЯ. Ой! Збыльысь ешö виас. (*Мунö.*)

АВДЕЙ (*босытö пищальсö*). Гöгöртны мусас... А то ешö... (*Броткигтырии мунö.*)

Недыр мысти воёны Ирина да Муравьёв.

МУРАВЬЁВ. Со, Ирина, идыйс! Авдеевской ид!

ИРИНА. А абу муравьёвской?

МУРАВЬЁВ. Ме сёмын отсали... Ме рад, мый миянлы Авдейкёд удайтчис докажитны быдсяма маловеръяслы да лодыръяслы, мый и Коми муын позьё быдтыны озыр урожай.

ИРИНА. Оз ков виччысыны природалысь...

МУРАВЬЁВ. А босътны!

ИРИНА. Да. Ме некор на эг аддзывлы татшом шепсö!

МУРАВЬЁВ. Авдеевской шеп мёд во мичмёдас уна колхозной му.

Куст сайын тыдовтчо Орлов.

ИРИНА. Ме радейта сийös!

МУРАВЬЁВ. Кодös радейтан?

ИРИНА. Авдейсо! И тэнö тшётш.

ОРЛОВ. Мый ме кыла?

ИРИНА. Ме окишта тэнö, Александр Сергеевич! (*Ирина окиштö Муравьёвöс.*)

ОРЛОВ. Ставыс... (*Юрас кутчысымён пуксö.*)

МУРАВЬЁВ. Тайö мый? Премия?

ИРИНА (*сералö*). Ме ачым тёда.

ОРЛОВ. Ставыс гёёрвоана... Век ётлаын, век ётлаын!

МУРАВЬЁВ. Кор нö свадьбайтам?

ИРИНА. Ог тёд...

ОРЛОВ. Йойяс корасьёны, а вежёраяс гётрасьёны.

ИРИНА. Шуда ме талун! Съёлёмай кёсёй сывны! Босътэ эсьё став светсö, топоди морёс бердö да окал!..

МУРАВЬЁВ (*сералö*). Став светсö? (*Орёдö цветок.*) А ме вот тайö цветсö радейта!

ИРИНА. Цветъяс... и кызд пусö тайös, и сынёдсö! Со кутшом сийö кос, состём!.. Кокныда лолавсö!

МУРАВЬЁВ. Да, кокныда лолавсö миян муюс вылын!

ОРЛОВ. Кодлы кызд...

ИРИНА. Окота овны!

МУРАВЬЁВ. Помтöг овны!

ИРИНА. Быдтыны челядьёс! Уна, уна челядьёс! Эстшом, кутшомкё чангыль ныра пузатикъясöс.

МУРАВЬЁВ. Дзонь бригада. (*Сералёны.*)

ОРЛОВ (*ышловзьём борын*). Зарни мёвпъяс!..

МУРАВЬЁВ. Мёвпъяс, мёвпъяс...

ИРИНА. Тэ радейтан мёвпавны?

МУРАВЬЁВ. А кызд жö?

ИРИНА. Ме тöрыт кайи тайö кызд пу йылас, пукси ув вылö и заводитэ стройтны выль сикт... Сэтшом сикт, кутшом должен лоны коммунизм дырий. А тöльссыс ме вылö видзöдö да сералö... Ме сылы чуньён грёзитыштэ дай шуи: «Сералö сийö, кодi сералö медбöрын».

МУРАВЬЁВ. Правильнö.

Нэыджыд кост.

ИРИНА. Александр Сергеевич, а кыдз тэ думайтан, Сергей ассыыс кывсö кутас?

МУРАВЬЁВ. Урожай сылён бур. Дерт, абу Авдейлон кодь, но Курочкин дорысь бурджык.

ОРЛОВ. Казьтыштисны жö тай.

ИРИНА. Ме рад. Но гуляйтны кё и гуляйтны, ветлам – клевер видзöдлам.

МУРАВЬЁВ. А бёрвылас Эжва дорö...

ИРИНА. Ме эськö радпрысь купайтчышт!..

Ирина да Муравьёв мунёны. Орлов ньёжийёнинён чеччö да дыр видзöдö на бörся.

ОРЛОВ. Эк! (*Тигр моз чеччиштö кыдз ту динö, кватитö сийös да кёсий нетшиштны, но оз судзсы выныс.*) Крепыда пукалö... Аттьö тэныд, дона друг. Удружитин, нинём шуны. (*Кост.*) Молодец! Умница! Шудыс воё правда динö. А сиё морт справедливой... Бура кутасны овны. Нинём он вöч. (*Кост.*) Похлёбкин моз пышыны карö? Сьёлыштны кёзяйство вылö? От. Тайё нин лоас предательство. Колхозникъяс менö бöйисны кёзянинöн, сидзкё, ме танi колана морт. Э-ге, Сергей... Тэ кывтан визув нылыыд. Бергöд рултö! Чорыдджыка! Пудж сосьястö и удж бердö! Гётрасытöг олыштам, кытчöдз ог аддзы сэтшöмös жö. (*Мунё.*)

Воёны Пирогов да Василиса. Пирогов неуна юыштöма. Сылlö.

ПИРОГОВ. Тэ менö извинит, Василиса Павловна, мый ме талун ичётика кокышти.

ВАСИЛИСА. Мый нö сидз?

ПИРОГОВ. Квайт тölысь строгачös новлöдлi, тöрыт снимитисны, а талун мысъыштi, мед сэсся дукусы сылён эз вöв.

ВАСИЛИСА. А строгачнад и грекъястö?

ПИРОГОВ. Во джын вомö эг босытлы, öти войт эг видлы, выходной лун эг аддзывлы, узъны эг водлы!

ВАСИЛИСА. Зато сьёлёмыд сöstüm.

ПИРОГОВ. Кыдз синва. Да, Василиса Павловна, усыл i ме, вывтi улö усыл i.

ВАСИЛИСА. Бур ешö – ас кадö пальёдисны.

ПИРОГОВ. Бурнад бур, но век мыйкö гажтöм.

ВАСИЛИСА. Мыйысь нö?

ПИРОГОВ. Характерöй менам слабджык.

ВАСИЛИСА. А... (*Сералö.*) Мыджöд корсян?

ПИРОГОВ. Тасма мен колö, гортса тасма. (*Сералёны.*) Ме öд абу нин пöрысь.

ВАСИЛИСА. Нинём ог шу.

ПИРОГОВ. Да и чужём вылын...

ВАСИЛИСА. Но, но, но...

ПИРОГОВ. Эн вензы мекöд. Ме ешö молодец на! Сöмын вот...

ВАСИЛИСА. Мый?

ПИРОГОВ. Пирёрт пёжавны некодлы.

ВАСИЛИСА. Код нё тэд пёжалас?

ПИРОГОВ. А тэ ёмой он пёжав?

ВАСИЛИСА. Менам аслам кёзяйство.

ПИРОГОВ. Ха, ха, ха... Артмё, ме должен тэ сайё верёс сайё петны?

ВАСИЛИСА. Артмё сідз.

ПИРОГОВ. Ме ёні, дерт, абу председатель, но век жё бригадир, и менам кёзяйство...

ВАСИЛИСА. Ог вермы ме ассым колхозёс кольны.

ПИРОГОВ. Абу ло́ссыд кыдзкё мужикидлы верёс саяс петны.

ВАСИЛИСА. Сідзтö сідз.

ПИРОГОВ. Мый тэнад съёлёмыд абу али мый?

ВАСИЛИСА. Ме ёд нывбаба жё.

ПИРОГОВ. Аски гиjsям и ставыс.

ВАСИЛИСА. Вывті тай тэрыб. Иринаёс колё меститны, а бёрвылас...

ПИРОГОВ. Гётравны найёс колё.

ВАСИЛИСА. Пола ме. Костыс на костын век паськалё.

ПИРОГОВ. И ставыс ме вёсна.

ВАСИЛИСА. Олыштам – аддзам. (*Чеччёны.*) Тэнсыд муюстö гёгортім, видзёдлам жё и менам урожай вылёр.

ПИРОГОВ. Видзёдлам.

ВАСИЛИСА. Авдейсянь и заводитам.

Пирогов видзёдліс Авдей ид вылёр и места вылас кынмис.

ПИРОГОВ. Чёртыс мед менё босътас! Видзёдлам.

Петёр Авдей. Пирогов нетшыштö öти шеп.

АВДЕЙ. Сулав! Эн орёд! Орёдіс! Тэ нё мый тайё вёчан, яндысътём бугыль?

ПИРОГОВ. Орёді.

АВДЕЙ. Ме абу синтём. Мыйла орёдін?

ПИРОГОВ. Кёсий видлывны.

АВДЕЙ. Видлавнысö и сідз позьё. Ме ёд ог видзёд, мый тэ бригадир, а босъта да ло́ссышта чужомад – и ставыс.

ПИРОГОВ. Авдей Спиридоныч!

ВАСИЛИСА (*сералё*). Прёстит сійёс, Авдей Спиридович.

АВДЕЙ. Некодлы некутшом прёща оз ло.

ПИРОГОВ. Авдей Спиридоныч, со менам идыйс, орёд любой шеп.

АВДЕЙ. Омоль кёзяин, орёдны кё тшёктан. Татшом шепсö непоштö тіян колхозысь, но и став район пасътасыс он аддзы!

ВАСИЛИСА. А ёд сійё прав, Семён Иванович.

АВДЕЙ. Öти нетшыштас, мёд орёдыштас, коймёд жалитас, а мый ме вартнысö кута? Но, висътав, рушмём юр?

ПИРОГОВ. Мисътёма артмис... Мыжа, мыжа...

АВДЕЙ (*нерё*). «Мыжа, мыжа», а нетшкё.

Котёрён воёны Муравьёв да Ирина. Мёд боксянь – Орлов.

МУРАВЬЁВ. Кутшом тан шум? Мый лоис?

АВДЕЙ. Секретарь ёрт, вот эсійө со, бригадирыс, нетышштіс менсьым шеп.

МУРАВЬЁВ. Сэтшомъяслы пётачка оз позь сетны. Авдей Спиридонович, видз ассыыд урожайтö, косясь быд шеп вёсна.

АВДЕЙ. Да ме сійös лыйны верма!

МУРАВЬЁВ. А вот тайö нин весьшшорö.

АВДЕЙ. Турипувийён. (*Сералёны.*)

ОРЛОВ. Тадзтö ѡд став колхозтö верман янёдны, Семён Иванович.

ПИРОГОВ (лэптö кияссö). Сетча. Грещен.

Котёрён воё Курочкин, сылён тырёма лолыс.

КУРОЧКИН. Кытчö тi ставныд пропадитінныд?

ВАСИЛИСА. Мый нö лоис?

КУРОЧКИН. Метеостанция юортом серти тайö лунъясö ёна кёдздёдас!

АВДЕЙ. Энлы, энлы... Крещене дырии вёлi зэр...

КУРОЧКИН. Ме, ёртъяс, кынма! Ме ешö öзим кодь на веж! Колё мыйёнкö шонтыны! Ме дзикöдз кынма!

ВАСИЛИСА. Да, Курочкинлысъ участоксö колё спасайтны.

КУРОЧКИН. Ме кынма, кынма!

АВДЕЙ. Оз ков вёлi лымийö кёдзны.

ИРИНА. Абу сыын делёыс. Колё спасайтны урожай.

АВДЕЙ. Менам участок оз пов, а сэтчö жö и тёв йылын.

МУРАВЬЁВ. Ёзтыны бияс.

АВДЕЙ. Тёв саяд биясыд оз отсавны.

МУРАВЬЁВ. Сiёй збыль. Курочкинлён участокыс шор бокын, а войывыссяньыс вёр, тёлыс некор оз веськавлы.

Кост.

ИРИНА. Вöрыс миян колхозлён?

ВАСИЛИСА. Да.

ИРИНА. Ыджыд-ö кост колё, медым лэдзны тёвсö став участок вылас?

МУРАВЬЁВ. Куимсё метрысь не этшаджык.

ИРИНА. Дас кык час кежлö пöрёдны вёрсö став участок кузьтавыс и пестыны бияс!

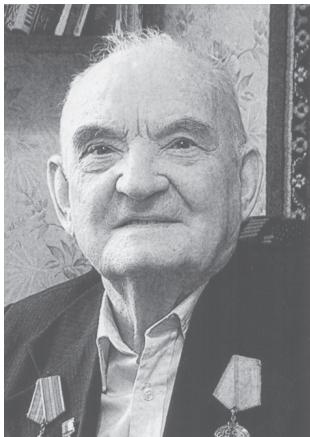
МУРАВЬЁВ. Правильнö. Мёд во гёранныд.

ВАСИЛИСА. Сöмын сiдз.

ОРЛОВ. Семён Иванович, и миян эм сэтшом участокъясыд, пудж сосъястö.

З а н а в е с.

Водзö лоё на...

Серафим Попов

Попов Серафим Алексеевич (1912–2003) чужис Яренск уездса Зөвсөйрт сиктын (Вёлётгда губерния). Чужан сиктас начальной школа помалём бёрын велёдчис Удораса Глотово школын, Емдинса мёддö тишупбда школын. 1934–1938 воясö служитис Гёрд Армиянын. Та бёрын уджалис «Коми комсомолец» газет редакцияны литературийн сотрудникён, кыккутысь секретарён, редакторён. Войналён медвoddза лунъяссян Серафим Алексеевич вёюйтис фронт вылын. 1943 воян съёкыда ранитчом бёрын воис гортас. Тайё жё воас сийбс примитисны СССР-са гижысьяс котырё. 1945-öд воян сылён петис медвoddза книга – «Фронтöвой туй».

Войнабöрса воясö гижём «Машук», «Сталинградской баллада», «Коми зон ивыльс баллада», «Вошлём морт» да мукöд гижёд паськыда нимёдисны авторös.

70-öд воясö С. А. Попов уджалис «Войнав кодзув» журналин главной редакторён. Сийбс бёрыылсны Коми АССР-са Верховной Сöветлён Президиумё Председательёс вежысыён.

Серафим Алексеевичлэсь юбзöдöма ставнас комын гёгёр книга. «Бур асыв», «Иёбдивö», «Лысва вайт», «Щугёрса зон», «Дедёлён медальяс» – тайё книгаяссö лёсъёдöма быдмысь вайтырлы.

1984 воян Серафим Поповлы, коми поэтъясысь медвoddзай, сетисны «Коми АССР-са народной поэт» ним.

«Пармаса войтырлён шуда поэт...»

* * *

Котörtла рас выlö дивёла, –
Потласьё, шуёны, кор! –
Вая ме тïяnlы ки вылын
Лэбачлысь тулысся гор.

Ма пыдди зарава вийёда,
Мездмас мед мудзлунысь лов,
Кыалысь зарниа сияссö
Тупыльб гарти ог пов.

Вёр-вайс сёлёмёс орёдны
Оз тырмы некодлён вын.
Сылы жё чолёмкыв города,
Вом дор кёть лоас нин кын.

* * *

Кöмтöм челядьлуной бура тöдса, –
Пидзöс выйöдз варччöм дой да лöм.
Дöра гач кок помöн эз вöв пöдса
Енмöн сетöм чорыд «рака кöм».
Ытшкöм виддзыд эз вöв выйтö гылыд,
Восылалïгад радлуныд эз сод...
Тулыссянь сёр арöдз ывлла вылын
Кöмтöм кокöн масьтан идза под.

Вöвлöм гöльлун!..
Кыдз бара ми сяммим
Котравны, кор муяс вöлi кын?
Кöмтöмъяслы ачыс муым-мамным
Дzonъвидзайон лоны сетлiс вын.

* * *

Дивуйтча муён и ваён,
Сынöднас некор ог пöт,
Кажитчö, олöмыс ставыс
Кутшöмкö зэв мича вöт.

Пелыстöг вöт пыжын кытны? –
Мортлы оз ков татшöм шуд:
Чукöртла, колö кö, сыв тыр
Якшалысь медводдза пуж.

Йöраяс локтасны паныд,
Жыннянъяс торкасны чöв.
Юа да ошка ме нальсь
Сус пүён руалысь йöв.

Радлун кö сёлёмсыд кылан,
Некутшöм дойён он вись...
Копыртла юрös ме сылы,
Видзö код вöр-валысь мич.

Ананий Размыслов

Комын арёсöдзыд стопка спирт эг юлой,
 Пыдди пуктылым ми сёмын юмов чай.
 Вевъялам на мёдысь коркё, шулым,
 Миянлысь оз мырддыны кё пай.
 Медся ёна радейтлым веж парма,
 Ылыстычны сысысь воли жаль.
 Тода, мыйла, торийон, ыркыд арлань
 Кыскис тэнё аслад муса Паль.
 Эг тай тёдой, оломным кызд пуксяс,
 Кымын кывбур гижас тэнад ки...
 Куим кывийон сёмын од и юксим,
 Днепр вуджигён аддзысылым кор ми.
 Биын сотчис ставнас Украина,
 Рытывлань коть кывтис тышлон гор.
 Кывбур пыдди враг туй выло мина
 Тэчис сэк поэт да смел сапёр.
 Муслункод кызд лёглун вермё овны,
 Медся бура тёдмало салдат.
 Петин кё тэ тайё тышысь ловийон,
 Аддзин, кыздзи сувтис сотчом сад.
 Тэнсыыд гу выв мутё босыта кио:
 Шогой некор сьёлёмысь оз ям!
 Коми мулён волин тэ бур пиён,
 Оні Украина и Россия –
 Кистёны пось синва куим мам.

* * *

Мамъясыд сэтшомёсый найё:
 Тёждлунныс некор оз ям...
 Конкё лёз ордымъяс сайын
 Менё тшотш виччысё мам.

Мед коть и абу нин дзоля –
 Мичмёдё юрёс дзор си! –
 Пыр сылы сэтшомён коля,
 Кутшомёс сывъявлис ки.

Муслуныд чинлё и ойдлё,
 Оти эм медмуса век...
 Мамъастё лёк кывийон дойдны, –
 Му вылын медсёкыд грек!

Кёк

Горзё кёк ассыыс помтём ку-ку,
 Вёрлышь ётнас дзик садымёдö чёвлун.
 Висьстав, кодлы тэ кёкан бур шуд.
 Кодлы сиан тэ та дыра овны?

Тешкодъ, тыдалё, юасяントор,
 Либё лэбач ээз гёгёрво мёвпёс...

Ха-ха-ха
 Ха-ха-ха... –
 Шызис вёр.
 Ха-ха-ха... –
 Мёдысь чукёстчис ковтыс.

Сэсся юасыны некор ог кут:
 Мыйла весышшёро гадайтны колё?
 Ёти нэм кё тэ му вылых олан, –
 Овны тёлкён да правдаён куж.

* * *

Тэ муннін... ставыс лои тыртём,
 И ывла югыдыс тшётш сьёд,
 А кодлы ассыыд муслун пыртін,
 Мед тайёс некор ме ог тёд.

Пыр вёвлі тадз и кольё тадзи:
 Кык сьёлём мырдысьён он йит...
 Мый корсим, сійёс эгё аддзой,
 Дай ёні ог нин аддзой ми.

Кор кольё медся шуда тулыс,
 Мёд сэтшом тулыс оз нин лок,
 Но колё чёв олёмён нуны
 Быд шогысь медся курыд шог.

* * *

Висьма кё, ме дінö врачöс эн корöй,
Бурдöданторла эн котöртöй пыр,
Ачымöс лэччöдöй Кунес ю дорö,
Кöнi быд видз лыдтöм дзоридзöн тыр!

Лапкорийён шонтыштöй позялöм морöс,
Кöчвöнъён кörтыштöй калганлысь вуж,
Шондi мед жалиттöг синъясöс èрö,
Кötöдлас юрсиös лысва и пуж.

Ог кё на бурд, ладан турун сæk пүöй,
Кöкакань шырöй да вотыштöй оз,
Чай пыдди медбур лекарство моз юа
Ю весьтö öшöдчöм сьöд сэтöр роз.

Шудöй кё яндысytöг эновтас дзикöдз,
Сэки на эскöмöй аслам оз кус...
Егырысь корсöй, ме воа кё пикö,
Мырпом, кöть некымын бурдöдан тусь.

Оз öмöй метöгсö Кунес ю пöлön
Томдырся сыланкыv восылавны пет?
Мед эг вöв ыджыд, но, век жö, ме вöлi
Пармаса войтырлön шуда поэт.

* * *

Му вылын колльöдам
Дженыыдик нэм,
Кодзуv моз дзиrдыштны
Сöмын и чужлам.
Коркö кöть öтчыдысь
Думыштлiн эн,
Олёмлысь ордымтö
Кыздзи тэ вуджан?
Кад косытö синва
И жугöдлö из,
Бурдöдö сьöлёмсыыд
Медсöйкыд дойтö.
Озырлун койышт,
А олёмтö видз
Медбörья лов шыöдз,
Медбörья войтöдз.

Валентина Канова

Канова Валентина Серафимовна родилась в 1944 году в г. Сыктывкаре. Закончила факультет иностранных языков КГПИ. С 1977 г. по настоящее время работает в научной библиотеке Коми НЦ УрО РАН.

Воспоминания об отце

Давно обдумываю и пытаюсь восстановить в памяти события прошлых, давно ушедших лет и образ отца на этом фоне.

Я помню себя с 1947 года. Кажется, в том году папа купил комнату с кухней в частном доме по ул. Ленина, 65, и вот момент того переезда и обустройства там нашей семьи я смутно, но всё-таки уже помню. Папа сам приделал просторное крыльцо с крутой лестницей, под крыльцом было сделано помещение для поросянка. Окна наши смотрели на здание сельхозтехникума. Дорога была уложена деревянными кубиками, а возле нашего дома, как и везде по городу, были деревянные мостки до самой площади, которую в те годы называли Красной. А какой был большой и шикарный двор вокруг нашего домика. Всё утопало в зелени: было много берёз, рябины, черёмухи. Папа сделал нам качели, а на красивом месте сколотил большой стол, где летом пили чай, чистили грибы и ягоды. Он был такой выдумщик: по весне, когда шёл берёзовый сок, он подставлял посуду к берёзе и собирали сок, а мама делала из него сур. Пили его и свежим, что помогало в те трудные послевоенные годы. В те годы отец ходил на работу в редакцию газеты «Вёрлэдзысь» в гимнастёрке, носил полевую сумку. Война долго не отпускала его, и это отразилось позже в полной мере на его творчестве.

*Серафим Алексеевич с женой, дочерью и внучками.
24 августа 1975 года.*

Серафим Попов.

Мои воспоминания о тех годах подтверждают фото, которое воспроизведу по памяти. Он снят на катере, находясь в командировке. Очень лихо сидит на краю кормы, в этой самой гимнастёрке, а позади пенится вода. И я всегда думала о том, как же ему не страшно...

В дом по ул. Ленина к папе заглядывали на огонёк композиторы Прометей Чисталёв, Александр Осипов, артист Эраст Попов, племянницы отца. Все они в то время были молодыми, без всяких званий. Родители любили ходить в кино, кинотеатр «Родина» был близко, через площадь, и мы ждали их возвращения, сидя летом на траве под окнами дома. Помню, что папе понравился шедший тогда фильм «Бродяга».

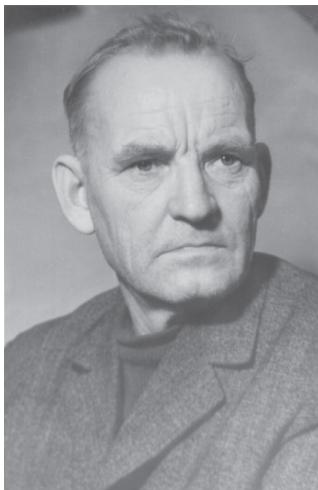
На новый 1954 год переехали в новую двухкомнатную квартиру по ул. Советской. Благосостояние семьи потихоньку росло. Отцу купили очень красивый костюм цвета морской волны, но несколько темнее. Он шёл отцу, делая его голубые глаза ярче. Именно в этом костюме рисовал его портрет маслом художник Пантелеимон Михайлович Митюшев. Он был соседом по дому, обладал добрым и спокойным характером. Картина эта находится в Национальной галерее.

С папой наша семья пережила много волнующих событий. Он был делегатом II-го съезда писателей СССР и других писательских встреч в Москве и Ленинграде. В 1959 г. он ездил по турпутёвке вокруг Европы на теплоходе «Победа» и был полон впечатлений, о чём поведал в цикле стихов.

Вся его жизнь была очень динамичной, он успевал всё: работать в газете заведующим отделом с частными командировками и вечерними дежурствами. Последние два года до выхода на пенсию он был редактором журнала «Войны кодзув». Кроме того, партийная и общественная деятельность. В 60-е годы отец занимал пост заместителя председателя Верховного Совета Коми АССР. Словом, на творчество оставались лишь выходные, отпуска и... ночи. Он отсыпал всех домочадцев спать, усаживался на кухне, включал маленькую настольную лампу и весь уходил в работу. Соседи рассказывали, что свет в окне во всём доме был только у С. Попова.

Как он создавал стихи? Мне запомнился такой момент: он пишет какое-то время, а потом проговаривает, озвучивает написанное с большим чувством. Затем снова тишина, а через некоторое время он вполголоса читает вновь сказанное. Часто обращался к маме со словами: «Мича абу?» (Красиво, хорошо ли?). Она была его первым слушателем.

Чтобы избежать житейской суэты и полностью отдаваться поэзии, папа уезжал в Дома творчества писателей в Малеевку, Переделкино (Московская область). Там писателям предоставлялась отдельная комната и хорошие условия для творчества, а также лечение. Пишущей машинкой он не пользовался, хотя старая

С. Попов. 1960-е годы.

машинка в доме была. Авторучки у него выходили из строя очень быстро, и везде можно было найти отдельные детали этих ручек. Был в доме книжный шкаф, в котором тесно стояли синие тома Советской энциклопедии выпуска 50-х годов, много русской классики (объёмные тома довоенного издания), советская, западноевропейская классика и отдельные лирические сборники. Что интересно, у него не было подписных изданий совсем, книги покупались, по-видимому, незапланированно. К концу жизни шкаф заметно опустел, оттого, что пapa очень любил дарить гостям книги на память. У него был очень красивый почерк, и текст дарственной надписи выводился им всегда бережно и аккуратно, почти каллиграфически.

Я любила рыться в шкафу и помню, что на полях старых изданий Пушкина, Лермонтова, Тютчева встречались пометки, записи, сделанные его рукой. У них он учился мастерству стихосложения. Как известно, отец не смог получить литературное образование, но он был восприимчив и открыт всему новому, да и по роду деятельности знал и понимал жизнь общества глубже и шире, чем обычный человек. Он брал регулярно из Ленинской библиотеки журналы «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Нева», «Москва», без числа покупал «Огонёк» и книжки из серии «Библиотека Огонька», литературные альманахи. Всё, что выходило в свет в Коми книжном издательстве, быстро им прочитывалось. На всё он имел взвешенное, продуманное мнение. Взволнованно заговорил он о Солженицыне, прочитав его повесть «Один день Ивана Денисовича» в «Новом Мире». Именно от отца мы узнали о Питириме Сорокине, о его зырянских корнях. А это было во время, когда имя Сорокина замалчивалось официальной пропагандой. В 1955 г. на экранах появился фильм «Карнавальная ночь». Папа советовал нам посмотреть его, видимо, считал его новым и положительным явлением в отечественном кино.

Каким ещё остался в памяти отец? Как творческая личность, он был человек настроения, причём настроение могло меняться неожиданно. Мог быть бесконечно добрым и открытым, а мог – очень напряжённым и закрытым. Мы, дети, рано научились принимать его таким, но жизнь рядом с ним не была лёгкой. Контузия, полученная на фронте, серьёзно отразилась на его здоровье. Прошло много лет, прежде чем отец обрёл душевное равновесие, а семья наша стала жить спокойно.

Отец был верен фронтовому братству. Все годы после войны он переписывался с Василием Коваленко, проживавшим в Черновицкой области. Он говорил, показывая фото друга: «Это мой ординарец». Посыпал фронтовому товарищу сборники своих стихов, дары леса. В ответ мы получали не раз посылки с различными яблоками и орехами. В 80-х годах В. Коваленко приезжал к отцу в гости.

С какой горечью отец всегда говорил о погибших на фронте друзьях детства, парнях из Жешарта, Усть-Выми, о старшем брате Алексее, мужьях сестёр Марии и Агнии. Эта душевная рана всегда была открыта, до конца его жизни. Он

Фронтовой друг Коваленко Вас. Вас. На фронте был адъютантом у С. Попова, в 1982 г. приезжал встретиться в Сыктывкар с Украинами.

некоторых лирических стихах называл «кудрия юра», у неё были красивые тёмные кудри. Куда бы он ни уезжал, возвращался всегда с подарками. Он любил дарить подарки на протяжении всей жизни, при этом сам радовался вместе с нами. Будучи в поездке, не забывал нас. Мы обязательно получали от него несколько почтовых открыток с кратким сообщением, как идут дела. Длинных писем он, как правило, не писал. Вспоминаю такой случай. Это было в 50-е годы. Отец поехал по редакционным делам в Выльгорт и неожиданно для меня привёз оттуда игрушку, оранжевого верблюда. И ещё одно воспоминание, которое до сих пор греет мою душу. Когда я была ещё очень мала, любила слушать сказку «Аленький цветочек». Читал её папа.

Видимо, мне тогда стали понятны чувства младшей дочери купца, которая попросила у отца аленький цветочек. А папу увлекал романтизм повествования: купец преодолел все преграды на своём пути и возвратился домой с аленьким цветочком.

Он воспитывал нас ненавязчиво, без нотаций и поучений. Но если спрашивали совет и просили помочь разобраться в ситуации, подходил к этому очень серьёзно, говоря при этом: «Из любого положения есть выход». Родительские собрания в школе он не посещал, полностью возложив эту обязанность на маму. Когда мы, трое детей, подросли, мы пользовались достаточной свободой и доверием со стороны родителей. Когда мы стали один за другим покидать родительское гнездо, папа свои переживания выразил в стихотворении, строчки из которого приведут:

Ну, что же? Вот выросли дети
И крылья свои обрели.
И всё им доступно на свете:
И солнце, и лоно земли...

жалел и сочувствовал инвалидам войны в их нелёгкой доле: «Ставыс кокаёсь, а тайё коктём...»

Он был тонко чувствующим человеком, как никто понимал людское горе и отзывался на него не медля. Он был хорошим сыном и братом. Когда родители состарились, не оставлял их без помощи и внимания. Сестёр поддерживал материально, когда те остались во время войны без мужей. Надёжность – одна из самых ярких черт характера отца. За ним мы были как за каменной стеной. Моей дочери Оле он фактически заменил отца. Он любил маму и нас, обожал внуков и правнуоков. Маму в

Уходят, уходят, уходят,
Быть может, совсем, навсегда,
И радость из дома уводят;
И в доме покой, как беда.

Он очень гордился сыном Женей, радовался успехам дочерей. Женя занимался парашютным спортом и работал в авиационной охране лесов после службы в армии. Папа любил говорить, что у сына много прыжков с парашютом.

Он был привычен к труду, тому, что «чёрным зовут». В 70–80-е годы я проживала в частном доме по улице Кирова. Мужчины в доме не было, и папа все хозяйственные заботы взял на себя: носил воду из колонки, колол дрова и складывал в поленницу, зимой расчищал снег вокруг дома, летом сажал, окучивал и убирал урожай картофеля и всем этим занимался с удовольствием и сноровкой.

О том, как отец любил отчий край, её природу, говорят его стихи. Нет, они не говорят, они трепетно поют, они слагают гимн всему живому:

Тайёвой эн узь –
Лоас чудё...

Или:

Дивуйтча мүён и ваён,
Сынёднас некор ог пёт...

Или:

Будь художником я –
Разве с красками стал бы возиться?
Только рамы бы сделал,
Чтоб вставить овалы озёр,
Ленты рек,
Разноцветье цветов...

Папа одевал вещмешок за спину, брал корзину и рано утром первым теплоходом отправлялся в Озёл. Любил бродить по озельским лугам и перелескам и собирать луговые белые грибы. Там же на озёрах и в протоке любил посидеть с удочкой. Вечером, уже последним теплоходом, возвращался счастливый и воодушевлённый домой. Очень сожалею, что не так уж часто мне привелось бывать с ним в таких поездках. Но как сейчас помню: жаркий летний день, в траве стрекочут кузнечики, мы идём по тропе, он впереди, я едва поспеваю за ним. Его спина становится мокрой от пота. На ходу он снимает с себя рубашку, майку, кладёт их в вещмешок, и ничего ему уже не мешает. Прекрасно ориентировался в лесу, понимал жизнь леса, знал множество примет. Поистине, это была его стихия, источник его вдохновения и... печали. Он видел, как парма страдает от неразумного хозяйствования и бездумного поведения человека в лесу. И во многих стихах он с болью говорит об этом.

Отец был Гражданином с большой буквы. Сейчас я коснусь одной деликатной темы, о которой нынче уже забыли, а тогда, в 70–80-е годы, не принято

было говорить. В эпоху всеобщего дефицита, когда за всем жизненно необходимым были бесконечные очереди, некоторые руководители республиканского значения получали спецпайки. Такую корзину с продуктами каждую неделю получал и наш сосед. Папа видел это и воспринимал очень болезненно. Нет, он не завидовал, для этого он был слишком скромным и умеренным в быту. Но как человек неравнодушный к жизни народа, он не мог принять подобные явления, это было против его принципов. Просить для себя он не умел, а следовательно, не хотел это делать ни при каких обстоятельствах. Разговоров на эту тему избегал, поэтому иногда между родителями возникали разногласия.

Любимым семейным праздником был День Победы. Много лет подряд после парада на площади собирались на Советской с детьми, внуками. Папа сидел во главе стола при всех орденах и медалях, рассказывал о войне, о том, что пережили люди его поколения за долгую жизнь. Потом мы пели любимые песни отца: «Землянка», «Тёмная ночь», «Журавли», «Снегопад». К последней песне, в исполнении Н. Брегвадзе, он был особенно неравнодушен. Папа не имел сильного голоса, но с удовольствием поддерживал нас.

На память приходят вечера поэзии в зале Облпрофсовета в 60-е годы, а летом – выступления коми поэтов на праздниках и народных гуляньях, которые обычно проходили в парке им. Кирова. Папа читал стихи в своей неподражаемой манере: горячо, приподнято, зажигая слушателей энтузиазмом. В 50–60 годы он много сил отдавал теме защиты мира, выпустил сборник «Ме славита мир». Этого требовала тревожная обстановка того времени, да в памяти ещё была свежа самая страшная из войн.

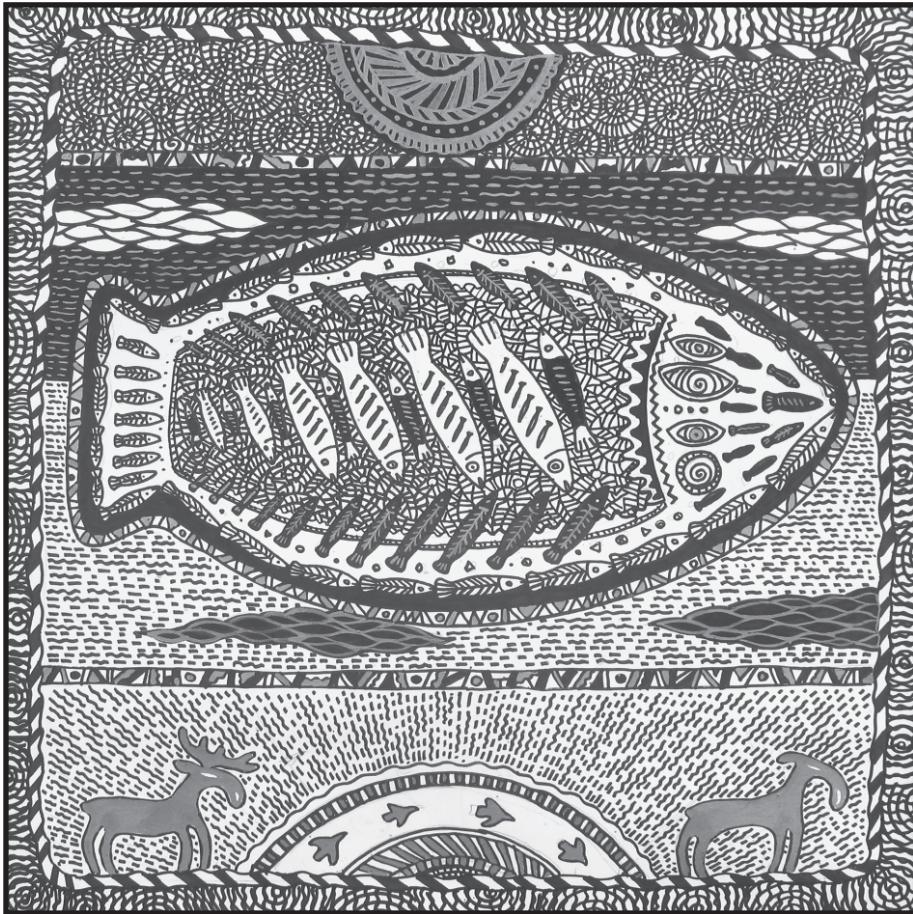
Затем наступило время больших дел, грандиозных строек, когда началось невиданное по масштабам освоение природных богатств Коми земли. Нет места, где не побывал отец: Вуктыл, Усинск, Печорская ГрЭС, побережье Карского моря. Везде он находил темы и героев для газетной полосы, а затем для стихов.

В последние годы жизни отца заботило состояние детской литературы на коми языке. Он считал, что для детей появляется недостаточно книг для чтения и издал девять книжек.

В заключение скажу, что вырасти в семье большого поэта – не каждому достаётся такая доля. Не скрою, я гордилась этим, но всегда чувствовала и другое – огромную ответственность. Словно какой-то груз давил на плечи всё время. В таких случаях начинаешь сильно зависеть от мнения людей, их оценки, перестаёшь быть самим собой. Но со временем эти чувства слабеют и уходят. Как в детстве, возвращается внутренняя свобода и остаётся одно ощущение – тихая радость оттого, что жизнь началась и прожита рядом с таким необыкновенным человеком.

Арт-факт

Светлана Беляева

Беляева Светлана Андреевна родилась в с. Мордино Корткеросского района. Окончила Пятигорский институт иностранных языков, аспирантуру СГУ (кафедра отечественной истории).

Занимается вопросами коми профессионального изобразительного искусства.

Изобразительное искусство Республики Коми в 1920–2000-е годы

Рождение профессионального изобразительного искусства в Республике Коми – явление в своём роде уникальное. Оно совпало с бурным историческим временем – революционными преобразованиями в России, началом социалистических экономических отношений и коммунистической идеологии. По определению Питирима Сорокина, искусство является наиболее чувствительным зеркалом, отражающим общество и культуру, составной частью которой оно является; то есть, каковы культура и общество, таковым будет и искусство. Профессиональное изобразительное искусство республики стало кровным дитя российского искусства советского периода с его сюжетно-тематической и стилистической базой.

В этой небольшой статье я намечу лишь основные этапы становления и развития регионального профессионального изобразительного искусства.

Первые профессиональные художники появились в Коми крае в середине 1910-х годов. Каких-либо творческих объединений ещё не было, спрос на их живописные работы был невелик. Поэтому им, первым художникам, оставалось реализовывать свои профессиональные навыки главным образом на ниве просвещения. Было их в начале прошлого века немного, жили они здесь непостоянно, покидая родные, но... провинциальные края ради творческой самореализации в крупных культурных центрах страны.

Сегодня многие региональные исследователи изобразительного искусства с интересом изучают творческое наследие А. Н. Поросятникова, М. И. Кынева, М. Е. Покровского, А. В. Холопова, В. Д. Холоповой-Новодворской. Их художественное наследие не слишком велико количественно, за исключением двух последних авторов. Но эти произведения уникальны профессионально переданным духом, ощущением своего времени, неповторимой искренностью изображённого, пока ещё полным отсутствием «дамоклова меча» государственного заказа.

На следующем этапе своего становления коми изобразительное искусство было неразрывной частью так называемой массовой художественной культуры, которая превратилась в своеобразный синтез двух компонентов: искусства и общественности. Деятельность художника переносилась в области и сферы, пролегающие вне искусства – площади и улицы, производство и быт, акты политической агитации и тому подобное. Традиционный этический компонент творчества довольно скоро деформировался в идеологизацию творчества. Во многом были отвергнуты либо значительно нивелированы принципы, без которых невозможно творческое самовыражение – спонтанность, импровизация, артистизм, субъективная вариативность и прочее.

Тем не менее, культура и искусство советского периода стали для многих народов России, в частности для коми народа, значительным шагом вперёд. Даже учитывая сугубо специфические особенности самого творчества, это было время прорыва. С одной стороны, стремительно преодолевалось узкое утилитарное назначение традиционного народного искусства, с другой, – произошло невиданное до того времени развитие материальной базы культуры и искусства, и это способствовало её массовому распространению.

В 1920-ые годы изобразительное искусство региона по сути ещё во многом носит прикладной характер, при этом стремительно обретая идеологический контекст. В круговороте масштабных государственных программ – экономических, идеологических – работа профессиональных художников Коми края была ещё почти не заметна. Изобразительное искусство пока не обособилось в сколь-нибудь самостоятельную сферу культуры, а творчество художников не выходило за пределы нужд школьного образования, театра и издательской деятельности.

Свою роль в художественной жизни республики в 1930–1940-е годы сыграли и профессиональные художники-педагоги, а также самодеятельные живописцы и графики, не получившие специального образования, которые в силу своих природных способностей работали художниками-оформителями театральных постановок, общественных интерьеров, издаваемой литературы, и о них следует замолвить слово.

И. В. Полугрудов был выпускником Кировского художественно-педагогического техникума. С 1932 года занимался педагогической работой. В предвоенные годы был инспектором Печорского районного отдела народного образования в селе Уса. **В. И. Кузиванов**, выпускник Ленинградского художественно-педагогического техникума, с 1936 года работал художником-оформителем Сыктывкарского кинотеатра. Его профессиональное творчество наиболее полно отражено в выставочной деятельности 1950-х годов. Уроженец села Выльгорт **Г. М. Киселев** тоже закончил Ленинградский техникум и с 1937 года работал художником районного Дома культуры в родном селе. **Н. А. Панев**, выпускник Кировского художественно-педагогического техникума, с 1936 года работал преподавателем изобразительного искусства Объячевской школы-десятилетки. В Республиканской типографии в конце 1920-х – 1930-ые годы иллюстрировал книги, работал в жанре карикатуры художник **А. Гендельман**.

В 1930-ые годы свою творческую деятельность начинали впоследствии широко известные художники. **М. П. Безносов**, получивший образование в Ленинград-

ском художественно-педагогическом техникуме, уже в 1932 году был принят художником в Коми книжное издательство. Там он работал в паре с художественным редактором **В. В. Поляковым**, к тому времени уже известным сыктывкарским художником, впоследствии ставшим первым председателем творческого Союза художников. **Н. Л. Жилин**, выпускник Омского художественного техникума, приехал в Сыктывкар в 1936 году и начинал самостоятельную творческую деятельность с работ по художественному оформлению города. В 1937 году состоялось первое участие в выставке **В. Г. Игнатова**. В это время он учился в Московском художественном училище Памяти 1905 года.

Среди тех, кто не обучался в специализированных заведениях, однако в силу природных способностей работал художником (чаще всего в театре), были **В. А. Прокопьев, А. В. Семяшкин, А. Г. Потапов, А. Уродов, П. И. Семячков**. Первые этапы становления профессионального изобразительного искусства региона тесно связаны с развитием коми профессионального театра. В 1920–1940-ые годы творчество театральных художников убедительно демонстрировало возрастающую социальную значимость профессии. Они, как и художники книжного дела, а позднее мастера станковой и монументальной живописи, вовлекались в единый идеологический механизм государства. Систематическое профессиональное оформление театральных постановок начинается в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Оно связано с деятельностью **Василия Павловича Малахова, Александры Александровны Полозовой, Василия Алексеевича Баусова**.

За свою короткую жизнь (прожил 29 лет) В. П. Малахов в 1930–33 годах оформил семь из четырнадцати постановок КИППТа (Коми инструктивного передвижного показательного театра) и четырнадцать из двадцати двух постановок Русского драматического театра в Сыктывкаре. В 1933 году в столицу республики приезжает уже опытный художник-сценограф В. А. Баусов, оформлявший спектакли в Тверском, Тульском и Брянском театрах. О его мастерстве говорила и прекрасная дореволюционная школа: Императорская Академия художеств, класс профессора И. И. Творожникова. Работая в театре, он одновременно отдавал немало сил Республиканскому краеведческому музею: делал диорамы, писал картины на сюжеты из истории Коми края, рисовал портреты местных знатных людей. Сегодня этот музей, а также Национальная галерея хранят пусть небольшое творческое наследие одарённого театрального художника.

В 1936 году КИППТ был преобразован в Коми областной национальный театр. Из 82 спектаклей, поставленных театром в 1936–1942 годах, более половины репертуара оформила художник А. А. Полозова. Всё своё время она отдавала театру. Последний её спектакль оформлен в 1952 году («Её друзья» В. Розова в постановке В. С. Григорьева). В фондах Национального музея РК сохранилось лишь небольшое творческое наследие художницы, не связанное с искусством сценографии.

Годы Великой Отечественной войны стали важным этапом в истории становления профессионального изобразительного искусства в Коми АССР. Война не прервала процесса его развития, а в известном смысле даже ускорила. Вся страна, включая творческую интеллигенцию, жила, воевала, работала на пределе своих возможностей, демонстрируя небывалую для цивилизованного мира стойкость, непоколебимую веру в победу. Именно в военные годы был создан Союз совет-

ских художников в Коми АССР, учреждён Республиканский художественный музей. Именно в это лихолетье началась активная выставочная и творческая деятельность художников республики.

Были объективные предпосылки для объединения всё ещё малочисленных художников республики в творческий союз в столь неподходящее, казалось бы, военное время. В предвоенные годы республика успешно развивалась экономически, и с началом войны резко возросло её значение как тыловой топливно-энергетической и лесосырьевой базы. Эти перемены сопровождались значительными миграционными процессами населения. До войны занятость немногочисленной группы художников в различных государственных учреждениях – издательстве, театре, на ниве просвещения – зависела в основном от профессиональной востребованности. Но в связи с миграционными процессами военного времени (эвакуация, репрессии) у государства возникла необходимость ужесточения административного контроля над этой группой художников, особенно приезжих. Этим же решалась задача мобилизации всей творческой интеллигенции на решение идеологических задач военного времени. 30 июля 1942 года состоялось общее собрание художников Сыктывкара. В нём участвовали художники Г. А. Стронк (уже был членом Союза художников Карело-Финской АССР), В. Г. Постников (также член СХ из Архангельска), В. В. Поляков, М. П. Безносов, В. А. Баусов, Н. А. Бармин, Е. Н. Терлецкая (эвакуированная театральная художница из Москвы), И. С. Суворов и начальник Управления по делам искусств С. М. Попова. После ряда процедур согласования с Союзом советских художников СССР, 19 января 1943 года вышло постановление Совнаркома Коми АССР «Об организации Союза советских художников в Коми АССР». Эта дата стала официальной точкой отсчёта истории творческого объединения художников республики. Наркомфину республики было предложено включить в бюджет 1943 года расходы на его содержание. Долгие годы (до марта 1962 года) с момента учреждения бесменным председателем Союза художников оставался В. В. Поляков. Несмотря на декларированный призыв избрать председателем наиболее «творчески себя зарекомендовавших», выбор партийной и государственной власти был сделан в пользу Полякова. К слову сказать, в то время были художники со значительно большим творческим опытом, например, В. Г. Постников, В. А. Баусов, А. А. Полозова.

В 1940–1950-е годы в творчестве художников Коми АССР складывались все основные виды и жанры изобразительного искусства реалистического направления. Направления, ставшего основой советского искусства. Самой поздней по времени возникновения была профессиональная скульптура, которая зародилась в республике в начале 1950-х годов. Особенно примечательно, что у нас появляются мастера монументальной скульптуры: не всякий, даже крупный, региональный город страны может назвать сразу нескольких скульпторов-монументалистов, успешно реализующих свой творческий потенциал – Ю. Г. Борисов, В. Н. Мамченко, несколько позднее – В. А. Рохин, А. И. Неверов и В. И. Смирнов (Воркута).

Процессы развития профессионального изобразительного искусства породили процессы свёртывания, оттеснения декоративно-прикладного искусства и народного творчества. До конца 1950-х годов в республике так и не сложился какой-либо уникальный вид народного промысла. В такой ситуации профессиональное

изобразительное искусство обеднялось, лишалось естественных корней развития. Кроме того, тормозилось развитие современных видов декоративно-прикладного искусства. Такая ситуация сохранялась вплоть до 1990-х годов, когда был открыт факультет искусств Сыктывкарского университета.

1950–1960-е годы ознаменовались значительным притоком молодых творческих сил в Союз художников республики. Двумя мощными потоками шли они в регион. К первому относились те художники, которых республика целенаправленно обучала в ведущих вузах и училищах страны с непреложным условием возвращения для работы на родину. Другую группу составляли художники, приезжавшие по распределению или по своему желанию. Этот приток был особенно заметен к концу 1950-х – в 1960-е годы. Так сформировались полноценные отделения республиканского Союза художников в Воркуте, Ухте, ряд художников работал в Инте, Печоре (А. П. Бухаров, Е. П. Борисевич, В. Н. Кислов, В. В. Трофимов и многие другие).

1960-е – первая половина 1980-ых годов стала периодом интенсивного развития профессионального изобразительного искусства в Коми АССР. Рост профессионального мастерства художников происходил как за счёт постоянного притока молодых художников, так и за счёт систематического участия художников республики в выставках от республиканского до международного уровня. Участие в выставках за пределами республики было мощным стимулом творческого роста художников. Этому в значительной степени способствовала и выездная работа на так называемые «творческие дачи».

Пристальное внимание к содержанию и систематическая государственная поддержка творческой работы художников окончательно сформировали систему так называемого «государственного заказа» на создание и приобретение государственными музеями произведений художников. Первоначальное назначение госзаказа заключалось в материальном стимулировании художников для развития станковых форм изобразительного искусства. В 1960-е годы госзаказ становится главным идеологическим и мировоззренческим фактором творчества. В этот период право формирования «госзаказа» окончательно переходит от Министерства культуры к партийным органам. Отраслевое министерство отвечало лишь за его реализацию.

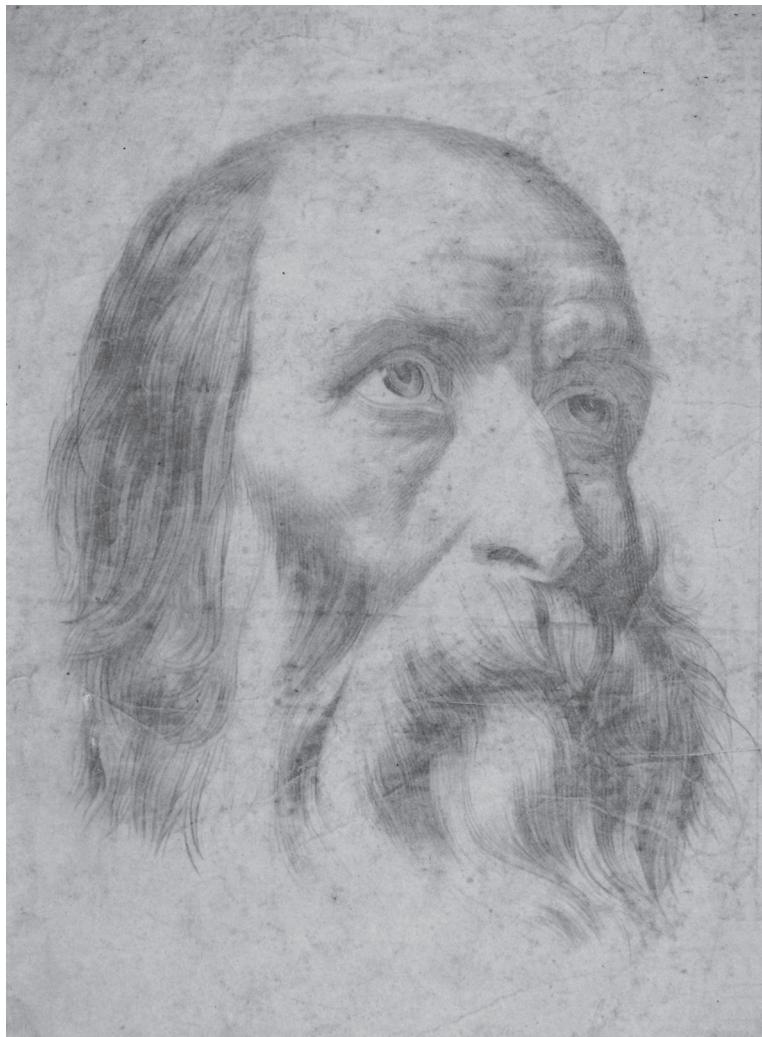
Этот период также ознаменовался формированием и успешным функционированием института «зональных выставок». Союзом художников РСФСР было принято решение о создании 10 творческих художественных регионов (зон) России для проведения совместных выставок. Художники нашей республики, а также их коллеги из Вологды, Мурманска, Карелии, Архангельска, Кирова, Пскова, Великого Новгорода вошли в состав зоны «Советский Север». С 1964 по 1989 год каждый регион принимал у себя вернисаж «Советский Север». Была выстроена чёткая четырёхступенчатая вертикаль художественных выставок: республиканская (областная) – зональная – всероссийская выставка «Советская Россия» – всесоюзная. Для продвижения вверх, к всесоюзной выставке, художественное произведение должно было пройти все этапы вертикали. Это стало обязательным условием. Вернисажи под знаком «Советский Север» оказались особенно важными для Республики Коми, как наиболее удалённой от основных культурных центров северной зоны. Время между зональными выставками, которые проходили через

4–5 лет, было заполнено напряжённым трудом, творческими командировками и пленэрами художников. Зональные выставки способствовали более равномерному развитию всех видов изобразительного искусства – живописи, графики, скульптуры, театрально-декорационного, монументального, декоративно-прикладного искусства. И даже если они развивались в регионе не одинаково успешно, выставки здраво выявляли слабые стороны, и это помогало идти дальше. Зональные выставки стали «шлагбаумом» для откровенно слабых произведений. Так или иначе, художники, видя лучшие творческие достижения своих коллег, стремились к своим высотам в искусстве.

Время со второй половины 1980-х годов оказалось болезненным для профессионального изобразительного искусства как в стране, так и в Республике Коми. Переход на рыночные отношения резко затормозил развитие материальной базы культуры в целом. Государство последовательно уменьшало финансовую поддержку отечественной культуры, полагая, что рынок автоматически решит все проблемы. Количество выставок пошло на убыль, затруднились творческие контакты художников с коллегами других регионов страны, даже обретённые свободы не помогли преодолеть психологию художников, порождённую системой «государственного заказа». Госзаказ так и не был заменён системой творческих конкурсов и премий, грантов, выставок с закупом работ, внедрением программных методов организации и финансирования творческой деятельности художников.

Неблагодарное это занятие – предполагать, что будет завтра. Организационно любой творческий союз чаще всего держится на харизматическом лидере. В истории коми изобразительного искусства их было только двое – В. В. Поляков и Р. Н. Ермолин. Для обоих, к слову сказать, природная склонность к лидерству была в значительной мере подкреплена могучей поддержкой государства. Семя, вовремя посеянное, хорошо орошённое, дало богатые плоды. Сегодняшнее состояние творческого Союза художников, мягко говоря, сложное. Так и не сложился сколь-нибудь обширный свободный художественный рынок в регионе, нет притока молодых художников, из-за финансовых трудностей практически не пополняется раздел коми изобразительного искусства в коллекции Национальной галереи, практически отсутствует творческое взаимодействие художников с коллегами по стране и за рубежом. Есть проблеск надежды, что профессиональное изобразительное искусство региона будет развиваться в несколько ином направлении. Эта надежда связана с систематической подготовкой кадров дизайнеров и мастеров декоративно-прикладного искусства на факультете искусств Сыктывкарского университета. Хочется надеяться, что опытным педагогам хватит терпения и настойчивости научить своих питомцев не замыкаться на достижениях изобразительного искусства своего региона. Для того, чтобы искусство не обрело ярлыка «местечкового».

Многовековая история России, опыт развитых европейских стран говорит о том, что в условиях рыночных отношений без государственной поддержки у культуры мало шансов выжить. Сами по себе рыночные отношения не могут служить универсальным средством сохранения, а тем более приумножения духовного и социокультурного потенциала общества.

А. Холопов. Голова старика. 1893. Б., карандаш. 23×19.

Вера Морозова

Вера Семёновна Морозова. Закончила Ленинградский институт культуры. Театральный критик. Член Союза театральных деятелей России.

Живёт в г. Сыктывкаре. Директор Колледжа культуры.

«Сыктывкарса тулыс»: вчера, сегодня, завтра

В преддверии фестиваля «Сыктывкарса тулыс», который должен был состояться с 24 апреля по 2 мая, – мне удалось взять интервью у директора Государственного театра оперы и балета Республики Коми Валентины Ивановны Судаковой. Несмотря на её фантастическую занятость, полчаса для разговора было найдено. Ещё полчаса мне было уделено по завершению Недели (именно так – с большой буквы!).

По воспоминаниям М. Л. Герцмана, идея «замутить» какой-нибудь фестиваль на базе Театра оперы и балета возникла впервые более двух десятилетий назад у тогдашнего директора театра, ведущего оперного солиста Юрия Леопольдовича Главацкого. Замысел был поддержан Министерством культуры, в частности, неутомимым и неугомонным заместителем министра Маргаритой Прима, и, естественно, в составлении программы живейшее участие приняла главный режиссёр Ия Петровна Бобракова.

Так появился фестиваль под названием «Сыктывкарса тулыс», что в переводе с коми означает – Сыктывкарская весна. Поначалу он был детищем города (при мэр С. Каракчиеве), позже дорос до статуса республиканского, а к моменту назначения директором театра В. И. Судаковой уже считался международным, так как к пятому году своей жизни в нём принимали участие солисты из Венгрии, Финляндии, Эстонии. В 1996 году проект фестиваля был удостоен Премии Правительства РК.

В те годы вряд ли кто предполагал, что фестиваль разрастётся, развернётся так быстро, так уверенно: многие высказывали сомнение в том, что классические опера и балет сумеют привлечь полные залы. Раньше организаторы предполага-

Анастасия Исаева – Одетта («Лебединое озеро»).
Фото Д. Напалкова.

ли лишь всплеск зрительского интереса горожан и сельчан из близлежащих районов к задуманному мероприятию. Но сейчас по телефону директора, размещённому на сайте фестиваля, звонят импресарио известных российских и зарубежных солистов, обращаются и сами артисты: престижно в профессиональном резюме указывать участие в творческом форуме международного ранга. Теперь Валентина Ивановна Судакова имеет право говорить о включении своего зрелищного учреждения в единое театральное пространство – причём, не только России, но Европы. Глядишь, – и Ла-Манш удастся преодолеть.

Сегодня зрители Республики, расположенной не близко к театральным мегаполисам, – имеют возможность познакомиться с искусством выдающихся мастеров, – солистов Пражской оперы, Метрополитен-Опера, Большого театра, Мариинки и т.д. Артисты же нашего театра непосредственно в твор-

ческом процессе получат своеобразные мастер-классы от «звезд», узнают какие-то профессиональные секреты. Да и сами гости рады побывать в считающейся экзотичной северной республике, поработать в новом коллективе, а то и встретиться с сокурсниками.

Для обогащения звучания оркестра приглашаются музыканты из российских городов – и некоторые из них приезжают уже несколько лет подряд: валторнист А. Кононко и гобоист Е. Щеголев из Питера, альтистка Е. Онуфриева из Архангельска и др. Всего в этом году было приглашено 7 музыкантов. Во многом благодаря им оркестр звучал насыщенно и объёмно.

Давно успели полюбиться сыктывкарским зрителям Дамир Басыров (Пражская опера), Владимир Ванеев (Мариинский театр), Михаил Макаров (Михайловский театр из Санкт-Петербурга), – к слову, они выпускники Республиканского колледжа искусств, закончившие в своё время столичные консерватории.

Но некоторые нынешние солисты приезжают в Сыктывкар впервые: Ирина Адилова – юная балерина Театра оперы и балета Санкт-Петербургской консерватории приглашена для исполнения партии принцессы Авроры. Впервые в столице Коми исполнит партии Одетты-Одиллии в свои 23 года обаявшая полмира Анастасия Исаева – тоже из Санкт-Петербурга (Академический театр балета им. Л. Якобсона). Валентина Ивановна с гордостью называет имя ещё одного танцовщика – Ульви Азизова, солиста Пражской государственной оперы и Словацкого национального театра (рост 185 см, жгучий брюнет с темпераментом восточного человека и испанца), который пробудет на фестивале всю неделю. Неплохим сюрпризом для зрителей станут

Анатолий Измалков и Георгий Фараджев («Севильский цирюльник»). Фото Д. Напалкова.

выступления в Сыктывкаре солистки Мариинского театра, обладательницы красивого меццо-сопрано Натальи Евстафьевой и ведущего солиста Национальной оперы Украины, владеющего настоящим бельканто тенора Игоря Борко. Во второй раз выступит на фестивале лирический тенор Георгий Фараджев из московского театра «Новая опера» – роль изнеженного графа Альмавивы («Севильский цирюльник») очень органична его певческой индивидуальности.

Если сравнивать программу нынешнего фестиваля с предыдущими, то новым станет совместный проект Большого театра с нашим театром: с оркестром (дирижёр – Тигран Ахназарян) и солистами театра будут петь народные артисты СССР Маквала Касрашвили и

Зураб Соткилава. Эти имена не нуждаются в аттестациях. Дебютантка же Галина Маликова, родом из Седкыркешта, которая, наверное, и мечтать не смела о таком – в первый же год работы будет петь в дуэте с мировой знаменитостью.

Кроме того, предлагается – с прицелом на молодого зрителя – постановка оперы В.-А. Моцарта «Так поступают все...», в которой исполнителями будут студенты и недавние выпускники Санкт-Петербургской консерватории. Фишку ещё заключается в том, что художественное оформление спектакля, очевидно, будет типично студенческим – «в выгородках» – то есть, самое минимальное – обычно в выгородках актёры репетируют, когда не готовы настоящие декорации. Так, во всяком случае, демонстрировалась опера-буфф в записи, присланной оргкомитету. Зато всё внимание зрителей может сосредоточиться на игре и пении артистов.

В. И. Судаковой есть чем гордиться: уже несколько лет подряд театр участвует в конкурсе грантов программы «Культура России» – и выигрывает. И проводит фестиваль! Из провинциальных городов только Саратов «обогнал» столицу Коми – он в этом году реализует свой 24-ый музыкальный форум, Сыктывкар – 21-ый. Все другие музыкальные фестивали – моложе. Считается, любой фестиваль – это своеобразный мониторинг творческого состояния региона в целом. Если в Москве или Питере проходит в год более четырёх десятков подобных мероприятий, в городах-миллионерах – их по 10-12, то у нас в республике – устоявшимся можно считать только «Сыктывкарса тулыс»...

В планах театра – расширение количества исполнителей, приезжающих из-за пределов республики. Возможно

их разделение по рангу: приглашённые звёзды и просто участники фестиваля, которые сами пожелают приехать *на условиях театра*: например, с частичной оплатой командировочных. В планах и приобретение аппарата с переводом текста оперы, идущей на языке оригинала. Подобный эффект бегущей строки имеет цену вопроса в 2,5 миллиона.

Есть о чём помечтать!..

...Вечером Пасхи в Театре оперы и балета был аншлаг: шёл балет «Спящая красавица» с двумя приглашёнными артистами. В краткой церемонии открытия директор театра В. И. Судакова, а также заместитель министра культуры РК С. И. Белорусова и председатель Союза композиторов РК М. Л. Герцман выразили уверенность в том, что долгожданный фестиваль оправдает ожидания публики, что он не только позволит испытать эстетическое наслаждение, но откроет новые имена, даст возможность самим зрителям открыть для себя новые ощущения и чувства.

Несмотря на то, что новый балет-майстер-репетитор театра Андрей Стрельмахов, знающий уровень многих российских балетных трупп непонастышке, для телевидения определённо высказался в том духе, что съктывкарские артисты не уступают приглашённым в мастерстве, – хотелось удостовериться в этом самостоятельно. Хорошо, что спектакль «Спящая красавица» идёт в театре давно, поэтому внимание удалось сконцентрировать именно на исполнении – в ином случае могли бы отвлечь и роскошные декорации, и яркие выразительные костюмы. Выход принцессы Авроры явил тоненьку как стебелёк, хрупкую точёную фигурку Ирины Адиловой. Поначалу она, видимо, чувствовала себя несколько скован-

ной – и первый прыжок был невысоким, и фиксация позы не сразу удалась, – но позже она проявила и музыкальность, и гибкость, и выразительные руки – словом, растанцевалась. Рядом с ней Ульви Азизов выглядел настоящим атлетом – белый костюм принца Дезире особенно рельефно обрисовывал великолепно тренированный торс танцовщика. Его профессионализм проявился не только в бережном подходе к партнёрше, в надёжных поддержках, но и в мощных высоких прыжках с мягким (так и хочется сказать – как у тигра) приземлением, в красивых эффективных позах. И всё-таки, показалось, что артистам не хватило репетиционного времени на то, чтобы полностью проявить свои исполнительские возможности, раскрыть взаимоотношения героев.

И действительно, наши артисты, исполнявшие все другие партии, – никак не выглядели провинциалами. Особенных аплодисментов вызвало исполнение основной партии – щедрой на добро феи Сирени – любимицей съктывкарской публики Натальи Супрун. Хорошо приняли зрители великолепные, слаженные дуэты Голубой птицы с принцессой Флориной (А. Кудряшов и М. Окумуря) и Золушки с Принцем (А. Сергеева и Р. Бикмухаметов). Участие в балете учеников хореографического отделения Гимназии искусств просто украсило постановку. В целом первый спектакль фестиваля оставил самые приятные впечатления.

В прошлом году фестиваль открывался «Богемой» Дж. Пуччини в постановке приглашённого итальянского режиссёра и сценографа Паоло Паницца. Мне тогда не удалось посмотреть оперу, в которой, как говорили театралисты, большую роль для создания зрительского впечатления сыграло художе-

Альфия Коротаева и Михаил Журков («Богема»).
Фото Д. Напалкова.

ственное оформление – с мастерской богемного поэта под самой крышей дома – до Луны рукой достать! – и живописным уголком Латинского квартала Парижа. А сейчас опять – помимо согласия с восприятием оформления, а также сюжета и спектакля в целом – невольно происходило сравнение приглашённого солиста Игоря Борко с сыктывкарскими его партнёрами. Пением И. Борко можно было реально заслушаться – его тёплый, богатый красками, уверенный в верхах и низах тембр волновал, несмотря на то, что опера исполнялась на языке оригинала. Позже в Интернете я нашла отзыв, принадлежащий издателю Антону Йожик Лейбу о его исполнении, и отзыв этот совпал с моими ощущениями: «Красота и сила этого голоса, изящество и глубина, мастерство исполнения – настоящие... Когда слушаешь И. Борко – ощущаешь рост

пространства, ощущаешь прикосновение неподдельной красоты. Здесь есть та самая искренность, которая делает искусство универсальным языком общения, понятным всюду и всем». Лучше не скажешь!

Достойной партнёршей Рудольфу была Мими – Ольга Сосновская, которой удалось создать трогательнейший образ девушки, чью молодую жизнь обрывает чахотка. И летел голос нашей красавицы-солистки далеко, без натуги, очень проникновенно – даже в труднейших мизансценах – лёжа на смертном одре своей героини. Другую – достаточно заметную – пару составили темпераментная Альфия Коротаева в роли безбашенной певицы Мюзетты и романтичный Михаил Журков – художник Марсель. Мне подумалось, что всех этих исполнителей свободно можно предста-

Игорь Борко и Ольга Сосновская («Богема»).
Фото Д. Напалкова.

вить и на столичных сценах. Сама постановка – с живыми массовыми сценами, с исполнителями-детьми радowała глаз и увлекала сюжетом.

Ещё один оперный спектакль в жанре буфф показали молодые исполнители студии Санкт-Петербургской консерватории. «Так поступают все...» Моцарта прошёл всё-таки не в формате студенческого показа, а настоящим спектаклем: к нему нашлись в театральных закромах чудесные костюмы, вся необходимая бутафория и подходящая декорация. Помог артистам освоиться на новой сценической площадке наш режиссёр С. Сушенцев, а сложнейший вокальный материал помог представить в надлежащем качестве приехавший специально из Санкт-Петербурга дирижёр Андрей Великанов. Студийцы оказались в отличной форме: дуэты, трио, квартеты, квинтеты были исполнены отчётливо, легко и изящно, естественно перемежались речитативами в игровой манере, – при этом нисколько не препятствовало соблюдению ансамблевости, слаженности пения какое бы то ни было расстояние между

героями. Особо в представленном спектакле хотелось бы отметить чувство юмора маленькой, но дружной труппы – редкостно-непринуждённое, по-молодому задорное. Лично для меня опера-буфф стала настоящим откровением. Мне, правда, не отсмотревшей все заявленные постановки, показалось, что это лучший спектакль фестиваля, пример гармоничнейшего соотношения игры, пения и звучания оркестра. Причём, даже импровизированная, как будто бы spontanно возникшая декорация оказалась «в тон» студенческой постановке.

Других исполнителей, заочно представленных мне В. И. Судаковой, я увидала на заключительном концерте фестиваля. Молодая, яркая певица Наталья Евстафьевна оказалась похожей на нашу О. Сосновскую – та же стройность, та же эффектная внешность, – с глубоким сильным голосом. Мне говорили, что она очень хороша была в партии Кармен. В концерте Н. Евстафьевна исполнила арию Далилы. Свою репутацию одного из лучших баритонов Европы подтвердил Дамир Басыров (при этом нельзя было не отметить его прекрасный концертный смокинг и по-спортивному подтянутую фигуру). Он спел сложнейшую арию опричника Грязного из оперы «Царская невеста», а в программе фестиваля исполнил в «Кармен» роль соперника Хозе – Эскамильо.

Великолепно показался бас Владимир Ванеев сначала в лирическом ариозо Мазепы, затем в роли графа Томского из «Пиковой дамы», – и в его зловещей балладе о трёх

В. Ванеев (в центре) в роли графа Томского («Пиковая дама»).
Фото Е. Габовой.

таинственных картах, и в озорной легкомысленной песенке. К сожалению, на этот раз оказался не в самой лучшей форме Михаил Макаров: ария Каварадосси выявила некоторые проблемы с вокалом. Зато с видимым удовольствием, а потому полным голосом, эмоционально и потому – блестяще – исполнил Алексей Моисеенко романс Р. Фальво «Скажите, девушки, подружке вашей...».

Дебютантка Галина Маликова замечена была в трёх номерах концерта: вместе с Еленой Лодыгиной спела в изящной пасторали «Искренность пастушки» («Пиковая дама»), затем исполнила Сегидилью из «Кармен» и напоследок – вместе с Анатолием Журавлёвым – исполнила заключительный дуэт из той же оперы. В последнем номере солисты явили (скорее всего от излишнего, но понятного, впрочем, волнения) неподобающие страсти: зрители некоторым образом даже забеспокоились – не получат ли настоящие ушибы исполн-

ители, затеявшие ссору между своими героями. Но всё обошлось: на поклон артисты вышли без видимых повреждений. Достойно, но скромно – видимо, из намерения уступить внимание зрителя гостям – исполнили свои номера Елена Лагода (ария Чио-Чио-Сан), Ольга Сосновская (колыбельная из оперы «Порги и Бесс»), Альфия Коротаева (валс Джульетты из оперы Гуно), Анатолий Измалков (эпигалама из оперы «Нерон») и Владимир Морозов (каватина Алеко).

Настоящими премьерами сыктывкарской балетной труппы выглядели Наталья Супрун и Артём Кудряшов, из-за досадной оплошности ведущей не завершившие свой празднично-торжественный дуэт: Па-де-де из «Корсара». Из других балетных номеров хотелось бы отметить прекрасно отрепетированный, музикально и чисто исполненный Вальс цветов из «Спящей красавицы».

Профессионализм высшей пробы продемонстрировала Анастасия Исаева в танце стиля модерн «Портрет в красном»: она создала образ женщины – победительницы, вечно сомневающейся в себе, но идущей к цели через любые препятствия. Её платье огнём полыхало, осваивая все планы сцены, кружило и гипнотически втягивало в своё кружение сценический воздух – невозможно было глаз отвести от танцовщицы. Во втором отделении концерта она с партнёром Ульви Азизовым, а также с исполнительницами вариаций Миной Окумурой и Маргаритой Фильевой выступила в Гранд-па из балета «Дон Кихот». Именно *выступила*: классический танец не допускает открытой страсти, он говорит о чувствах в предельно условных, будто бы закодированных движениях. Но и здесь А. Исаеву не сковали каноны: её героиня представлена перед публикой воздушно-лёгкой, сол-

Ирина Адилова и Ульви Азизов («Спящая красавица»).
Фото Д. Напалкова.

нечно-радостной. Мелкие, отточенные движения балерины едва успевали отмечаться зрителем, а в финале её тридцать два фуэте восхитили безупречностью исполнения, улыбкой на лице – шармом признанной звезды. Ульви Азизов (теперь уже в чёрном костюме) – также проявил свои лучшие качества: к концу фестиваля он вполне освоился на сцене Театра оперы и балета – и теперь уже не просто преодолевал пространство, но использовал его атмосферу для полёта. В интервью съктывкарской прессе он признался, что начал заниматься хореографией поздно – лет в 15, но нисколько об этом не жалеет: он не устал танцевать, он находится в постоянном процессе поиска. Ему всё интересно в балете – это и работа его и всеобъемлющее хобби. Словом – жизнь.

С особенным интересом ожидали зрители концерта мэтров Большого театра. Зал радовал аншлагом, дамскими нарядами, наличием заметных фигур из

властных сфер – и был, что называется, – наэлектризован. Во-первых, не хотелось разочаровываться: что, если звёзды уже гаснут? Всё-таки, возраст... Во-вторых, что, если наши солисты не ответят ожиданиям?..

Первой на сцену вышла, скорее, – вплыла – в нарядной строгой накидке Маквала Касрашвили. Как многие певицы в её годах, она оказалась очень полной – сравнимой, пожалуй, в коллекции с М. Кабалье. Но при общей разработанности исполняемых произведений в её пении уже ощущалась некая эмоциональная утомлённость. Зато Зураб Соткилава оправдал все ожидания: живой, улыбчивый, всё ещё влюблённый в сам процесс пения. Он пел и один, и в дуэте со своей ученицей из Московской консерватории, и в ансамбле с нашими солистками. Приятно было заметить, что его по-прежнему волнует женская красота. Совершенно по-отечески он отнёсся к исполнению дуэта Хозе и Кармен с нашей Галиной Мали-

Дамир Басыров – Эскамильо («Кармен»). Фото Д. Напалкова.

Михаил Макаров и Наталья Евстафьева («Кармен»).
Фото Д. Напалкова.

ковой, всячески поддерживая партнёршу своей игрой. И в итоге – покорил всех! Наверное, и его наша публика не оставила равнодушным. На прощание он даже спел незапланированно – без аккомпанемента оркестра – грузинскую песню. Это при том, что на репетиции они с Маквалой дружно заметили – акустика оставляет желать лучшего. Но и Касрашвили, и Соткилава искренне благодарили наш оркестр, который по такому случаю выбрался из привычного места работы на открытую сцену, и играл свободно – наверное, и с волнением, и с удовольствием – под руководством главного дирижёра Тиграна Ахназаряна.

Уже вне орбиты фестиваля – отдельными проектами – прошли ещё два концерта – Дамира Басырова в зале Института геологии (программа из военных песен) и Владимира Ванеева с его учениками – на сцене Театра им. В. Савина. На втором концерте я присутствовала и отметила, что Владимир Борисович горд представлять своих питомцев на родной земле. Их было всего 5 – двое юношей лет двадцати и три девушки – на год-два постарше. Они ещё

чуть-чуть робели (в особенности Геворг Амбарцумян и Юрий Заряднов), но уже умели петь и накопили серьёзный классический репертуар: Юлия Мазурова начала своё выступление арией Любаши из «Царской невесты», Эвелина Агабалаева – арией Иоанны из «Орлеанской девы». Третьей (неожиданно для меня) оказалась дочь Ванеева – Ирина: высокая, статная, светловолосая – в отца. Вероятно, она волновалась больше всех: первое произведение – «Аве, Мария» Д. Каччини – исполнила очень сдержанно, ровно и старательно. Затем ещё две арии – уже свободнее. Но напоследок – в роли Екатерины-Марты из оперы А. Петрова «Пётр I» – раскрылась: голос будто окреп, сама раскраснелась, загорелись глаза, изменилась поза. Поверилось: *такая* – может стать императрицей!

На второй встрече с Валентиной Ивановной Судаковой я попросила подвести итог мероприятию в целом – всё ли удалось, не было ли сбоев в производственном процессе. Ответ был очевидным: коллектив работал с большим напряжением сил – в особенности оркестр – но все свои задачи выполнил. Все приглашённые исполнители выражали удовлетворение приёмом и организацией фестиваля.

– Что ожидает театр в ближайшее время? Гастроли в Кирове.

– Каковы планы на перспективу? Через год – «Сыктывкарса тулыс – 2012».

– Дальше? Дальше – гастроли в Европе: Австрия и Англия.

– Переговоры? Уже начались!

Обзоры. Рецензии. Письма

* * *

В октябре 2009 года Национальная галерея представила проект выставки молодых художников на X Российско-Финляндском культурном форуме. Руководитель Общества художников г. Ювяскюля (Финляндия) Пертти Карьялайнен поддержал проведение данной выставочной акции. В апреле 2011 г. в Сыктывкаре молодые художники Республики Коми и Финляндии открыли совместную выставку.

Художников Финляндии представляли Тимеа Муси, Ристо Каё и Яко Яппинен, которые являются членами Ассоциации художников г. Ювяскюля. Они участники многочисленных финских и международных проектов.

Направления художественной деятельности финских авторов разнообразны. Работая в классических видах изобразительного искусства, они привносят туда современные формы. Творчество каждого из них индивидуально и, можно сказать, их приоритеты уже сложились. **Тимеа Муси**, профессиональная художница в области графики, представляет свои оригинальные и печатные листы на европейских выставках нового искусства, международных фестивалях графики. Работает она и в области фотографии. В искусстве **Ристо Каё** старые классические тенденции соединены с новыми веяниями. Особое внимание он уделяет жанрам портрета и карикатуре (особенно он увлечён экстремальной карикатурой). Наиболее молодой автор – **Яко Яппинен** – занимается настенными росписями, которые украшают ряд общественных и культурных зданий г. Ювяскюля.

От Республики Коми в проекте приняли участие художники **Ольга Кривушева** с эстетическими графическими листами и инсталляцией, **Тарас Геш**, **Андрей Ретанов** с антиэстетической живописью, и **Виктор Гаусса** – все они выпускники факультета искусств Сыктывкарского государственного университета. Это, по сути своей, актуальные художники, ориентированные не столько на местный, сколько на интернациональный художественный процесс.

Актуальное искусство чрезвычайно трудно для восприятия, аудитория актуальных художников драматически немногочисленна. Поэтому представители страны **SUOMI** и **KOMI**, в контексте художественной жизни Сыктывкара, рассматриваются как некие **OMI**-пришельцы.

* * *

7 апреля в Национальной галерее открылась выставка преподавателей и студентов факультета искусств Сыктывкарского государственного университета (к 10-летию образования факультета).

Факультет искусств был открыт в составе Сыктывкарского государственного университета в 2000 году, когда были созданы условия для реализации двух актуальных образовательных программ: народное художественное творчество и дизайн, в 2005 году была открыта образовательная программа «Изобразительное искусство» с педагогической квалификацией. Тогда это был единственный факультет на Восточно-Европейской части России, готовящий специалистов с выс-

шим образованием в области искусства. Факультет возглавляет доктор филологических наук, профессор Людмила Викторовна Гурленова.

Кафедра декоративно-прикладного искусства поддерживает традиции художественных народных ремёсел и промыслов, которые переживают глубокий кризис, в связи с этим большое место в образовательной программе занимает изучение технологии и художественных средств различных народных ремёсел (художественная роспись по дереву, ткачество, трикотаж, керамика) и дисциплин «Народный костюм», «Народная игрушка».

Выпускники факультета работают в педагогической сфере (преподавательский состав Центра ремёсел «Зарань»), учаются в аспирантуре. Ряд выпускников успешно реализуются в крупных городах России (С.-Петербург, Москва, Новосибирск), за границей (Эстония, Германия). Наложены дружественные крепкие связи с вузами и музеями Удмуртии, Москвы, С.-Петербурга, с художниками Европы и Севера Африки.

Главная задача кафедры дизайна – эстетизация городской среды с помощью средств графического дизайна и дизайна среды. Решению названных проблем были посвящены и дипломные работы (визуальный стиль санатория «Серёгово», оформление различных отделений республиканской детской больницы, проект Центра для престарелых людей и инвалидов). Студенты победили в конкурсе «Древо» для республиканского этнопарка с. Ыб.

Кафедра изобразительного искусства реализует педагогическую программу высшего образования – готовит учителей изобразительного искусства для различных учреждений республики и даёт общепрофессиональную подготовку для дизайнеров и прикладников.

Факультет имеет хорошую материальную базу, собственный выставочный зал, художественный салон «Эскиз», при факультете работают Центр художественного образования, вечерние подготовительные курсы.

В экспозицию юбилейной выставки вошли работы преподавателей и студентов по следующим номинациям: живопись, графика, декоративно-прикладное искусство, графический дизайн, мультимедийный дизайн, печатная графика, фотография, арт-объекты, живопись, графика. Всего в экспозиции будет представлено около двухсот работ и арт-объектов.

* * *

5 мая в Национальной галерее Республики Коми состоялось открытие выставки Народного художника Республики Коми Виталия Васильевича Кокачева, приуроченной к 66-летию Победы в Великой Отечественной войне и 85-летию художника.

В. В. Кокачев – известный в республике график, мастер акварели. Художник родился 29 декабря 1925 года в Ярославле, в 1958 году окончил Ярославское художественно-педагогическое училище. После окончания училища молодой выпускник приезжает в Сыктывкар, где и живёт по сей день.

С 1975 года Виталий Кокачев является членом Союза художников СССР. В 1996 году он был удостоен звания Заслуженного работника Республики Коми, в 2005 году ему присвоено звание Народного художника Республики Коми.

В. В. Кокачев – ветеран Великой Отечественной войны, фронтовик-инвалид. За проявленное мужество он был награждён орденом Отечественной войны I степени, медалью «За Отвагу», другими правительственные наградами.

Творчество В. В. Кокачева отличается многообразием жанров, образов, тем. В его живых натюрмортах, чутких пейзажах, своеобразных портретах, сюжетно-тематических картинах воплотились темы войны, деревни, спорта. Одна из важнейших тем – Великая Отечественная война («В госпитале», «Пожар», «Вдовы», «Освобождение»), к которой художник возвращается на протяжении многих лет.

Виталий Васильевич, несмотря на полученное ранение и преклонный возраст, ведёт активный образ жизни. За его плечами – участие в республиканских, российских и даже международных соревнованиях среди инвалидов по футболу, плаванию, лёгкой атлетике, шахматам и другим видам спорта.

Сегодня художник не останавливается в поисках художественных решений, экспериментирует с цветом, формой, техникой, пытаясь показать авторское видение мира.

* * *

Национальный музыкально-драматический театр Республики Коми (г.Сыктывкар, ул. Бабушкина, 4) за почти 20 лет своего существования стал культурным и национальным достоянием нашей республики, символом уникальной и самобытной культуры коми народа, средоточием его традиций и талантов.

Сегодня он создаёт клуб любителей театра, с целью сотрудничества и всемерной помощи театру, сплочения всех, кто любит и ценит театральное искусство, кому не безразлична судьба коми культуры!

Если вы готовы помочь театру в одном или нескольких направлениях его деятельности, –

- организация в подготовке творческих мероприятий и широкомасштабных проектов;
- продвижение спектаклей и постановок театра (например, распространение рекламной продукции);
- организация работы со зрителями (например, информирование своих друзей и знакомых о спектаклях, помочь в проведении маркетинговых исследований театра), –

или готовы предложить другую деятельность помочь театру – **ТЕАТР ЖДЁТ ВАС!**

Как стать членом Клуба любителей театра?

1 способ – заявить о своём желании по телефону (8212) 24-38-97

или отправить письмо на адрес teatrkomi@yandex.ru с конкретными предложениями о сотрудничестве, необходимой информацией о себе (имя и отчество, удобный способ связи с Вами).

2 способ – заполнить анкету в кассе театра, мы обязательно свяжемся с Вами.

В театре готовы выслушать все Ваши предложения и вопросы.

Нам пишут.

Добрый день!

Из неизбывного восхищения перед всей Вашей командой решил написать рецензию (если это можно так назвать) на Вашу замечательную – как всегда – работу «Красный номер АРТа». Не знаю, насколько Вам это нужно и важно, но иногда хочется поделиться удовольствием за восприятие чьих-то усилий, чувств, мыслей.

Всем Вам спасибо огромное!

Что успел за перелёт, переезд от Вашей редакции до своей московской квартиры (в самолёте, поезде, метро):

1. Здорово, что Вы решились на «цветовую революцию», любая традиция стоит на своевременных её нарушениях. И вообще, крен в современность (которая, правда, всегда у Вас была «на острие», но сейчас даже в какой-то «ностальгии по настоящему», как сказал бы один из учредителей приснопамятного фонда «AVVA»), которую я почувствовал в том номере, меня порадовал.

2. Я совсем не знаток современной живописи, но творчество В. Осташевой, по моим представлениям, не проходное. Кроме картины на обложке, мне понравилась также «Показывающая различия между старостью и зрелостью» (название превосходное), а также «Прорастание на кости» (из-за своего символизма). Вообще автору удивительно удаются названия провокативные, литературные, скрыто-стихотворные, кинематографичные, в общем, человек знает, чем он занимается. Всегда удивляла способность критиков описывать и анализировать подобного рода живопись, для меня такой талант – загадка, особенно, когда действительно находишь какие-то отклики типа: «тема очеловечивания, как облысения...» – вполне себе словесная инсталляция. Передача всей нашей жизни, как неких кадров из авангардного фильма, вполне удалась Александру Котылеву, как говорит молодёжь, Respect ему!

3. Искренне воодушевил весь набор материала по 90-летию П. И. Чисталёва. В который раз убеждаюсь, что моё первое ощущение от «страны Коми», как места, где обитает «спокойная красота достоинства» человеческой души, сути, явленности, было, есть и будет для меня правильным и поддерживающим во многом. Такой адекватности бытия – со временем, собой, близкими, судьбой, работой, творчеством и т.д. – трудно передать, но Вам это удалось, Слава Богу, что он таких людей посыпает в мир. Как фанат музыки, в том числе и этно, всё внимательно прочёл: Изалий Иосифович – поразил всем: булгаковщиной (и в самом хорошем и лёгком ироничном смысле), особенно хороши детали. Тонкому умению всё выстроить и пронюансировать тоже можно у него поучиться. Чувствуется как П. И. – иногда вынужденно, а иногда и с удовольствием осваивает благодаря общению с ним эту науку. Как профессиональный критик « зануда » (по работе приходится редактировать кучу текстов) не удержусь спросить, это чья ошибка в названии доклада «в этногенезе исследований» вместо «в исследовании этногенеза»? Поражает, что на следующей странице П. И. благодарит Изалия за предложенную им самим же тему доклада – «Господи, сколько же в нас сегодняшних гордыни» – это я уже про себя на фоне такой скромности действительно выдающегося человека как П. И. Кстати, по поводу адекватности, всегда замечал, что любой адекватный человек всегда больше обстоятельств, и больше именно не тем, что их

навязывает, а тем, что они как бы тонут в нём, не соответствуют объёму его душевного величия, получается, что он как бы столь значим, что ещё больше делает места другим. Вот Чисталёв именно по-настоящему таков. Примечания к письмам Иосифовича превосходны. Знак качества. Браво, маэстро! Опять же интересно наблюдать нюансы отношений к разным людям, в них описываемых. Отдельный шок (в хорошем смысле этого слова) от работы Шейкина Ю. И. – для диссертации записать 2 000 произведений, это нечто – «далее тишина». Сейчас на нескольких десятках защищаются. Понравилась словесная тонировка (придуманная мной естественно) о Коми музыкальных присловьях, используемых для запоминания и передачи строя сигудков следующим поколеньям. Пон, Поп, Тон. Брунган – что-то от А. Платонова (таинственная форма слова). Я уж молчу о самом инструменте, появилась мечта его услышать. Сделайте выпуск с CD-приложением, это сейчас совсем недорого ведь (шутка!). Прасковья Ивановна – жена из сказок, нет ни слов, ни смыслов, чтобы описать...

4. Дмитрий Кривцов. «Последний лось».

Просто талант! Спасибо бесконечное автору и редакции. Есть всё, что нужно для блестящего рассказа. Немногообраз жизни, вечности в мгновенье и т.д. Говорить об этом не надо, всё дано в тексте. «Инфаркт» – это уже счастье за то, что она настоящая творческая душа, живёт, ходит, работает где-то рядом. И не может не дарить также маленькие светлые чудеса для всех и просто от восторга перед жизнью и словом.

5. Текст Т. Снегиревой интересен.

Близок мне «Атлас Души», тяжесть Урала, но стихи... (помню, как ещё 12-14 лет назад неистовствовала газета «Завтра» – за сочетание «Эта страна», сейчас это уже считается автору штампом, хотя мне лично до сих пор режет слух и является своеобразным маркером человека). По-моему, писателя, в принципе, не может «не интересовать мифология» – не важно чего – Урала, двора, человека – ведь невозможно не то, что любое писание просто, любое мышление, поэтому заявление (стр. 83 вверху), как и мне в тексте просто не понятно. Может быть, мы просто с Казариным из разных интонаций...

6. Штудии: отечественная литература сегодня.

Понравилась сама идея и форма её реализации, то есть работа редакции. Но авторы, увы, кроме В. Шапошникова, какие-то сильно недовольные, раздражённые, местами даже оскорблённые не ясно на кого – на свой предмет изучения, язык, литературу, писателей? При этом я нашёл реально только одну развернутую цитату (из художественного произведения). Все употребляют кучу штампов, какой-то оригинальной своей мысли, на мой взгляд, просто нет. Можно ведь просто порадоваться красивому образу, странице, идее и т.д. Увы, критики об этом не сообщают. По моим (и не только, насколько я могу судить) ощущениям, в стране идёт настоящий поэтический Ренессанс. В сети, да и в книгах столько хороших стихов, что явно наступил какой-то очередной существенный период поэтического бытия языка. За последние три года вышла куча романов, о которых говорят вполне позитивно – даже тот же Бондаренко. Вообще идёт вал романов, именно о современности, чего не было ещё 10 лет назад, а количество всё равно перейдёт в качество. Увы, у авторов сплошное брюзжание.

Больше всего отторгает от текстов авторов именно это наличие заранее, после двух страниц чтения, запрограммированной позиции, её даже трудно чисто в литературном смысле сформулировать – это такая мировоззренческая позиция нашей интеллигенции. Если её иронично формулировать, то звучит так: «всё, кроме

наших собственных мыслей и чувств, у нас плохо, да и мысли наши тоже нам опротивели». Безусловно, жизнь настолько многогранна, что под эту позицию можно набрать сколько угодно аргументов, если уж на благословенном для интеллигенции Западе постоянно возникают: «новые критики», «рассерженные поколения», «новые бунтари» и т.д. и т.п., что же говорить про нас...

Но когда почти основная мысль текста автора сводится к тому, что В. Аксенов – это, в общем-то, посредственный писатель, это уже печально. Кто бы с этим текстом спорил, что он, как и масса других «священных коров» нашей интеллигенции – это дутые фигуры, о которых забудут уже лет через 5-10, но ведь весь свой тезис автор сводит к тому, что В. Аксенов писал только о трусах, алкоголе и сексе и всё! И что? – масса классиков XX века писали целые романы об этом, дело ведь в общей пустоте его текстов, вторичности поэтики, отсутствии реальной боли за страну, людей, но об этом автор как раз молчит, такое чувство, что его самого радует смелость, с какой он ниспровергает (чисто заявительно, без аргументов) кумира своей молодости. У меня к В. Аксенову чисто случайный собственный счёт: как-то на 2-3-х книжных выставках я проводил, ради интереса, такой блиц-опрос известных писателей «Назовите пять самых лучших на Ваш взгляд романов нашей литературы за ХХ век» – самое интересное, что все из разных идеологических лагерей называли почти один и тот же список: А. Белый «Петербург», А. Платонов «Чевенгур», В. Набоков «ДАР», М. Шолохов «Тихий Дон», далее вариации – Б. Пастернак «Доктор Живаго», если его хорошо отредактировать, как сказал также ниспровергаемый критиком В. Ерофеев, или «Дневники Пришвина» – сказал В. Кожинов. Делал я всё это с массой «китайских приседаний», и отнюдь не настаивая, и только В. Аксенов продемонстрировал мне своё откровенное «ФЭ», типа «Что за дурацкий вопрос? Зачем вы отнимаете у меня время!!!» И ещё несколько агрессивных и раздражённых пассажей, я был в шоке, молча отшёл, хотя тот же В. Кожинов, В. Ерофеев спокойно, долго обосновывали свою позицию, Павел Крусанов – вообще прочёл целую лекцию о романе, поэтому я могу быть необъективным в отношении В. Аксенова. Если взять литературный путь В. Аксенова за хронологическую точку отсчёта 1960–2010 года и задуматься, а что можно сказать духоподъёмного и жизнеутверждающего о нашей литературе (а, следовательно, и о жизни), а не повторять эту наркотическую жвачку о том, что «всё плохо», иногда складывается впечатление, что цель и смысл существования многих людей только и состоит в том, чтобы добежать до «трубы», по которой она циркулирует и присосаться к ней, чтобы опять по венам она начала циркулировать, и эта «инобытийная сусpenзия наполнила меня во всей полноте». Я уже писал, что по-моему:

- в стране явно идёт поэтическая революция – кстати, что характерно, критики о поэзии не пишут – и хлопотно, и трудно, и в их концепции не вписывается изначально;
- возрождается, что видно просто по прилавкам, жанр романа, в невиданных доселе масштабах;
- появляются писатели, которые научились совсем не на халтурном беллетристическом уровне зарабатывать на литературе приличные деньги, типа Акунина, Быкова и т.д., это уже очень хороший знак, а ведь это возникло в 2000-е годы, и это задаёт бешенный стимул для других;
- произошло тотальное воссоединение с эмигрантской и вообще не публиковавшейся литературой, в том числе и заграничной (чего стоит только факт опубликования текстов А. Платонова). Как Шекспир один может оправдать суще-

ствование Англии, так А. Платонов – России. Он, создав не просто свой язык – что вообще делают 2-3 человека в каждом веке, но вообще свою бытийность и многое чего такого, что выходит за всякие рамки.

А ведь был ещё В. Набоков – «Лолита» вышла на русском в 1966 году, а «Ада» впервые напечатана в 1969 году, а конгениальный аутентичному тексту перевод Ильина вышел только в 1999, то есть вот уже в начале 2000-х годов, и одного этого романа достаточно, чтобы выть, рыдать, прыгать от восторга перед классической, модерновой и постмодерновой нашей культурой – роман написан о России и со всеми ностальгическими примочками об уходящей Атлантиде, этой красивейшей из возможных жизней, написан первоклассно, выше только вечность, суперсовременно – точнее, современность – это не то, на что ориентировался и что легко превосходил В. Набоков. И это только начало списка, естественно, критикам это всё не нужно, они просто не могут писать в такой парадигме, им нужно, чтобы всё было плохо.

Если рассматривать этот вопрос с глобальных позиций, то, следуя модному ныне М. Хайдеггеру, можно сказать, да – «язык это дом бытия». Я специально беседовал с разными людьми на эту тему, что, по их мнению, за последние 20 лет произошло в языке, что свидетельствовало бы в пользу безнадёжности, тупиковости, исчерпанности нашей культуры? Самые разные люди от националистов до завзятых либералов, в целом, говорили одно и то же: нет, наоборот, возможности и полнота языка расширились, сложность и способы восприятия мира и выражения его в языке умножились, существенно. Чтобы не выглядеть «оптимистичным идиотом», сошлюсь только на двух умнейших, по-моему, из пяти ныне живущих, гуманистариев, культурологов, философов О. Генисаретского и В. Малявина – с которыми говорил подробно, оба говорили одно и то же. Кстати, по поводу постмодернизма. Передаю слова В. Малявина: «Все ругают постмодернизм, но, по-моему, это и вызов и бездна новых возможностей, раньше человек мог посвятить полжизни, чтобы докопаться до какого-то сакрального текста, а сейчас они сотнями публикуются в Интернете, с любым Гуру можно свободно общаться, возможностей масса, нужна только воля и желание к самопознанию» – что тут добавить??!

Извините, может, наговорил много лишнего и ненужного. Просто на схожую тему спорил с Э. А. Савельевой в последний приезд – ради интереса отошлю ей этот текст тоже – в каком-то смысле продолжение спора с ней о России, всеобщем упадке, красоте жизни, оптимизме и т.д.

Из созвучного.

Читаю интервью с Захаром Прилепиным в «Завтра», он говорит – «Мне «Литературка» заказала серию интервью с известными критиками и писателями, потом отказалась печатать – получилось слишком оптимистично и позитивно» – и это не у меня, а у завзятого левого радикала Захара Прилепина, значит, что-то происходит в воздухе, особенно на фоне того, что у нас впервые за 16 лет в прошлом году начало расти население, а не вымирать и сокращаться, для меня это тектонический сдвиг...

В общем, спасибо Вам за возможность высказать свои взгляды.

За Ваш провокативный и интересный журнал, просто за то, что Вы есть.

*С уважением, Андрей Притворов,
директор издательства ДИК (г. Москва)*